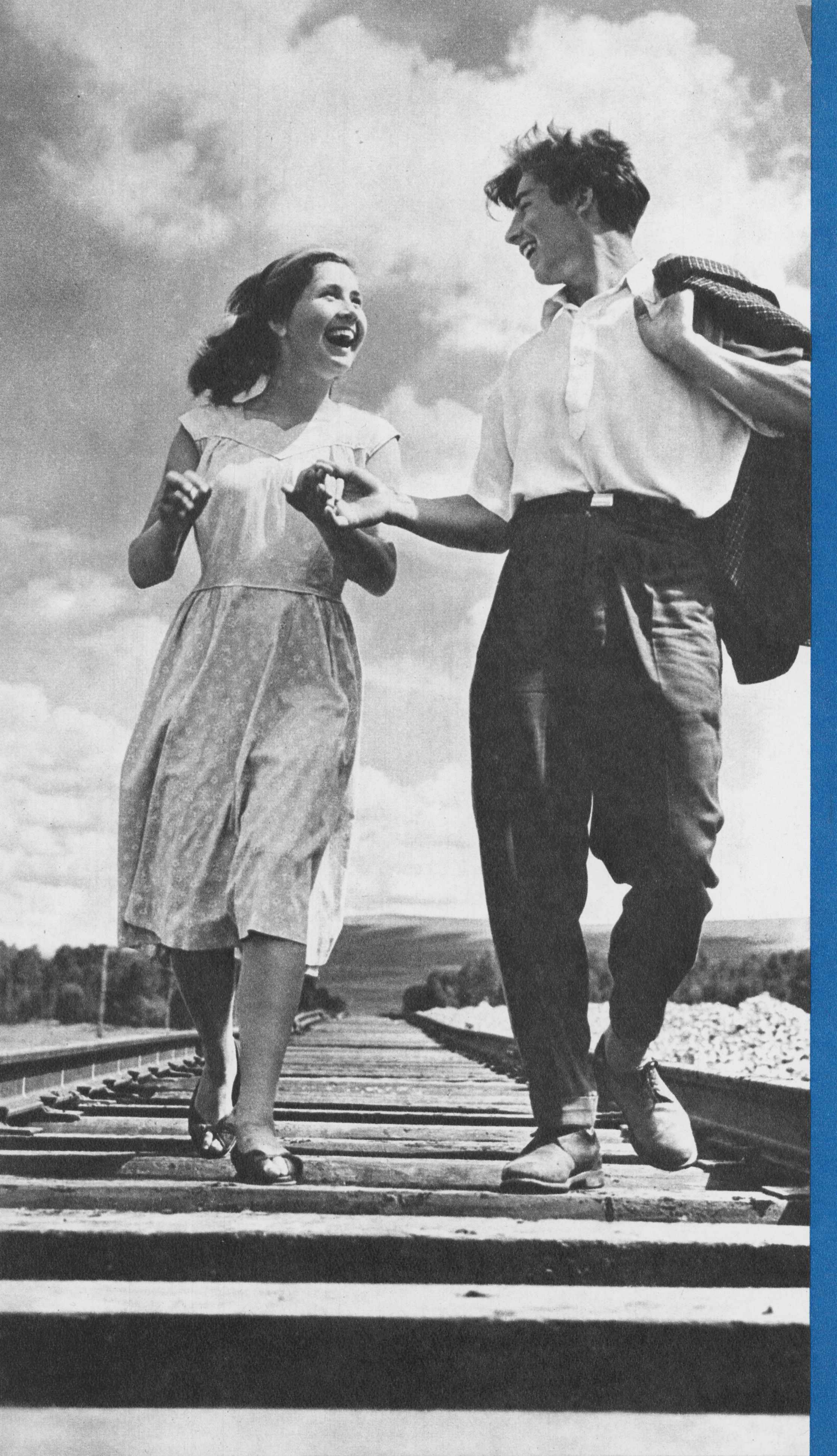

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 12 (1709)
20 МАРТА 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Молодожены — строители сибирской трассы.

Фото К. ТОЛСТИКОВА.

С Всесоюзной фотовыставки «Семилетка в действии».

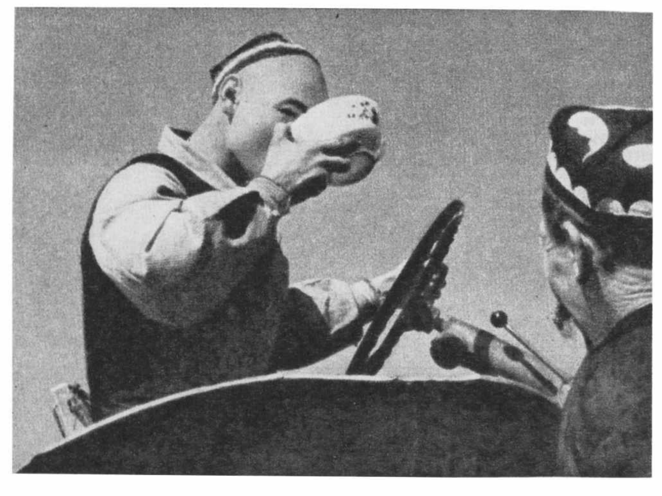
На первой странице обложки: Памятник К. Э. Циолковскому в Калуге.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Весна взяла старт в Таджикистане, в Гиссарской долине. Зазеленели сады в колхозе имени Ленина. Дети с учителем Солихом Исмаиловым отправились на большую прогулку.

ВЕСНА

С наслаждением пьет холодный зеленый чай тракторист Юсуфджан Нишонов.

ВЗЯЛА

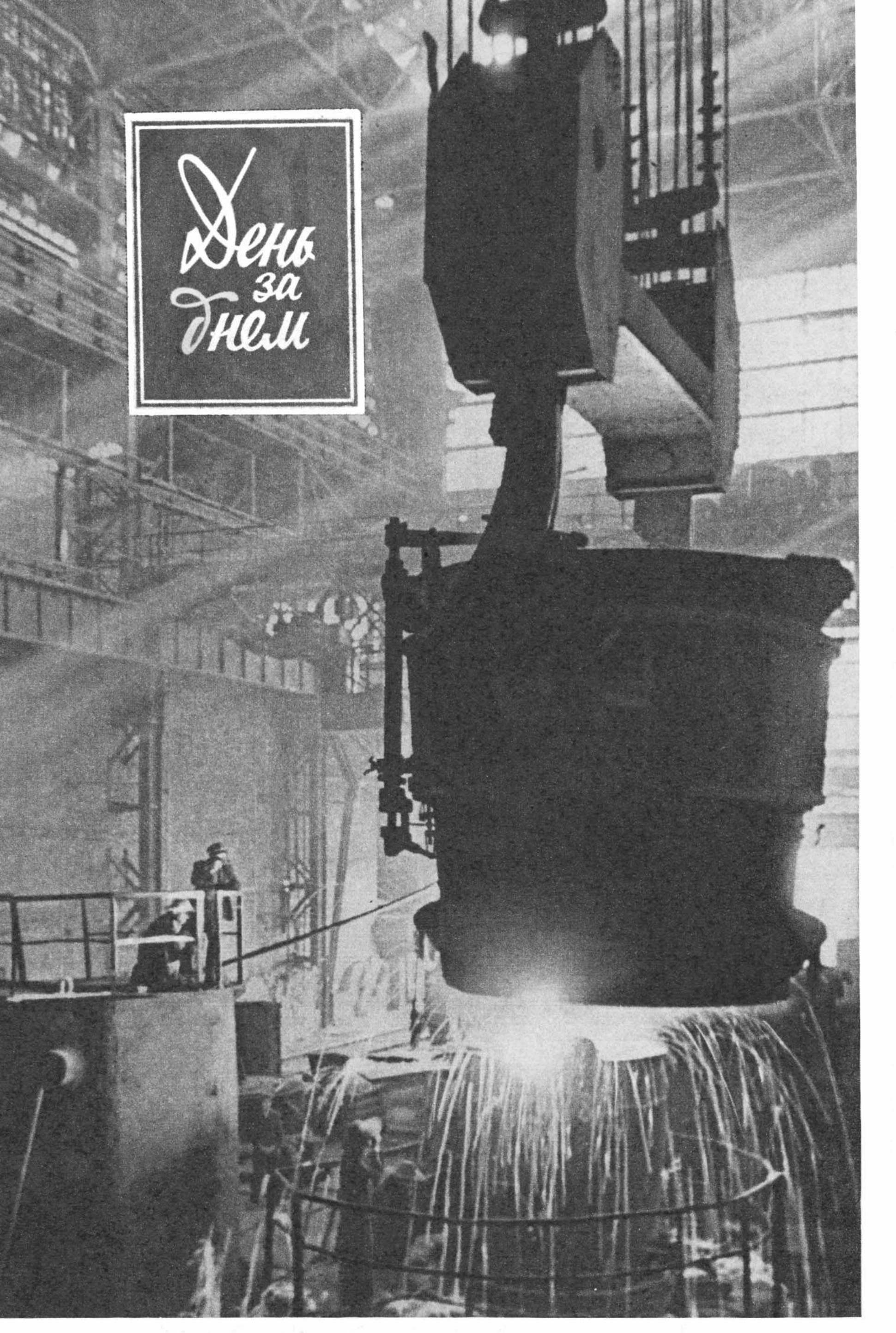
Вот они, всходы озимой пшеницы! Председатель колхоза Хомиджон Назаров и старейшие полеводы довольны ими.
Фото А. Узляна.

СТАРТ

На Памире.
Фото Б. Кудоярова.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Поездка Н. С. Хрущева во Францию — еще одна победа дела мира. ★ О разбойничьих диверсиях против Республики Кубы читайте в очерке специального корреспондента «Огонька» Г. Боровика. ★ Индустриальной Пензе посвящен очерк Е. Кригера. ★ Французские кинематографисты снимают фильмы под водой и в кратере вулкана. ★ Пятиэтажный дом «строится» на заводе. ★ Окончание повести «Взятие Громовицы».

МЕТОД ВАКУУМИРОВАНИЯ ПРИ ВЫПУСКЕ СТАЛИ разработали и внедрили работники Уралмашзавода. За это изобретение, значительно повышающее качество металла, авторы представлены к Ленинской премии.

На снимке: разлив стали в мартеновском цехе Уралмашзавода.

Фото И. Тюфякова.

ТРИ ГРУППЫ ПРОДЛЕННОГО ДНЯ созданы в школе № 23 имени Ворошилова Фрунзенского района Москвы для ребят с первого по пятый класс.

Окончив занятия, первоклассники остаются в школе до пяти часов. Они готовят уроки, гуляют, обедают, отдыхают в спальне. Ученики второй смены приходят в школу утром к завтраку и остаются до начала занятий.

На снимке: тихий час у первоклассников окончился.

Фото Р. Лихач.

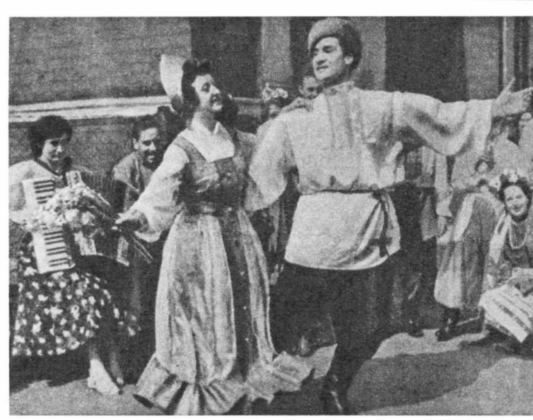
ПЕРВЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ ЭЛЕКТРОВОЗЫ проходят гарантийный пробег на участке Ожерелье — Павелец, неподалеку от Москвы.

Эти машины, поставляемые по торговому соглашению между СССР и Францией, приспособлены к работе при низких температурах и предназначены для электрифицируемой Транссибирской магистрали.

Вместе с красноярскими машинистами, прибывшими в Ожерелье, обкаткой новых электровозов руководят французские специалисты-инструкторы.

На снимке: руководитель группы красноярских машинистов В. Матеозов (стоит) и французский специалист Б. Декурсье ведут электровоз на участке Ожерелье — Павелец.

Фото В. Понкина.

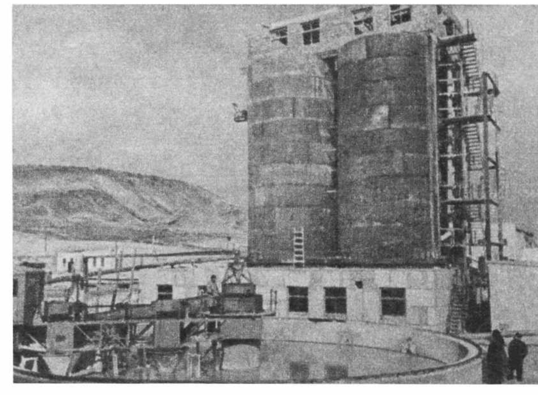
РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ТАНЦЫ ИСПОЛНЯЛИСЬ НА СВАДЬБЕ ЖИТЕЛЕЙ ЛОНДОНА Кэтлин Пирс и Билла Мартина. Танцевали англичане, участники ансамбля «Балалайка», который был организован молодыми людьми, побывавшими на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

КОЛХОЗНАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ НА РОДИНЕ М. В. ЛОМОНОСОВА откроется в будущем году в связи с 250-летием со дня рождения великого ученого.

Двадцать девять художников передали в дар колхозу имени Ломоносова 70 своих произведений, которые на днях были показаны на выставке в Архангельске.

Фото К. Коробицына.

ПЕРВЫЙ В СТРАНЕ МЕЖКОЛХОЗНЫЙ ЦЕМЕНТНЫЙ ЗАВОД начал работать близ Бахчисарая в Крыму. Предприятие сооружено менее чем за год на средства сельхозартелей области. Мощность первой очереди — 140 тысяч тонн в год; с пуском второй очереди Бахчисарайский завод будет ежегодно выпускать 280 тысяч тонн цемента.

На снимке: горизонтальный бассейн; отсюда тщательно перемешанный шлам поступает по трубопроводам во вращающуюся печь.

Фото Г. Бородина.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ отпраздновали недавно питомцы одного из интернатов в Днепропетровске. Семидесяти двум мальчикам и девочкам были преподнесены разнообразные подарки.

Фото А. Ахматова.

МОТОРЫ ДЛЯ АВТОМОБИЛЕЙ «ВОЛГА» начал выпускать Заволжский моторный завод в Горьковской области.

На снимке: автоматическая линия головки блока мотора.

Фото Н. Капелюша.

М. А. Шолохов в зарубежных странах

Тепло встречали М. А. Шолохова в Дании, в Норвегии и Швеции. Советский писатель присутствовал в Копенгагене на демонстрации фильма «Судьба человека», поставленного по его рассказу, выступил с лекцией перед студентами университета в Осло.

На снимке: М. А Шолохов, посол СССР в Норвегии М. Г. Грибанов и М. П. Шолохова в Осло.

НАЧАЛОСЬ...

Сало ФЛОР

В первые мартовские дни в Москве появились афиши, извещавшие о предстоящем матче на первенство мира по шахматам между М. Ботвинником и М. Талем. Можно было вполне обойтись без афиш. Разве в Москве есть люди, которые не знали бы, что предстоит этот матч, который доктор М. Эйве назвал «матчем столетия»?

Любители шахмат сначала считали месяцы, затем недели, дни и, наконец, часы. Дождались: 15 марта, в пять часов дня, начался этот замечательный матч.

За два дня до этого поездом из Риги приехал М. Таль со своим секундантом А. Кобленцем. Москвичи навели справку о приезде «маленького Миши» и встретили его на вокзале. Те же, которых не было на перроне, стараются связаться с Талем по телефону в гостинице.

— Это ведь не телефонная станция, надо выключить телефон, — предлагает Кобленц.

Но Таль любит находиться в «контакте с народом» и возражает:

— Пусть звонят, это хорошо!

Может быть, Таль надеется получить хорошие советы, вроде «меньше жертвуйте» или наоборот?

Из-за границы прилетели первые наши гости, давнишние шахматные друзья. Из Амстердама — высокий экс-чемпион мира М. Эйве, из Стокгольма — массивный Г. Штальберг, из Лондона — худощавый Г. Голомбек.

Доктор М. Эйве только «по совместительству» экс-чемпион мира. Он директор научно-исследовательского института в области счетно-электронных машин. На следующий день после приезда доктор посетил одну из наших точек счетно-электронных машин в Академии наук. Собралась солидная компания: академики, профессора, инженеры. Обменялись опытом, задавали вопросы. Но вскоре почувствовалось, что «шахматный вирус» проник и в Академию наук. Один ученый спросил:

— Доктор Эйве, простите за «посторонний» вопрос: как насчет результата матча Ботвинник — Таль?

Экс-чемпион мира шутливо ответил:

— В Голландии нет такой машины, которая бы делала точный прогноз в шахматной игре. А у вас?

— У нас тоже нет, пока,— ответил советский профессор.

Так что же сказать нам, простым гроссмейстерам, когда ученым неясен вопрос! Наш брат пожимает плечами и дает уклончивый ответ, вроде «посмотрим», «увидим», «а бог его знает» и т. д. Лучше всех отвечает Т. Петросян: «Я человек нейтральный».

Главный арбитр матча с улыбкой говорит:

— Если я даже знаю, то не имею права сказать.

Правда, есть отдельные «смелые» гроссмейстеры, которые называют победителя прямо по имени. Так, например, в письме на имя М. Ботвинника чемпион США Бобби Фишер утверждает, что Ботвинник выиграет, причем легко.

...Буквально с первого хода первой партии гроссмейстеры продемонстрировали боевое настроение. Кстати, о первом своем ходе e2—e4 Таль предупредил одного корреспондента еще после турнира претендентов в Югославии... Характерно, с каким ожесточением Ботвинник и Таль боролись за инициативу. Когда она постепенно перешла к Талю, позиция Ботвинника развалилась в несколько ходов.

Выигрыш первой партии имеет немалое психологическое значение. Но хорошо известно, что Ботвинник не из тех, кто падает духом. В прошлом он начинал свои матчи по-всякому: и ничьей (с Бронштейном), и выигрышем, и проигрышем (со Смысловым).

Естественно, что после важной победы Таль и «вся Рига» в приподнятом настроении. Таль с ходу ликвидировал преимущество чемпиона мира, которое заключается в том, что при ничейном результате он сохраняет свое звание. Теперь уже Таля устраивает, чтобы в оставшихся партиях был ничейный счет — $11\frac{1}{2} : 11\frac{1}{2}$!

На снимке слева направо: М. Таль, М. Эйве и М. Ботвинник.

Фото Е. Умнова.

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ «ОГОНЬКА»

На прошлой неделе в Ленинграде по инициативе Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина члены редколлегии «Огонька» встретились с ленинградскими читателями. В зале собралось свыше двухсот человек: рабочие, инженеры, врачи, учителя, студенты, художники, библиотекари, военнослужащие...

Много было высказано полезных советов и критических замечаний.

Электромонтер завода «Электросила» имени С. М. Кирова В. Николашев советовал чаще публиковать рассказы и очерки о героях семилетки. Об этом же говорил и молодой рабочий Кировского завода В. Прямов.

Живой обмен мнениями завязался по поводу того, нужно ли печатать в журнале повести с продолжением в нескольких номерах.

В выступлениях читателей затрагивались вопросы оформления журнала, пропаганды живописи современных советских мастеров, повышения качества цветной фотографии, освещения жизни искусства, спорта, расширения отдела юмора.

Фото А. Бахарева.

Победившие океан

Мы еще узнаем со всеми подробностями сагу о том, как четверо советских парней, молодых солдат, очутились лицом к лицу с океаном на небольшом суденышке — и победили океан. Но имена героев этой саги уже известны всему миру.

Сорок девять суток провели на самоходной барже, которую буря унесла в Тихий океан, младший сержант комсомолец Асхат Зиганшин, комсомолец рядовой Филипп Поплавский, комсомолец рядовой Анатолий Крючковский, рядовой Иван Федотов. Почти два месяца носили волны и ветер по океану это суденышко, и каждый из дней этого дрейфа был полон борьбы с жаждой, с голодом, с отчаянием, которое хотело победить волю. На барже оказались минимальные запасы пищи. Воду для питья давали только дожди. Когда пища подошла к концу, пришлось есть сапоги и ремни... Можно было бы сказать много слов об отваге этих четырех парней, о мужестве, которое взяло верх над отчаянием. И эти слова еще будут сказаны.

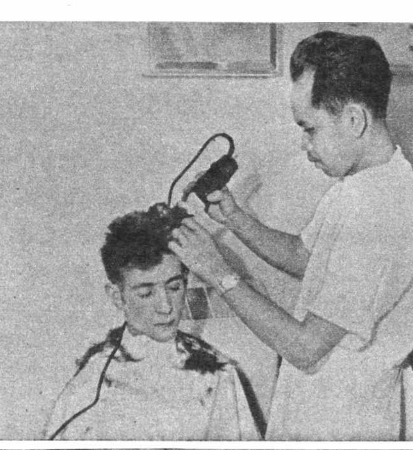
А пока можно выразиться коротко: эти четверо были советскими людьми. И они выстояли.

Седьмого марта советских солдат взял на борт американский авианосец «Кирсардж».

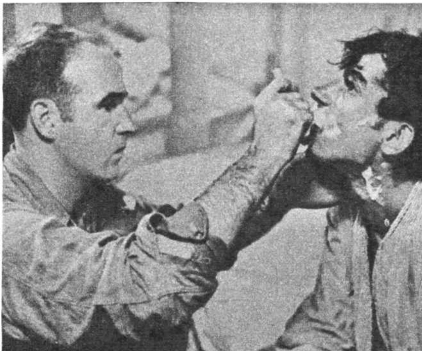
Благороден поступок американских моряков, спасших советских людей. Не случайно вся эта история взволновала Америку от Тихого до Атлантического океана. В этом проявилось и восхищение американцев мужеством советских людей и их доброе отношение к нашему народу.

Филипп Поплавский (слева) и Асхат Зиганшин на борту авианосца «Кирсардж» беседуют с американским моряком.

Стрижка после сорокадевятидневного дрейфа: американский моряк Томас Томория и Филипп Поплавский.

Член экипажа авианосца «Кирсардж» Дейл Дэвис помогает побриться Асхату Зиганшину.

Фото Ассошиэйтед пресс.

ПИРАТЫ В ВОЗДУХЕ

Американский заграничный паспорт, выданный на имя Роберта Эллиса Фроста.

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Четвертого марта, в 3 часа 10 минут пополудни, в порту Гаваны, у причалов компании «Пан-американ», раздался взрыв. Там разгружался французский пароход «Ля Кубр», привезший оружие и боеприпасы из Бельгии для Кубы. Мощным фонтаном взвилось над кораблем пламя. Припортовые улицы заволокло дымом. К месту происшествия на бешеной скорости мчались медицинские, пожарные и полицейские автомашины, оглушая улицы тревожным воем сирен.

Когда спасательные работы были в разгаре и санитары погружали в автомобили раненых, на корабле раздался второй взрыв, еще более сильный, чем первый. Клубы огня и дыма, обломки палубных построек взлетели вверх буквально через несколько секунд после того, как над местом происшествия пролетел на вертолете глава кубинского правительства д-р Фидель Кастро. На авеню де Пуэрто взрывной волной выбило все стекла в окнах домов.

После второго взрыва число убитых достигло 90 человек, раненых — более 200 человек.

Оба взрыва произошли не случайно. Опытные гаванские докеры на этот раз производили разгрузку особенно внимательно и осторожно, зная, что оружие и боеприпасы, приобретенные на средства, пожертвованные кубинским народом, нужны республике для защиты ее революционных завоеваний. С их стороны трагическая ошибка была исключена. Вероятнее всего, в корабле находились бомбы замедленного действия.

Значит, кровавое преступление готовилось заранее. Чья-то холодная рука расчетливо и обдуманно поставила часовой механизм взрывателя так, чтобы не только уничтожить оружие, но и вызвать максимальное количество человеческих жертв.

Кто «автор» этой трагедии? В чьих руках собраны нити заговора — самого кровавого из тех, что предпринимались против Кубинской республики за последние пять или шесть месяцев. Видимо, расследование, которое проводится сейчас кубинскими властями, ответит на эти вопросы. Возможно, преступники смогут быть поименованы.

А пока, быть может, небесполезно восстановить в памяти цепь кровавых деяний, совершенных против кубинского народа теми, кто ненавидит новое, независимое государство, возникшее на маленьком острове в Карибском море.

Вот список диверсий против республики Кубы начиная с октября прошлого года, вероятнее всего, далеко не полный.

11 октября 1959 года. Самолет сбросил две зажигательные бомбы на Сентраль[1] Ниагара.

19 октября. Неизвестный самолет сбросил две бомбы над Пунта Алегрэ.

21 октября. Двухмоторный самолет разбрасывал контрреволюционные листовки над Гаваной и обстрелял ее улицы из пулемета.

22 октября. Самолет атаковал пассажирский поезд в Лас Вильяс.

26 октября. Во второй раз самолет бомбардировал Сентраль Ниагара.

13 января 1960 года. Самолет сбросил зажигательные бомбы на плантации сахарного тростника недалеко от Сентраль Эрсей.

19 января. Самолет разбрасывал самовоспламеняющийся фосфор над полями сахарного тростника в Кемадос де Гюинес и Ранчо Велос.

28 января. Самолет сбросил зажигательные бомбы над Сентраль Аделаида, Виолета, Патриа, Пунта Алегрэ и Морон.

30 января. Самолет сбросил зажигательные бомбы над сахарными плантациями в Сан Исидро.

31 января. Самолет поджег сахарный тростник в районе Санкти Спиритус.

6 февраля. Бомбардировка сахарного тростника вблизи Пунта Алегрэ.

8 февраля. Новая воздушная агрессия вблизи Сентраль Аделаиды.

11 февраля. Самолет сбросил фосфорные бомбы над Эль Кано.

13 февраля. Воздушные пираты подожгли сахарный тростник в зоне города Перико.

15 и 17 февраля. Бомбардировка сахарного тростника в провинции Матансас.

18 февраля. Взрыв в воздухе американского самолета у города Перико.

В тот же день другой самолет поджег сахарный тростник в Сифуэнтес.

21 февраля. Двухмоторный самолет сбросил четыре 100-фунтовые бомбы над деревней Кохимар.

26 февраля. Диверсанты подожгли склад с зерном в провинции Матансас.

4 марта. Взрыв в порту Гаваны.

Когда просматриваешь этот список, не верится, что Куба не находится в состоянии войны с каким-нибудь иностранным государством. Не верится, что Куба, эта маленькая страна, населенная замечательным народом, строит жилые дома, школы, целые школьные городки, больницы, что ее армия большую часть времени проводит на полевых работах, на строительстве жилых домов.

Кто же сбрасывает бомбы на мирную Кубу? Где базируются воздушные пираты, где заправляются горючим? Кто эти летчики, хладнокровно лишающие жизни, имущества, пропитания мирных людей?

[1] Сентраль — сахарный завод с прилегающими к нему плантациями.

Французский корабль «Ля Кубр», взорванный в Гаванском порту 4 марта.

Фото Ассошиэйтед пресс.

Страница из полетной книжки преступника с записями последних трех вылетов Фроста с аэродрома Тамиами.

Снимки МИД Кубы

Американские эксперты рассматривают вещи и документы, принадлежавшие воздушному пирату.

И НА ВОДЕ

...Ровно за две недели до трагического взрыва в Гаванском порту, в 6 часов утра 18 февраля, на взлетной площадке аэродрома Тамиами во Флориде (США) стоял готовый к взлету одномоторный моноплан, выкрашенный в красный и белый цвета. На его борту четко выделялись литеры: «LYC-250».

Пилот в белом шерстяном свитере закрыл окошечко с левой стороны и связался по радио с диспетчерским пунктом:

— Команче два пять ноль... Команче два пять ноль...— произнес он в микрофон.— Прошу разрешения на взлет... Прошу разрешения на взлет... Место назначения — аэропорт Браун... Аэропорт Браун...

Самолет взлетел и взял курс на юг. Но в аэропорту Браун, находящемся в десяти милях к югу от Тамиами, он не приземлялся, и никто его больше там не видел.

Три часа спустя красно-белый моноплан появился над сахарными плантациями недалеко от города Перико в кубинской провинции Матансас. Люди на Кубе привыкли с недоверием и опаской встречать каждый незнакомый самолет, появляющийся в небе. И сейчас рабочие сахарного завода около Перико, со страхом и тревогой следившие за краснобелым хищником, увидели, как летчик, одетый в белое, открыл правое окошко кабины и оттуда высунулась его рука, державшая какой-то черный предмет.

— Бомба! — раздался крик в толпе. Люди бросились врассыпную.

И вдруг произошло неожиданное. Самолет исчез, а вместо него в небе возник клубок черного дыма и огня. Видимо, бомба взорвалась в руках преступника.

...На трупе летчика были найдены документы, которые отвечают на многие из тех вопросов, которые мы задали себе выше.

Убийца — американский гражданин. Его имя — Роберт Эллис Фрост. Год рождения — 16 августа 1929 года. Место рождения — город Милуоки, штат Висконсин. Свой первый полет Фрост совершил 6 августа 1945 года. Он работал летчиком, потом, окончив техническую школу, механиком, потом снова летчиком и снова механиком. Биография его не очень чиста. Он жил иногда под разными именами. Несколько месяцев тому назад он переехал во Флориду, узнав, что здесь можно легко заработать немалые деньги. Для этого достаточно стать профессиональным убийцей и сдавать себя по найму «заинтересованным лицам».

О том, что полет в Перико не первый полет Фроста, свидетельствует полетная книжка. Последние вылеты с американского аэродрома Тамиами обозначены числами 3, 15 и 17 февраля. Эти даты совпадают с датами бомбардировок кубинских сахарных плантаций «неизвестными самолетами».

Географическая карта, найденная на трупе, очень определенно фиксирует базы для вылетов во Флориде и цели бомбардировок на Кубе.

В заграничном паспорте, выданном в Вашингтоне на имя Роберта Эллиса Фроста — гражданина США,— есть такие строчки: «Он (паспорт) не годен для путешествия в какое-либо иностранное государство с целью поступления в вооруженные силы этого государства или несения службы в них». Но, видимо, этот паспорт был «годен для путешествия» в мирную страну Кубу — творить кровавые злодеяния против ее мирных жителей.

Для расследования дела Роберта Эллиса Фроста были приглашены американские эксперты. Они признали все доказательства неоспоримыми. Американские власти принесли официальные извинения по поводу случившегося перед кубинскими властями.

Но для кубинского народа гораздо важнее было бы вместо извинения получить гарантии того, что соответствующие американские власти будут пресекать преступные пиратские полеты, совершаемые с территории США. Однако таких гарантий нет...

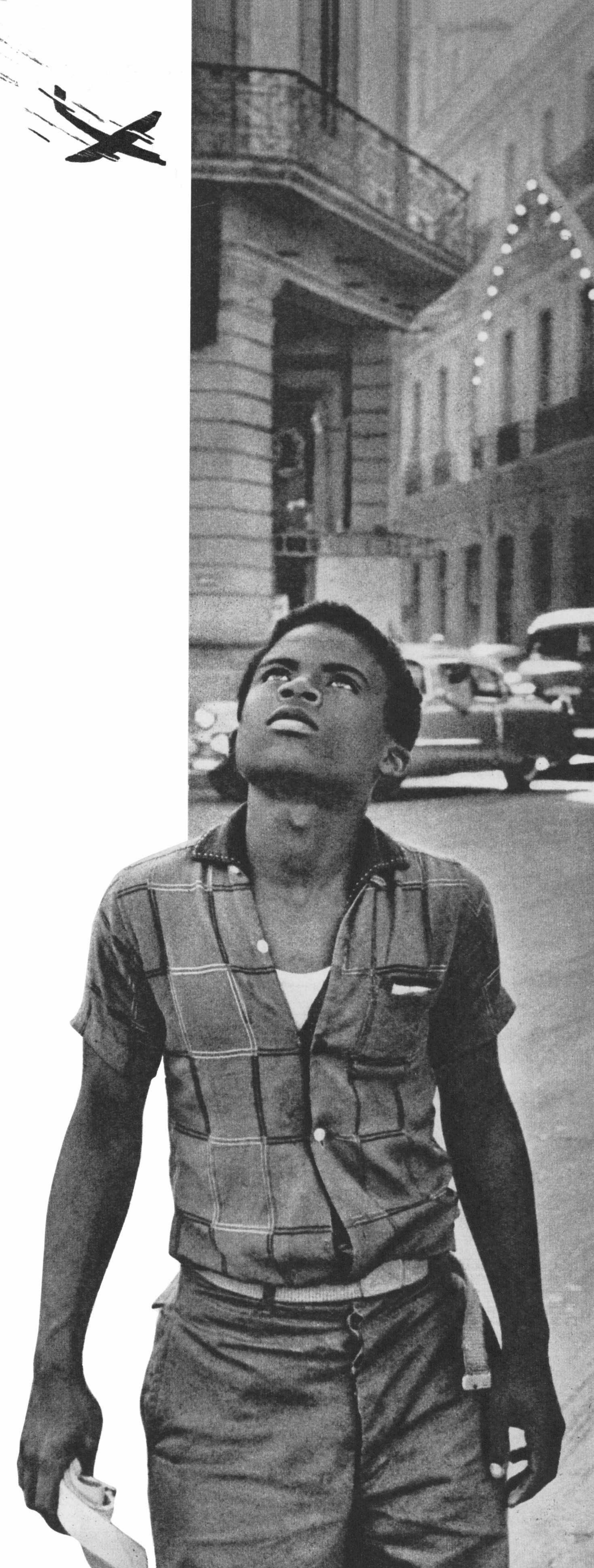
В ночь после описываемого события премьер-министр Кубы Фидель Кастро, выступая по телевидению в Гаване, сказал: «У меня нет никаких доказательств того, что власти в США принимают какие-либо меры против бандитских налетов на кубинскую территорию...»

Через три дня после налета на Перико другой американский самолет сбросил бомбы в деревне Кохимар, недалеко от Гаваны, где находится дом Фиделя Кастро.

И теперь этот трагический взрыв в Гаванском порту...

Известно, что правительство США всеми возможными путями старалось помешать Кубе закупить оружие и боеприпасы у какого-либо иностранного государства. Этот нажим оказал свое действие: Англия, например, отказалась продать кубинцам самолеты. Военный атташе американского посольства в Брюсселе и американский консул пытались сорвать покупку оружия в Бельгии.

На другой день после трагедии в Гаванском порту, на траурном митинге в память погибших при взрывах, Фидель Кастро сказал: «Деятели американского правительства неустанно предпринимали шаги с целью не допустить закупку Кубой оружия за границей. Значит, они заинтересованы в этом, и среди заинтересованных надо искать виновных. Мы имеем право думать, что те, кто дипломатическим путем пытался помешать нам приобрести оружие и боеприпасы, могли сделать это и с помощью других средств...»

В небе показался самолет. Гаванец всматривается в него с тревогой.

Фото автора.

С большим успехом идет на парижских экранах советско-французский фильм «Нормандия — Неман».
Фото А. Любецкиса.

ДОВЕРИЕ И НАДЕЖДА

Андрэ ВЮРМСЕР

Поездка Н. С. Хрущева во Францию — очередная победа дела мира. Но побед без побежденных не бывает. Кто же тогда побежденный? Известно, что советская внешняя политика не ищет побед, она стремится к миру, который был бы выигрышем для всех народов. Но победа дела мира — это поражение войны и тех людей, которые хотят войны, ищут ее, мечтают о ней, о фашизме, о реванше.

Для огромного большинства французов поездка Хрущева — выдающееся событие, которого они ждут с нетерпением, проникнутым симпатией и надеждой. В чем причина этого? В том, во-первых, что во Франции, как и в любой другой стране, люди все больше начинают убеждаться, что мир возможен, мир настоящий, мир в условиях разоружения. Впервые в истории человечества великая держава, располагающая силой, не знающей себе равной, не только не стремится навязать свою волю другим, но устами Н. С. Хрущева предлагает отказаться от своих преимуществ исключительно в интересах всеобщего разоружения и мира. Французы отдают должное этому замечательному предложению.

Во-вторых, во французском народе не только нет неприязни к народам СССР, хотя уже в течение долгих лет им кое-кто пытался безуспешно внушить эту неприязнь, а, наоборот, живет большое чувство симпатии и уважения, воплощенное в бессмертном слове «Сталинград».

Советский Союз даже в глазах тех французов, которые его мало знают, перестал быть тем, чем он был для них всего лишь несколько лет тому назад. Длинен список «аргументов», находящихся в арсенале антисоветизма, но их уже затянуло паутиной. Француз рассуждает просто и практически. Ведь не «варвары» же водрузили свой вымпел на Луне! Не «утописты» завертели колесо великих свершений семилетки. Не «враги цивилизации» готовят в три раза больше инженеров, чем в США. И не «будущие агрессоры», пустив с такой точностью в такую дальнюю цель такую мощную ракету, предлагают сдать все вооружение всех стран на слом.

Одна почтенная парижская дама, просмотрев советскую кинокартину, громко произнесла при мне (и я клянусь, что она ни пролетарка, ни марксистка): «Эти русские горды своей страной. Что ж, им есть чем гордиться!» Я вспоминаю о многочисленных муниципалитетах — часто не имеющих в своем составе ни одного коммуниста,— которые пригласили Хрущева. О собраниях, где ораторы принадлежали к самым различным политическим направлениям и все без исключения выражали удовлетворение визитом Хрущева и оживлением дружественных отношений между Францией и СССР. И об этом элегантном зале на Елисейских Полях, где во время показа фильма «Нормандия — Неман» официальные лица, почетные гости, литературные критики — все те, кого на журналистском жаргоне именуют «весь Париж»,— поднялись с мест, чтобы устроить овацию французскому офицеру, который на сцене обнялся с советским генералом. Это была первая за много лет официальная демонстрация франко-советской дружбы...

И, наконец, еще одно: личная симпатия, которую внушает Никита Хрущев французам самого разного положения. Они уже ощущают, вспоминая его поездки в США, в страны Азии, ту человеческую теплоту, которую излучают откровенная и простая речь советского премьера, его дружелюбие, его здравый смысл, твердость его взглядов, в которой, однако, нет ничего от высокомерия или самодовольства.

Все это — дело мира, так беззаветно отстаиваемое советским народом, советские успехи, личность Хрущева как носителя идеи мира — будет иметь решающее значение во время исторического визита во Францию главы Советского правительства.

Мы это увидим. Увидим в ближайшие дни.

МОСКВА НАУЧИТ СТРОИТЬ

Хаби Хасун (слева) и Сахеб Наки аль-Шейх.

Поль де Элуе хочет стать строителем дорог.

Они окружили меня плотной стеной.

— Университет дружбы? Конечно, слышали!

— Это здорово!

И вот я беседую с одним из этих парней, которые приехали в Москву из Ирака, чтобы учиться здесь. Хаби Хасуну — так зовут его — пока еще не все удается сказать по-русски гладко и правильно. Но он уже достаточно хорошо владеет русским языком, языком дружбы, чтобы рассказать главное.

Ему девятнадцать. Пока он только на подготовительном факультете МГУ. Кем хочет стать? Конечно, инженером. Почему? Потому что надо строить новый Ирак. Почему приехал в Москву? Из Ирака послали несколько групп студентов, в том числе в Англию и в США. Но условия для учебы здесь лучше, чем в других странах.

— Мы здесь, чтобы увидеть новую жизнь, — говорит Хаби Хасун. — Мы видим, как работает советский народ. Здесь есть чему учиться. Поэтому мы были рады, когда услышали новость об образовании Университета дружбы народов.

Приятель Хаби Хасуна и его ровесник Сахеб Наки аль-Шейх продолжает:

— Мы считаем, что советские профессора и ученые — самые лучшие в мире. У меня в Ираке остались два брата. И они очень хотят приехать сюда тоже. Я посоветую им: «Идите учиться в Университет дружбы!»

— Очень хорошо, что будет такой университет! — произносит Хаби Хасун. — Он создается для дружбы. Мы здесь стараемся делать так, чтобы дружба между нашим и вашим народами была крепкой.

— И навсегда! — добавляет Сахеб.

И остальные студенты из Ирака, которые стояли вокруг нас, одобрительно зашумели.

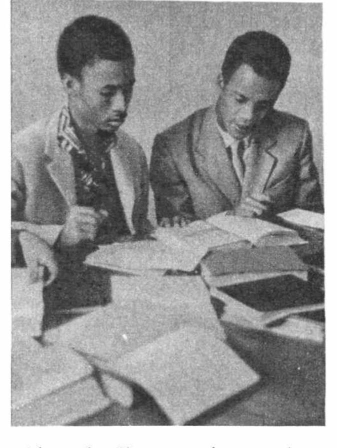
В этот же день я разговаривал еще с двумя студентами подготовительного факультета МГУ, которые приехали из Гвинеи. Главное желание обоих, которое привело их в Москву, — это желание научиться строить. Один хочет строить дома, другой — дороги.

Мориба Курума, который мечтает поступить в автодорожный институт, сказал:

— Я рад, что Советский Союз принял решение об организации в Москве Университета дружбы. Я приветствую это решение и эту инициативу. Надеюсь, что в университете будет много студентов из Африки. Я даже уверен в этом: ведь мы знаем, что Советский Союз помогает нам.

Соотечественник Курумы Поль де Элуе был немногословен и тверд в своем мнении:

— Университет дружбы — это очень хорошо, потому что люди, приехавшие сюда, станут ближе и дружнее. И они увезут с собой знания. Когда я ехал сюда, я знал, что в вашей стране успешно развивается техника. Я получу здесь специальность и уеду на родину строить.

Мориба Курума (справа) на уроке русского языка.

А. СЕРБИН
Фото автора.

НА ЭКРАНЕ ОЖИВАЕТ ИСТОРИЯ

Не будьте строги, читатель, к первому из этих снимков. Сделанный шестнадцать лет назад, он успел выцвести, поблекнуть настолько, что теперь тут трудно рассмотреть лица. Но поверьте мне, свидетелю событий: именно так, как изображено на этой маленькой фотографии, стояли в строю летчики эскадрильи «Нормандия» в феврале 1944 года, когда на заснеженном аэродроме под Тулой им вручали боевые ордена — советские и французские.

На морозном ветру, обжигавшем лица, развевалось трехцветное полотнище, украшенное Лотарингским крестом — эмблемой Сражающейся Франции. Хоть было и очень холодно, но когда генерал Э. Пети, глава французской военной миссии в Москве, называл фамилию награжденного, тот, выходя из строя, сбрасывал короткую меховую куртку. Генерал прикасался обнаженной шпагой к плечам офицера, целовал его в обе щеки, прикалывал к груди знак воинской доблести. Так, согласно старинному ритуалу, награжденные посвящались в кавалеры Почетного Легиона, Военного Креста, Креста Освобождения...

Приказы, подписанные генералом де Голлем в Алжире, были привезены под Тулу из-за тридевяти земель. Далеко от своей родины, на полях России, заслужили свои награды французы, сражавшиеся плечом к плечу с воинами Советской Армии.

— За доблесть и мужество, проявленные в боях... — Генерал-полковник авиации Н. С. Шиманов громко зачитывал Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Из рук советского военачальника почтительно принимали награды Марсель Альбер, Марсель Лефевр, Ролан де ля Пуап... Тогда, в феврале сорок четвертого, они получили первые ордена Красного Знамени, а потом эти летчики вместе с четвертым своим товарищем, Жаком Андрэ, стали Героями Советского Союза.

Порою, когда над заснеженным полем звучала фамилия награжденного, командир «Нормандии» произносил в ответ:

— Погиб на поле чести.

И строй воинов застывал в скорбном молчании, как бы еще раз мысленно прощаясь с павшим товарищем.

Все это вспомнилось мне сегодня, когда на экраны нашей страны вышел художественный фильм «Нормандия — Неман», созданный кинематографистами Франции и СССР.

Шумная овация пронеслась по огромному залу Дворца спорта в Лужниках, когда перед премьерой на сцене появились в парадной форме французские авиаторы полковник Л. Кюффо и Герой Советского Союза майор Ж. Андрэ.

— Мы были первыми актерами фильма, который вы сейчас увидите,— с улыбкой напомнил Кюффо.

А полковник К. Ф. Федоров, сражавшийся вместе с французами, сказал:

— Не беда, что на земле мы не всегда понимали язык друг друга, в воздухе мы говорили с врагом на одном общем для нас языке...

Слова эти могли бы послужить эпиграфом к фильму. Кадр за кадром оживают события, навеки вписанные в летопись великой освободительной войны против фашизма. Мы видим патриотов Франции в тяжкие дни предательства Петэна; преодолевая полицейские кордоны, они совершают трудный путь в далекую Россию. Перед зрителем проходят картины воинской учебы французов в новых, непривычных для них условиях, трогательные эпизоды крепнущей дружбы между такими несхожими людьми, как французский кадровый офицер майор Марселен и советский генерал коммунист Комаров, как летчик аристократ де Буаси и рабочий парень авиатехник Иванов.

В образе Комарова (артист В. Доронин) мы узнаем видного военачальника Героя Советского Союза генерала Г. Н. Захарова, в образе Марселена — первого командира «Нормандии» Луи Тюляна. Трагический эпизод гибели де Буаси (артист Жан Убе) и Иванова (артист Ю. Медведев) воспроизводит подлинную историю воинского братства французского барона Мориса де Сейна и нашего комсомольца Владимира Белозуба.

Встретились боевые друзья Герой Советского Союза майор Ж. Андрэ, полковник К. Ф. Федоров, полковник Л. Кюффо.

Фото Е. Умнова.

Летчики «Нормандии» на аэродроме под Тулой в феврале 1944 года.

Горячие симпатии зрителей завоевывают веселые и бесстрашные мастера воздушного боя Бенуа (артист Жорж Ривьер), прототипом которого послужил парижский пролетарий Марсель Альбер, и маркиз де Вильмон (артист Ролан Менар), воссоздающий на экране обаятельный образ Ролана де ля Пуапа — юного потомка старинного рода.

Война показана на экране суровой, жестокой, требующей жертв, такой, какой она была в действительности. В этом огромная впечатляющая сила фильма.

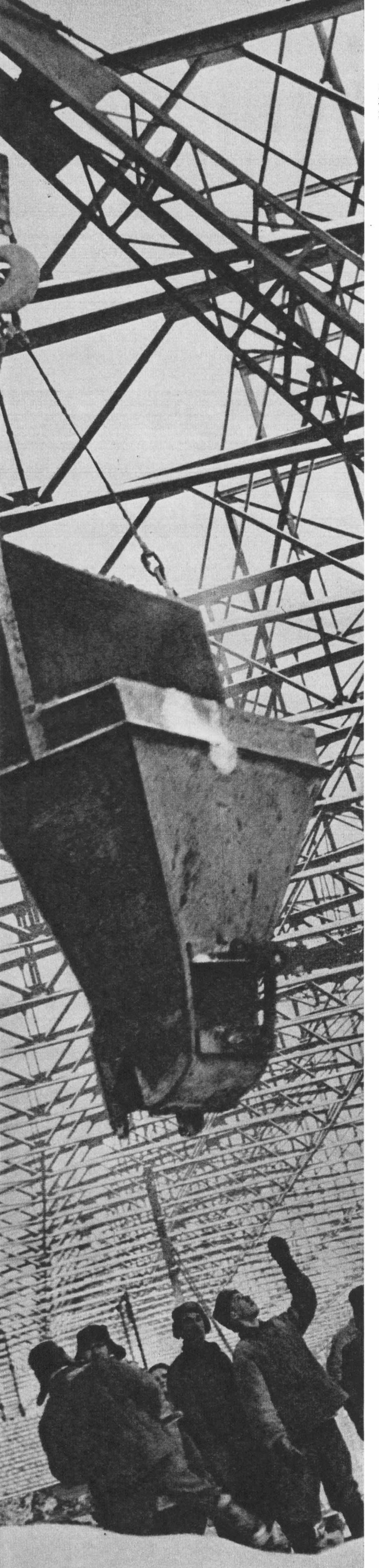
Хочется от души поздравить авторов сценария: Ш. Спаака, Э. Триоле, К. Симонова, режиссеров Ж. Древиля и Д. Вятич-Бережных. Воссоздавая на экране подлинные события, они не вступили в противоречие с исторической правдой.

Киноповесть о боевом содружестве крылатых сынов двух народов волнует зрителей всех возрастов. Перед ветеранами войны, перед юным поколением фильм воскрешает героические дела недавнего прошлого, служит укреплению мира.

С. МОРОЗОВ

Кадр из фильма «Нормандия — Неман».

Строительство цеха холодного проката Новолипецкого металлургического завода.

Новые дома в промышленном районе Липецка.

Липецкая магнитка

Ю. КОЧКИН,
начальник Центрального бюро технической информации Липецкого совнархоза

В центре страны, на расстоянии пятисот километров от столицы, создается Липецкая Магнитка.

Старый русский город еще в конце XVII столетия встал у колыбели отечественной металлургии. Когда Петр I начинал свои азовские походы, на многоводной в ту пору реке Воронеже развертывалось строительство мощного морского флота. Для сооружения кораблей требовался металл. И его производство началось именно здесь, в черноземном центре России.

Официально известно, что первые железоделательные заводы в Липецке вступили в строй в 1702 году. По тому времени здесь было достаточно местного сырья: железной руды, прекрасных флюсов, древесного угля.

Сегодня Липецк живет строительством новой Магнитки. Разговор об этом ведется на улицах, в трамваях, автобусах...

В рабочих буднях как-то не вспоминается о том, что всего каких-нибудь десять лет назад восстановленные домны Новолипецкого металлургического завода выдали первую послевоенную плавку чугуна.

В конце декабря 1959 года в Липецк прибыл первый эшелон с железной рудой, добытой на рудниках Курской магнитной аномалии. Это важный рубеж: отпадают дальние перевозки руды из Криворожского бассейна. Теперь дает продукцию электросталеплавильный цех. Введен в действие коксохимический цех.

Широким фронтом идет строительство новых цехов и сложных коммуникаций. Ныне передний край этого наступления — цех холодного проката.

Определение «гигант» в данном случае будет совершенно уместным, если учесть, что площадь, занятая основным производственным корпусом,— более двенадцати гектаров. На такой территории можно разместить жилой поселок с десятками многоэтажных зданий.

Цех холодного проката для производства трансформаторной стали строит вся страна. Оборудование и материалы поступают сюда из многих городов. Уралмашевцы, например, уже поставили оборудование станов холоднокатаного листа. Магнитогорский металлургический комбинат — металл, московский завод «Динамо» — электротехническое оборудование...

Сейчас под высокими сводами цеха-гиганта сооружаются фундаменты под оборудование, монтируются станы, агрегаты продольной и поперечной резки, вакуумные колпаковые печи и другие сложные узлы.

Фото М. САВИНА.

Новолипецкий металлургический завод. Доменный цех.

Мастер доменной печи В. А. Перезва (слева) и старший мастер Герой Социалистического Труда Н. Е. Сочнев.

По всей стране славятся рязанские доярки. **Нина Бурмистрова — одна из самых молодых.**

Фото В. ТАРАСЕВИЧА.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Имена

Наши сказы и былины —
Чудо-чудеса!
Я среди имен старинных
Слышу голоса
Звениславы,
Гориславы...
Звезды-имена
Отшумели, словно травы
Или как волна!

А ведь было:
на полянки
Громкою гурьбой
Собирались россиянки
И, само собой,
Верхуславы,
Изяславы...
Звезды-имена
Отшумели, словно травы
Или как волна!

Отгремели непогодой
Много, много лет,
Но на памяти народа
Все ж остался свет
Звениславы,
Гориславы...
Звезды-имена
Отшумели, словно травы
Или как волна!..

Неужели!..

Северяночка, устюженка,
Веселые года,
Ты куда ушла, жемчужинка,
Ужели навсегда?

Неужели, неужели
Отзвенели голоса?
Неужели порыжели
Наши хвойные леса?

Неужели все пропало,
Потускнела синева?
Неужель в лугу упала
Непримятая трава?

Неужель не стало света
Над моею головой?
Неужели ходит где-то
Нашей стежкой милый твой?

Северяночка, устюженка,
Веселые года,
Ты куда ушла, жемчужинка,
Ужели навсегда?

Иду ли утром...

Иду ли утром я, чуть свет,
Дорогою проселочной,
Я передать хочу привет
Твоим бровинкам «елочкой».
Они не то чтобы тонки,
Не то чтобы колючие,
Как утверждают знатоки,
Они на свете
лучшие!
От правды, знаешь, не уйдешь!
Но чем другие славятся,
Я не берусь судить...
И все ж
Твои мне очень нравятся.

Они сошлись, как две дуги...
Ты не сердись, не всхлипывай,
Ты береги их, береги,
Для моды не выщипывай!
Да и подкрашивать их брось,
Ты слышишь, брось
подкрашивать!

Немало спорить мне пришлось,
Немало раз упрашивать.
Так ты их брось подкрашивать:
Тебе ведь их донашивать!

Частушка

Мой платочек тонок, долог.
На платочке сорок елок.
По платочку вышью речь:
«Александр Андреевич!»

Саша, Саня, Санюшка,
Ты не выдай тайности:
Одного тебя люблю
До последней крайности!

Шура, Шура, Шурочка,
Иду твоею улочкой,
Твоим проулочком хожу,
Других дружков не завожу.

Забавляясь трелями,
Жаворонки реяли
Над одним крыльцом тесовым,
Александр Андреевич!

Да над парусом на лодке,
Над крутыми реями...
Вот и весь запев короткий,
Александр Андреевич!

* * *

Пока судило да рядило
На склоне лето,
как-то вдруг
Засентябрило, задождило
На всю округу. Так-то, друг!

Стучат дождинки-молоточки...
И хочешь верь или не верь,
Но твой приказ «Ни дня
без строчки!»,
Надеюсь, выполню теперь!

За первой строчкою другая,
А там и третья встала вслед,
А там, друг друга настигая,
Как мотыльки, летят на свет
Слова-сучки, слова-занозы —
Ну, от ворот им поворот...

И вдруг в стихи вбегает проза:
— Дров не везут... Зима
вот-вот!..

* * *

Как трепещут, как льются
Тополя поутру!
А вода, как на блюдце,
Чуть дрожит на ветру.
Всю долину продуло
От леска до реки.
В это время под Тулой
Сняли дрему дубки.

Скоро солнце проглянет,
Скоро встанет волна...
Тихо в Ясной Поляне.
Тишина, тишина...

Предзимнее

Кружáтся листья над проселком,
Внизу метет, вверху метет.

Береза машет желтой челкой.
Маши!
А кто к тебе придет?
Тебя последний дрозд
покинул,
Его не видно много дней.
Сороки сели на рябину,
Клюют: холодная вкусней!

Не спят леса, не соловеют,
Шумят, вовсю шумят боры.
Вот-вот нагрянут зимовеи,
Морозцы легкие с горы

Примчатся к речкам,
к перевозам
И постучат во все дома.
За ними вслед пройдут
морозы...
Ну, здравствуй, русская зима!

С твоей размашистою долей,
С твоим сверкающим шатром,
С твоим неслыханным
раздольем,
С твоим бессчетным серебром!

* * *

Зима стремглав промчалась
долом,
Почти не сдерживая злость:
Она ж не сразу поборола,
Что побороть ей довелось.

Зима летит и видит речку...
— Да подожди ты! — говорю.—
Ее веселое сердечко
Само затихнет к январю!

— Нет, нет,— кричит зима,—
немедля!
Припай метнула в берега,
И закуделила куделью,
И заковала в жемчуга!

И вновь помчалась, снова мчится,
И снег под полозом скрипит,
И только вьюга в поле чистом,
Да искры бьют из-под копыт!..

* * *

Тополь гол, береза пожелтела.
На нее, порывами горя
И держа в осаде, то и дело
Налетают ветры сентября.
Они ее
холодными руками
Трясут с утра. Гадай иль не гадай,
Но ей не откупиться медяками:
Зачем им медь? Им золото
подай!

Да и не в горсть, а в блеклые
подолы,
Куда велит осенняя напасть.
И все кружúтся золото над долом,
И все равно куда ему упасть!

* * *

Иные так: не лезут в драки,
Не ходят, скажем, напролом.
Они лишь дома забияки,
Хмелея с квасу за столом!

Потом с таким самообманом
Идут — и прыть не по летам,
Но кулаки у них в карманах,
И скромный кукиш тоже там.

Блином на масленой их купишь!
Они привыкли думать так:
А вдруг друзья увидят кукиш,
А вдруг кулак увидит враг?

А вдруг?.. Пиши тогда пропало,
Коль за ушко — да на показ...
...Ну хоть бы раз таким попало,
Да по зубам! Хотя бы раз!

Сидит пиита на диване...

Уж что-то много нимбов
пышет,
Уже вовсю гудит молва:
У нас иной стишок напишет,
Сплетет едва-едва слова,

И ходит селезнем в тумане,
Как будто вылез из мешка...
Но дяди Степы, дяди Вани
Считают классиком дружка.

И на корабль ведут по трапу,
Везут его на отдых в Крым...
А он рифмует «мама — папа»,
Слыть хочет первым, не вторым
Хотя бы здесь — у дяди Вани
Иль тети Вали, все равно!
...Сидит пиита на диване
Давным-давно,
давным-давно!

* * *

Как будто сделано немало
За этот летний краткий срок,
И как-то грустно даже стало,
Что подводить пора итог,

Заняться самым трудным
делом,
Засесть с утра и дотемна,
Стихи раскинуть по разделам
И дать разделам имена,

И книжке имя дать простое,
Простить обидчикам грехи,
И чтоб не знать вовек простоя,
Настроить сердце на стихи!

Контролер Г. Иванова.

„Vive la Penza!"

Евгений **КРИГЕР**

Фото П. Носова.

Перечитывая письма Антона Павловича Чехова, можно обнаружить в одном из них несколько неожиданно слова «Vive la Penza!», что означает, как известно, «Да здравствует Пенза!». Так Антон Павлович в свое время шутливо приветствовал тогдашних жителей Пензы.

Недавно мне пришлось впервые побывать в Пензе, и хотя старый этот город был в моем представлении синонимом русской дореволюционной провинции, я заново оценил справедливость чеховского восклицания.

Если знатоков старины до сих пор поражает редкостный стакан работы здешних умельцев-стеклодувов (в стенках стакана неведомым способом заключен «живой» пейзаж старинной усадьбы с лебедями на пруду и прочими атрибутами богатого поместья), то меня теперь взволновало посещение, скажем, Пензенского часового завода.

История его примечательна. Поведал мне ее директор завода Виктор Николаевич Скорняков. Сам он родом из Пензы, сын здешнего рабочего, служившего когда-то шофером у московского богатея-заводчика Дангауэра. Так вот, до 1940 года инженер-станкостроитель Виктор Николаевич был начальником производства на Пензенском велосипедном заводе.

В 1935 году было принято решение организовать на велосипедном заводе цех производства часов. И только в 1940 году нынешний часовой завод «отпочковался» от велосипедного, стал самостоятельным предприятием.

— Мы до сих пор соседи и большие друзья,— говорил Виктор Николаевич, глядя в окно, за которым виднелись еще голые ветви рябины, боярышника, серебристого лоха на аллеях заводского сада.— У нас, понимаете ли, до сих пор даже забор общий. Велосипедный приходится как бы отцом нашему часовому, и мы чтим его по-сыновнему.

В 1936 году Виктор Николаевич отправился в Швейцарию договариваться с женевскими «классиками» часового дела о покупке технической документации и специального оборудования. Швейцарцы отказались продать то и другое. Пришлось Скорнякову ехать с тем же намерением во Францию. Там Виктор Николаевич обратился к опыту известной французской фирмы «Lip».

Вот здесь и начинается самое интересное в истории пензенских часовщиков и нынешнего их предприятия. На базе французской технической помощи и французского оборудования в 1940 году родился часовой завод — пензенский. А восемнадцать лет спустя, в 1958 году, учителя-французы, в свою очередь, побывали в Пензе, посетили давно им знакомого В. Н. Скорнякова, познакомились с людьми, с техникой завода и в полном удивлении сказали:

— Да ведь Пенза в смысле техники производства часов — это русская Швейцария! А Францию вы давно обогнали по количеству.

Одним словом, учителя-французы заимствуют теперь у своих учеников-пензенцев методы организации и технического оснащения массового выпуска столь точных и филигранных по обработке вещиц, как часы. Но к этому мы еще вернемся.

...А мне все еще мерещились рассказы местных людей о старой-старой, дореволюционной Пензе.

В городе вам и сегодня покажут место, где не в столь уж далекие времена стоял трактир, а в нем работал половым Петр Иванович Замойский, автор «Лаптей» и «Подпаска». Пенза вообще-то славилась при купцах главным образом трактирами. Лучшая улица

города почти сплошь состояла тогда из трактиров.

Как напомнил мне здешний старожил журналист-краевед Сергей Павлович Петров, Пензенская губерния дала России немало замечательных людей. В селе Устьи родился прославленный в свое время певец П. Хохлов. Когда Чайковский принес своего «Онегина» в оперный театр, он давал право на постановку лишь в том случае, если партию Онегина будет петь Хохлов. Пензенцами по происхождению были ученый П. Яблочков, в прошлом веке поразивший Париж своей знаменитой электрической «свечой», писатель А. Куприн, киноактер Иван Мозжухин, выдающийся хирург Н. Бурденко, один из крупнейших мастеров кино Вс. Пудовкин. Пензенцы чтят память своих земляков, великих сынов России А. Радищева, М. Лермонтова, В. Белинского. На пензенской земле родились наши писатели Ф. Гладков, В. Ставский...

Ныне этот город стал одним из крупнейших в стране индустриальных центров. Вряд ли хватит журнальной страницы для перечисления разнообразнейших машин, приборов, материалов, изделий, которые дает стране советская Пенза! Продукция заводов и фабрик Пензенского совнархоза сегодня экспортируется в 17 стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Однако я отвлекся от рассказа о часовщиках нынешней Пензы. После короткой нашей встречи директор завода передал меня, что называется, с рук на руки начальнику 13-го сборочного цеха Борису Иноземцеву. Молодой еще человек, также пензенец по рождению и привязанности к этому городу, провел меня по всем позициям пульсирующего конвейера.

Склонившись над инструментами и приборами, девушки-сборщицы выполняли тончайшую работу, достойную Левши, подковавшего в рассказе Лескова небезызвестную блоху. Филигранность их труда можно сравнить с легчайшими движениями пальцев человека, погладившего крылья бабочки так, чтобы не потревожить, не шелохнуть их пыльцу.

Как поезд на полустанке, пульсирующий конвейер останавливается на две минуты, а затем снова приходит в движение. За две минуты сборщицы на всех позициях должны выполнить свою порцию в монтаже миниатюрного механизма часов.

Пытаясь разобраться в тайнах операций на первой позиции конвейера, я сразу почувствовал себя в роли Гулливера среди лилипутов. Тут словно переселяешься в мир бесконечно малых величин. При всем старании я не мог увидеть деталей, с которыми имеют дело сборщицы, ведущие счет времени на секунды. На первой позиции, скажем, монтируется «ангренаж» — колесная система часов. В «невидимую» детальку запрессован еще и рубиновый камешек, в ней же просверлены отверстия для совершенно уж «невидимых» винтиков. А на этой системе, разъяснили мне, базируется весь часовой механизм.

— Где же винт? — спросил я, неистово щурясь и все же оставаясь слепым.

— Да вот же он! Видите?

Наконец удалось рассмотреть нечто, напоминающее по величине глаз мухи, что ли. А в таком винтике существует, разумеется, и резьба, весьма точная. На одной из следующих позиций девушка устанавливала и фиксировала анкерную вилку. Вилку можно все-таки приметить на ладони невооруженным глазом. С чем же ее сравнить? Пожалуй, только с кристалликом снежинки по величине, по толщине и по весу.

Следуя вдоль конвейера, я видел так называемые бужоны — достаточно сложные устройства меньше зернышка пшена. Рассматривал лирообразные пружины, видимые по-настоящему только через оптические приборы. Видел «баланс» — очень важную детальку, играющую роль дирижера в стройном оркестре часового механизма.

Пульсирующий конвейер.

А конвейер продолжал свое бесконечное пульсирующее движение, и девушки-сборщицы в моменты пауз с непостижимой быстротой успевали выполнять работу вышеупомянутого Левши. На одной из позиций я услышал классическое «тик-так», знакомое нам с детства из сказок, а дальше после очередной операции часики обрели жизнь, хотя еще не были заправлены в корпус.

Тут же мне рассказали: 13-й сборочный цех, борющийся за право быть цехом коммунистического труда, предложил и освоил сборку часов «Аврора» по новому технологическому процессу. Сущность его в общих чертах следующая. Еще недавно все готовые часы, снимаемые с конвейера через каждые две минуты, поступали на операцию регулировки точности хода. На этой контрольной операции приходилось устранять, «ретушировать» мелкие изъяны, проводить, как выражаются здесь, подгоночку механизмов. Новый технологический метод позволил устранить эти «изъянчики» и посылать на контрольную операцию не сто, а лишь двадцать процентов готовых часов. Только это новшество дало цеху и государству больше полумиллиона рублей экономии за год. Новый метод разработан содружеством Бориса Иноземцева, главного инженера В. Н. Колядова, начальника ОТК П. Х. Дудкина и знакомого нам директора завода.

Таких примечательных новшеств в этом цехе немало.

...В конце конвейера Иноземцев снял с последней позиции «живые» часы и вдруг сделал невероятное. Подбросил хрупкие на вид часики к высокому потолку, они со стуком шлепнулись на пол. Иноземцев поднял часики и поднес их к моему уху.

Старший технолог И. Задера и начальник 13-го сборочного цеха Б. Иноземцев.

— Слышите? Идут. У них надежное противоударное устройство. Рубиновые камешки, другими словами, подшипнички, в часах — плавающие. При ударе они чуть смещаются и тем самым амортизируют удар. Вот и все.

На этом памятном для меня эпизоде завершился осмотр всех двадцати позиций пульсирующего конвейера, выпускающего часы марки «Аврора». Всего же Пензенский завод выпускает четыре марки женских часов — «Заря», «Звезда», «Весна», «Аврора». В процессе разработки новая марка —«Сура», по имени реки, на которой стоит город Пенза.

Итак, лапотная когда-то Пенза освоила производство советских часов. Пензенские часы экспортируются во многие страны земного шара, главным образом в Польшу, Чехословакию, Болгарию, Венгрию, ГДР и другие государства народной демократии.

В сборочном цехе внимание мое привлекли не только тайны филигранной техники. В коротком рассказе не перечислишь примеров настоящей дружбы людей, завоевывающих для своего цеха почетное звание коммунистического. Они помогают друг другу и в труде, и в личной, и в общественной жизни. Здесь есть свои журналисты, педагоги, воспитатели, художники — общественная жизнь бьет ключом. Но дружба продолжается и за пределами завода.

Вот что произошло здесь недавно. На том же конвейере работает комсомолка Галя Кривоносова. Год назад она вышла замуж за молодого человека, демобилизованного из армии. Вскоре он заболел тяжелой формой астмы, лежал в больнице, а когда пришло время выписываться, жить ему было негде. Да, так оно получилось. Молодожены снимали комнату у хозяев, и хозяева не пожелали принять обратно на житье лежавшего в больнице человека. Положение казалось почти безвыходным.

Прослышав об этом, люди сборочного цеха в свободное от заводской смены время сообща отработали за Кривоносову 400 часов на строительстве нового дома. Теперь молодожены, очутившиеся было в немалой беде, живут в однокомнатной отдельной квартире и обязаны этим чудесному закону дружбы, окрепшему в цехе пензенских часовщиков.

Маленькие рассказы

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Брат алкоголика

— Бабушка! Бабушка!

— Ну, что тебе?

— Бабушка, ты знаешь, у нас сегодня медицинский осмот-р-р-р-р был!

Второклассник Аркаша так взволнован, что даже забыл снять свою ученическую фуражку. Большие оттопыренные уши его на морозе аппетитно побелели и порозовели, напоминают ломтики ветчины.

— Тихо ты, ладно, — говорит бабушка. — Ты шапку-то раньше сними. О чем ты? Какой осмотр?

— Я ж тебе говорю: осмот-р-р-р-р! Медицинский! Всех спрашивали. И все записывали. Кто чем болен был. Сколько комнат. Есть ли какие-нибудь насекомые. Есть ли какие-нибудь родственники больные.

— Ну?

— И меня тоже спрашивали. И все в тетрадочку записали. Говорят: у вас дома кто-нибудь пьет?

— Ну, и ты что?

— Я сказал: брат один пьет.

— Какой брат?

— Павлуша.

— Бог с тобой! Аркадий! Да ты что?! Да разве он пьет?!

— Ха! Не пьет! А на свадьбе у Володи разве не пил? Я сам видел, как он целую рюмку водки проглотил. Даже помню, как он морщился. Его потом даже тошнило.

Настенька

На первый взгляд все трое кажутся такими милыми, счастливыми и довольными, что просто невозможно не залюбоваться ими. Пришли они в столовую с мороза, раздеваются шумно, одежда у них яркая, пестрая: синее галифе, зеленоватый защитный китель, нежно-зеленая вязаная кофточка, желтая пуховая шапка, синие в белую клетку варежки, красные детские рейтузы... И все они — и он, и она, и ребенок — пышут здоровьем, румянцем, и у всех на ресницах и на бровях еще блестит нерастаявший снег.

И вот из раздевалки они ступают по мягкой бобриковой дорожке в ресторанный зал. Капитан — молодой, высокий, статный, косая сажень в плечах — идет, улыбаясь, на ходу поправляя гребешком белокурые волосы. Вид у него боевой, на груди с одной стороны гвардейский значок, с другой — несколько рядов орденских планок. Жена его — тоже блондинка, тоже молодая, но уже слегка раздобревшая, раздавшаяся в бедрах — не отстает от мужа, мягко и четко идет, поскрипывает своими лакированными резиновыми сапожками. А впереди выступает с важностью чинной и стреляет во все стороны большими серыми глазами четырехлетнее существо, славный белобрысый поросенок с тремя косичками: две хвостиками болтаются сзади, третья рожком торчит над покатым лобиком. Зеленые шелковые банты хорошо оттеняют румяную смуглость нежного детского лица.

Столик это семейство занимает рядом со мной. Девочка взбирается на стул и сразу же начинает болтать ногами. Меня это, по правде сказать, настораживает.

Капитан раздобыл меню, извлек из толстой, как бегемотова кожа, папки жиденькие мятые листки папиросной бумаги и погрузился в их изучение:

— Так! Ну, что же мы будем кушать? Суп молочный. Неплохо. Щи на мясном отваре. Прелестно. Рассольник. Борщ украинский. Настенька, ты что будешь?

Настенька отвечает не сразу. Поболтав под стулом ногой, она противным, жеманным голосом тянет:

— Хочу мандари-инов!..

Капитан улыбается. Улыбается робко и, как мне кажется, даже несколько подобострастно.

— Ну, Настенька, — говорит он, сдерживая свой раскатистый бас, — ведь ты же обещала папе супик покушать.

Нога в красной рейтузине раскачивается, как маятник.

— Обещала, а вот не буду!

Думаю: «Ну, уж теперь-то быть грому и молнии».

Нет, никаких молний.

Наклонившись к дочери, капитан долго шепчет ей на ухо. При этом что-то неприятное, болезненное, даже противоестественное мелькает в его бегающих глазках.

Смотрю на этих людей и уже не вижу ни счастья, ни довольства на их лицах. Даже румянец как будто исчез, даже полнота капитанши и та кажется мне теперь нездоровой, идущей не от сытой и спокойной жизни, а от больного сердца, от бессонных ночей, от излишнего употребления ландыша и валерьяны.

Капитан поднимает руку. В руке белый листочек меню.

— Девушка!

— Да, я вас слушаю.

— Мандарины у вас в продаже имеются?

— Мандаринов нет. Есть апельсины.

Родительские взоры обращены к дочери: что скажет принцесса?

— Апельсинов не ха-ч-чу!.. — жеманится и гнусавит принцесса. — Ха-ч-чу мандаринов!..

И снова начинается торговля...

Я уже давно потерял аппетит, отставил тарелку, смотрю, курю, слушаю. Ведь по всему видно, что капитан — храбрый человек. Не один раз водил он, небось, в атаку роты и батальоны, и десятки, а может быть, и сотни людей подчинялись его слову, его приказу. А тут перед четырехлетней пигалицей этот герой теряется, робеет, отступает по всему фронту.

Покупаются апельсины, отец угодливо чистит их, и девочка ест апельсины раньше супа. А потом, когда приносят суп, она его, конечно, не ест, хотя капитан и его жена уговаривают дочку, упрашивают, умоляют.

Смотрю, еле сдерживая гнев, качаю головой и мысленно говорю: «Эх, товарищ капитан, товарищ капитан! Что ж это вы, голубчик, делаете?!»

И мысленно же слышу ответ его: «А, бросьте вы! Она же еще маленькая. Успеется».

Нет, дорогой капитан, боюсь, не успеется! Боюсь, придет время, и сядет эта милая сероглазая Настенька на шею папе-генералу, и маме-генеральше, и всем близким, и всему обществу нашему...

Плоды просвещения

Давно ли эта девица была от горшка два вершка, и давно ли был этот прохладный летний вечер, когда, гуляя с нею за околицей, я сделал попытку объяснить ей, что такое земной шар. Подобрав на дороге палочку, я начертил в дорожной пыли некое подобие круга. Я сказал:

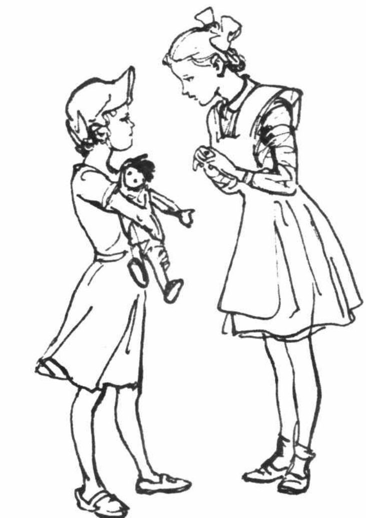
— Земля, как мячик. Она круглая. Если мы пойдем с тобой когда-нибудь в этом направлении, то через какое-то время, обогнув весь земной шар, мы выйдем уже не отсюда, а вон оттуда, со стороны деревни.

Ах, как засверкали ее серые глазки! С мольбой взглянула она на меня, схватила за руку.

— Ой, дядя Леня! Пожалуйста! Давай пойдем сейчас!..

Совсем, казалось бы, немного с тех пор воды утекло, а вот она уже совсем большая, уже бегает в школу и уже сама поучает других: подхватила, так сказать, факел просвещения и, высоко подняв, гордо несет его, чтобы передать тем, кто идет на смену.

Вчера слышу, как она объясняет четырехлетней девочке, дочери соседей:

— Понимаешь, микроб такой маленький, что если он упадет на пол, то его не видно...

Всепоглощающая любовь

Поезд дальнего следования. Купейный вагон.

В одном из купе едет пожилой, веселый, весьма интеллигентного вида человек, любитель основательно выпить и хорошо закусить.

Утром, когда еще на окнах задернуты репсовые занавески, в коридоре хлопает дверь, и откуда-то вместе с шумом колес врывается молодой, звонкий, словно промороженный женский голос:

— Водочки никто не пожелает? Коньячок есть! Пиво жигулевское!

И, просыпаясь, потягиваясь на своей верхней полке, мой сосед бодро встречает наступающий день.

— Эх, пивка, что ли, пригубить?! — говорит он, позевывая и похрустывая косточками.

С этого начинается. Пригубив пивка, он через полчаса пригубливает рябиновки, потом — коньячка, потом — сорокаградусной московской... И, заедая все эти пития дорогими ресторанными бутербродами — с семгой, с икрой, с кильками и шпротами,— он с таким же удовольствием и с тем же пылом весь день говорит: рассказывает о себе, о своей семье и больше всего о четырехлетней внучке Зиночке, свидания с которой, по его словам, он так нетерпеливо ждет.

— Радость ты моя! — говорит он с умилением, и глаза его краснеют и слезятся.— Радость ты моя! Пупырышка моя!..

Нежнейшая улыбка не сходит с лица старика все время, пока он вспоминает о внучке. А вспоминать о ней он может без конца, память его хранит все ее детские шалости, имена всех ее кукол, смешные и не очень смешные словечки, выдуманные или исковерканные Зиночкой... С волнением предвкушает он минуту, когда встретится с девочкой:

— Представляю себе... представляю, как она обрадуется, как возликует, как затопает, захлопает, просияет, когда выбежит на мой звонок в коридор: «Дедуля! Дедуля приехал!»

Счастливыми глазами старик долго и мечтательно рассматривает, подняв на свет, хрустально-прозрачную влагу, зеленеющую в граненом стакане, потом, как бы разом решившись, быстро выливает ее в себя, с удовольствием морщится, жмурится, покрякивает и, пожевав бутерброд с паюсной икрой, говорит:

— Нет, голубчик, вам этого не понять: молоды еще. Надо стать дедом, чтобы познать настоящую, чистую, бескорыстную, всепоглощающую любовь...

Но вот еще раз хлопает в коридоре дверь, и уже другой, не давешний звонкий, а хриплый и басовитый женский голос на весь вагон объявляет:

— Пирожных, щиколада, яблок никому не потребуется? Пирожные есть, щиколад, печенье, яблочки!..

Сосед мой прислушался, встрепенулся, вскочил.

— Ах, боже ты мой! Что же это я? Надо же Зинушке из командировки гостинчика привезти. Как же можно с пустыми руками! В Москве не успел, так хоть здесь...

И, приоткрыв раздвижную дверку, он выглядывает в коридор.

— Мадам! Просим вас не обойти нас своим вниманием!..

Облаченная в белую куртку «мадам» с трудом втискивает себя и свою объемистую корзину в купе, улыбаясь, раскидывает товар. Старик долго и основательно выбирает и наконец останавливает свой выбор на большом, как берцовая кость, коричневом эклере.

— Эффектная вещь! — говорит он, надевая очки и рассматривая со всех сторон пирожное.— Это Зинушке должно понравиться. Как вы думаете? И сколько она стоит, эта вещичка?

— Четыре пятьдесят.

Рука моего соседа застревает в кармане.

— Гм... да...— говорит он.— А ведь дороговато, признаться, а? Что же делать? Гм!.. А подешевле чего-нибудь не найдется? Ну, леденцов каких-нибудь, карамелек, бонбошек.

Карамелек не оказывается, и официантка, погасив улыбку, выбирается со своим коробом и с непроданным эклером в коридор.

Старик смущен, но еще больше возмущен.

— Нет, вы подумайте, а?! — восклицает он.— Засохшее пирожное, засахаренная окаменелость—и четыре с полтиной! Совести у них, разбойников, нет!..

А через минуту появляется другая официантка, та, что продает водку и закуски. И старик ничтоже сумняшеся берет у нее очередные сто граммов московской и бутерброд с сардинами, уплачивает, не моргнув, что-то около червонца, выпивает, закусывает и продолжает со слезами на глазах вспоминать свою ненаглядную Зиночку.

Меня это, надо сказать, не очень удивляет. Я уже давно заметил, что у многих пьяниц существуют как бы две валюты: одна — водочная, ее тратят легко, с улыбкой и не задумываясь, и другая — та, что идет на приобретение башмаков жене и детям, на оплату счетов за газ и электричество и на прочие, так сказать, гражданские, будничные расходы...

ГОЛУБАЯ ЦЕЛИНА

Восьмого июня 1921 года В. И. Ленин писал управляющему делами СНК: «...Получено сообщение, что крестьяне возмущаются бесхозяйственностью в совхозе «Горки» под Москвой. Было, де, богатое и устроенное имение, а теперь падает все дело. Пропадет пруд, где было разведение рыбы, а теперь он «уходит». Надо постараться найти в Москве толкового человека по рыборазведению и устройству прудов, послать его на место... обязательно привлечь окрестных крестьян, дать им долю выгоды, и долю побольше, от рыбоводства...».

Пруд, о котором упоминал Владимир Ильич, был передан в пользование крестьян деревни «Горки». Артель имени Владимира Ильича, возглавляемая дважды Героем Социалистического Труда И. Буяновым, начала разводить зеркального карпа. На заболоченных участках поймы реки Пахры, оврагов и балок построены новые пруды. В прошлом году колхоз получил с 20 гектаров прудов 250 центнеров товарной рыбы и 6 тысяч посадочного материала карпа. Вот какие щедрые дары получены на вновь созданных «голубых фермах»!

Рыбоводство — отрасль, дающая возможность быстро, за одно лето, производить много высококачественных продуктов. Это важнейший источник пополнения ресурсов питания. В колхозах страны под водными угодьями числится 7 миллионов гектаров. Если в этих водоемах выращивать хотя бы по 5 центнеров рыбы с гектара водной площади, то наша страна будет получать ежегодно свыше миллиона тонн рыбы.

Сколько на просторах нашей необъятной страны разбросано балок, оврагов, низин, и заболоченных мест, и прочих так называемых «неудобий»? Миллионы гектаров! Их тоже можно превратить в «голубые фермы». Насколько выгодно рыбоводство, показывает пример колхоза имени Котовского, Ульяновского района, Кировоградской области. Артель ежегодно получает от реализации рыбы полмиллиона рублей. Каждый затраченный на рыбоводство трудодень в колхозе имени Щорса, того же района, дает свыше 100 рублей прибыли.

В безводной степи на пустующих балках создано высокопродуктивное хозяйство — Донецкий рыбный комбинат. Здесь ежегодно выращивается для трудящихся Донбасса до 6 тысяч центнеров живой рыбы, откармливаются пекинские утки. Это степное хозяйство дает 500—600 тысяч рублей прибыли. За семилетку комбинат доведет улов рыбы до 16 тысяч центнеров, а число уток — до 600 тысяч.

Прудовое рыбоводство открывает неограниченные возможности. Возьмите метод поликультуры — выведение разных видов рыб в одном пруду. В порядке опыта мы применили его на экспериментальной базе «Александрия» Киевской области. Зеркальный и чешуйчатый карп, белый амур и линь, серебряный карась и гибрид карпо-карась, стерлядь и азовский лещ мирно «сосуществуют». За лето мы вырастили по 58 центнеров рыбы с одного гектара.

Еще большей продуктивности мы добились, разводя карпа и серебряного карася в железобетонном бассейне. Площадь бассейна всего 18 квадратных метров, но в нем выращивалось по 106 штук рыбешек на каждом метре. Из бассейна было выловлено 500 килограммов рыбы. Двести пятьдесят тонн на гектар! А ведь такие бассейны при желании можно создать всюду — даже в городах, в безводной пустыне — на водопроводной и артезианской воде.

Всесоюзное совещание по рыбоводству, которое на днях окончило свою работу, рекомендовало к внедрению в прудовое хозяйство метод комплексной интенсификации. Повсеместное его применение позволит буквально завалить свежей рыбой прилавки магазинов, заполнить аквариумы «Гастрономов» карпом, форелью, линем. Нужно только проявить подлинно хозяйское отношение к «голубой целине», которая осваивается самотеком и очень медленно. Необходима широкая сеть рыбопитомников. Пора, очевидно, начать исчислять выход рыбной продукции так, как учитывают производство мяса на земельное угодье. Это заставило бы по-настоящему взяться за разведение рыбы колхозы и совхозы, органы сельского хозяйства и совнархозы.

В. МОВЧАН, профессор, член-корреспондент ВАСХНИЛа

Киев.

Азовский лещ, акклиматизированный и выращенный в прудах экспериментального хозяйства «Александрия».

Так снимался фильм.

«ВСТРЕЧИ С ДЬЯВОЛОМ»

А. ЗГУРИДИ,
председатель Международной ассоциации научного кино

На экранах наших кинотеатров с бо́льшим успехом демонстрируется французский фильм «В мире безмолвия».

...Экспедиционное судно «Калипсо» отправляется в плавание. На борту его 14 отважных мореплавателей — пловцов под водой.

Вот они с горящими факелами в руках (да, именно с горящими разноцветными факелами!) погружаются в глубины моря и сразу вводят нас в атмосферу чудесной фантастики.

Кто они, эти смелые «люди-рыбы»?

Возглавляет экспедицию опытный пловец под водой автор-режиссер фильма Жак Ив Кусто. С ним отправляются в море его старый друг Фредерик Дюма, режиссер Луи Маль, операторы Эдмон Семан, Альберт Фалько...

Свой первый фильм Кусто и Дюма создали еще в тридцатых годах. Тогда они пользовались кислородными масками и довольно примитивной кинокамерой.

Судно «Калипсо» представляет собою специально оборудованную базу для подводных съемок. Здесь все приспособлено для киноводолазов. А в носовой части судна есть даже особая камера, через иллюминаторы которой можно вести наблюдение под водой и снимать во время движения. Но большинство кадров снято в глубине морской.

Все дальше погружаются пловцы, вызывая восторг не только своей смелостью, но и ловкостью и красотой движений. С моторами в руках лавируют они в лабиринте изумительных по форме и краскам кораллов, гоняются за морскими черепахами, плавают вместе с ними, держась за их ноги; «дрессируют» под водой крупного морского окуня, потом запирают его в клетку, чтобы он не докучал им.

Экспедиция Жака Ива Кусто в течение многих месяцев плавала в Средиземном, а затем Красном море и создала красочный, подлинно поэтический фильм, заслуженно отмеченный на Международном кинофестивале в Канне.

Во время недели французского кино в Москве нам показали еще одну весьма примечательную работу — «Императорские пингвины». Эта короткометражка выпущена киностудией «Армор-фильм».

...Медленно шагают птицы по снегу брюшком вперед, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. И вы невольно восхищаетесь меткостью их прозвища. Ведь слово «пингвин» происходит от латинского «pinquis», что в переводе значит жирный. Именно жирные! Толстые, упитанные, чинно идут они рядами, как на прогулке. В особых складках кожи пингвины носят яйца, а затем птенцов и вместе с ними путешествуют по льду. Подросшие птенцы собираются группами и идут точно так же, как только что шли их родители. А те уморительно скатываются со снежной горы и направляются к морю, где купаются, кормятся, а затем, сильно оттолкнувшись от воды, смешно выпрыгивают на берег.

Все эти любопытные сценки из жизни птиц показаны режиссером-оператором Марио Марре любовно, правдиво, с тонким юмором и великолепным мастерством.

Нельзя не сказать еще о двух французских научно-популярных фильмах — «Морские ежи» и «Термиты». Первый из них мы увидели на XII конгрессе Международной ассоциации научного кино в Москве, второй — на XIII конгрессе в Англии. Автор «Морских ежей» Ж. Пенлеве всегда отличался каким-то особым умением снимать животных. Здесь он показал с необыкновенными подробностями жизнь морских ежей. Режиссер-оператор «Термитов» Ж. Драгеско, несмотря на свои сравнительно молодые годы, по праву считается сейчас одним из лучших мастеров французского биологического фильма.

Есть еще один фильм, в адрес которого хочется сказать много самых лучших слов.

Авторы назвали его «Встречи с дьяволом».

В самом деле, это настоящее путешествие в ад.

Дышит огнем клокочущий кратер. С гор сползает раскаленная лава. Клубятся облака удушающего газа. Горит под ногами земля. А бесстрашные операторы бросают вызов смерти.

С поразительным хладнокровием проходят они под градом камней и каменных глыб, взбираются по скале, объятые огнем, склоняются над кратерами, спускаются в раскаленные пропасти и снимают, снимают, не считаясь ни с чем, снимают, рискуя жизнью, ради того, чтобы накопить бесценный научный материал.

Вот имена этих смелых, отважных людей: режиссер и оператор Гарун Тациев, его сотрудники Пьер Бише, Альдо Скаварда, Ванно Рунту.

Это они поднимались с кинокамерами к действующему вулкану в Японии, снимали момент извержения Этны, вулкана в Конго и других...

Музыку для фильма написал композитор Мармус-Франсуа Гайар, текст — Поль Гимор и Р. М. Арло. Фирма, выпустившая фильм,— «Юнион Женераль Синематографик».

Один из французских критиков назвал «Встречи с дьяволом» уникальным произведением в истории кинематографии. Да, действительно, фильм содержит поистине уникальные кадры, свидетельствующие о высоком мастерстве работников французской научной кинематографии.

На снимках справа: 1. Судно «Калипсо». 2. Один из главных героев фильма. 3. На отсутствие транспорта пожаловаться нельзя. 4. Участники массовых сцен. 5. Кинематографисты отправляются на «натурную» съемку.

Чудеса, подсмотренные кинокамерой

1

2

3

4

«В МИРЕ БЕЗМОЛВИЯ»

5

ЗНАМЕНИТАЯ ПИАНИСТКА ФРАНЦИИ

Софья ХЕНТОВА

Зимой 1954 года «Парижское литературное и артистическое агентство культурного обмена» и его руководитель писатель Жорж Сориа пригласили в Париж Эмиля Гилельса. С большим волнением пианист ожидал начала первого концерта в знаменитом зале Плейель. Когда оставалось несколько минут, Гилельсу подали записку с выражением привета, участия, уверенности в успехе. Поддержка неизвестного друга придала артисту спокойствие, уверенность. А через несколько дней на приеме в советском посольстве к Гилельсу не подошла, а подбежала маленькая, подвижная женщина. Светлые волосы с проседью чуть выбивались из-под прозрачной вуали, быстрая, темпераментная речь, взгляд приветливый и острый... Это была Маргарита Лонг, великая французская пианистка. Ее записка ободрила Гилельса, вдохнула силы...

Вскоре Гилельс уже был у Лонг, в ее доме на улице Гранд Армэ. Говорили, конечно, о музыке, о французских композиторах Форэ, Сен-Сансе, Дебюсси, о новых сочинениях советских композиторов. Гилельс услышал игру молодых французских пианистов.

С тех пор дом на Гранд Армэ стал хорошо знаком советским артистам, приезжавшим во Францию. Здесь их всегда встречали с радостью. Здесь возникали интереснейшие беседы и споры... Лонг охотно рассказывала о себе, и подчас рассказы казались легендами. Не верилось, что этой элегантной, энергичной женщине больше 80 лет, что жизнь ее, в сущности, живая история современного французского фортепьянного искусства.

Почти семьдесят лет выступала на концертной эстраде Маргарита Лонг, проявив выдающиеся артистические данные в интерпретации сочинений классиков: Куперена, Моцарта, Бетховена, Шопена. Но не в этом главная заслуга пианистки. Еще в юности она обратила на себя внимание смелой пропагандой новых, неизвестных или непризнанных сочинений.

Блестяще окончив Парижскую консерваторию, Лонг «открывала» для парижан все новые и новые имена: Роже-Дюкасса, Флорана Шмитта, Густава Самазэ, Дариуса Мийо, Жоржа Миго. Но самой верной привязанностью Лонг были и остаются два великих имени музыкальной Франции — Клод Дебюсси и Морис Равель. Особенно сблизили их трагические события первой мировой войны, общность тяжелых переживаний и ненависть к войне.

В 1906 году Маргарита Лонг после многих лет дружбы вышла замуж за талантливого французского музыковеда Жозефа де Марлиаф. Это была счастливая пора. Лонг успешно концертировала во многих странах, преподавала в Парижской консерватории... Ничто не омрачало ее жизнь до начала первой мировой войны...

А потом Жозеф де Марлиаф ушел на фронт. Здесь он встретил своих друзей: Мориса Равеля, тогда уже известного французского композитора, Ж. Шарло, Ж. Круппи, Г. Деля, П. Годена, Ж. Дрейфуса... Все они были окопными солдатами. И в живых остался один только Равель... Потрясенный ужасами войны, он, возвратившись в Париж, написал в память погибших сюиту «Могила Куперена». Заключительная часть сюиты — «Токката»— была посвящена памяти Марлиафа.

Равель передал Лонг сюиту для первого исполнения. Но Лонг переживала период тяжелой душевной депрессии, разочарования в жизни, в людях. Три года она не прикасалась к фортепьяно. Искусство казалось ей кощунством. Дебюсси и Равелю с трудом удалось вывести ее из состояния творческого оцепенения. Осенью 1917 года, еще в трауре, она играет этюды Дебюсси. Затем Лонг решилась сыграть «Могилу Куперена», которая поразила слушателей. Ведь считалось, например, что сочинения Дебюсси и Равеля нужно исполнять предельно утонченно, подчеркивая звуковые эффекты. Лонг доказала, что музыка Дебюсси и Равеля полна большого жизненного смысла. Пианистка выявляла все живое, светлое, реальное, что заключено в чудесных страницах талантливых французских композиторов.

А летом 1940 года Лонг вновь соприкоснулась с трагедией войны. Вместе с выдающимися французскими исполнителями — скрипачом Жаком Тибо, виолончелистом Пьером Фурнье (он недавно гастролировал в СССР) и альтистом Морисом Вийе она готовила для первого исполнения второй квартет Форэ. 10 мая была назначена грамзапись квартета.

— Этим утром,— рассказывает Лонг,— немцы вошли в Голландию. Потрясенные, мы отправились в студию. Я чувствовала тоску, охватившую Тибо: его сын Роже дрался на передовой. Во время игры наше волнение достигло апогея. Мне кажется, что и запись квартета отразила наши чувства. На следующий день Роже Тибо погиб смертью храбрых...

Когда фашисты захватили Париж, Маргарита Лонг, не желая сотрудничать с оккупантами, покинула консерваторию, где преподавала больше тридцати лет.

...Шли годы, но время, казалось, не властно было над этой женщиной, как будто нашедшей секрет вечной молодости. Сама жизнь сделала ее борцом за мир, за идеалы человеческой дружбы и справедливости. Ее творческая сила и нравственное величие вызывают преклонение.

Франция отметила пианистку высшими почестями: Лонг награждена орденом Почетного легиона, званием офицера и командора ордена. Но еще дороже ей знаки признательности композиторов: Форэ посвятил ей экспромт, Равель — фортепьянный концерт... Ее искусство и человеческое обаяние оказывают огромное влияние на молодое поколение музыкантов. В школу, которую Лонг организовала после ухода из консерватории, стремятся попасть самые талантливые пианисты из многих стран мира. Лонг говорит, что хотела бы дать радость ощущения и познания музыки каждому человеку. «Тогда люди станут лучше, благороднее».

На пороге 80-летия Лонг выпустила фундаментальный труд — «Фортепьяно».

Уже много лет Лонг вместе с Жаком Тибо организует международные конкурсы пианистов и скрипачей. Она не мыслит их вне участия советских исполнителей, чья игра вызывает неизменное восхищение Лонг. Когда в 1955 году жюри присудило советскому пианисту Дмитрию Башкирову вторую премию (первая не была присуждена никому), Лонг опротестовала это решение и от своего имени преподнесла Башкирову высшую награду. На конкурсах имени Лонг и Тибо звание лауреатов завоевала целая плеяда советских исполнителей: Е. Малинин, Н. Школьникова, Р. Соболевский, Б. Гутников, В. Пикайзен, В. Климов, И. Жуков, И. Политковский, Э. Грач, Г. Аксельрод, О. Пархоменко.

Советские исполнители вызывают настолько большой интерес у Лонг, что весной 1955 года она решается на поездку, поразительную в ее возрасте. Несмотря на опасения врачей, Лонг отправляется в Москву, чтобы изучить опыт нашей музыкальной школы... Никогда не забудется апрельское утро, когда на эстраде Малого зала Московской консерватории появилась энергичная маленькая женщина и, стоя, начала рассказывать о французской музыке. Из зала ей крикнули:

— Пожалуйста, сядьте, вы устанете!..

Она снисходительно улыбнулась и продолжала стоять все два часа этой встречи. Лонг играла, и ей играли, советуясь по поводу трактовки сочинений французских композиторов. Она спорила, защищая творчество Форэ. Ее интересовала структура Московской консерватории, методы занятий советских педагогов, облик студентов — решительно все занимало и волновало ее. Чувствовалось, что эта обаятельная женщина не может существовать без постоянного общения с людьми. Видно, в этом и заключен источник ее неизменной бодрости!

12 апреля Лонг сыграла с оркестром под управлением Кирилла Кондрашина концерт Равеля и Балладу Форэ. Она поразила совершенно необычайной манерой игры: удивительные краски, разнообразие и ясность звучания, гибкость интонаций и техническое совершенство никого не могли оставить равнодушными.

Почетный профессор Парижской и Московской консерваторий, Маргарита Лонг покидала Москву как верный друг Советского Союза. В Париже она продолжала еще более энергично содействовать франко-советским музыкальным связям. Когда в СССР был объявлен первый Международный конкурс имени П. И. Чайковского, Лонг назвала его «музыкальной весной мира».

Ни возраст — 85 лет, — ни многочисленные обязанности не мешают артистке поддерживать дружеские связи.

Совсем недавно в письме к автору этих строк Лонг писала:

«Я счастлива сказать о глубокой привязанности, которую я питаю к советским артистам, и о моей благодарности за все знаки симпатии, которые мне оказывает ваша страна».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РУССКИЙ МУЗЕЙ

И. Е. Репин (1844—1930).
ПОРТРЕТ И. И. ШИШКИНА. 1877

А. Д. Кившенко (1851—1895).
ПО ТЕТЕРЕВИНЫМ ВЫВОДКАМ. 1888.

В. А. Серов (1865—1911). ПОРТРЕТ Е. П. ОЛИВ. 1905.

М. А. Врубель (1856—1910). ВЕНЕЦИЯ. ДЕКОРАТИВНОЕ ПАННО. 1893.

П. П. Чистяков (1832—1919). ДЖИОВАННИНА У ОКНА. 1860-е годы.

А. Я. Головин (1863—1930). ПОРТРЕТ Ф. И. ШАЛЯПИНА В РОЛИ БОРИСА ГОДУНОВА. 1912.

А. В. Моравов (1878—1951). МАТЬ. 1902.

П. П. Соколов (1821—1899). ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ СЕРГЕЯ АТАВЫ. 1889.

В АДРЕС „Москва, „Огонек"

Что мне делать?

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Я очень много думала: обращаться к вам за советом или нет — и очень волновалась, что меня могут не так понять, представить все изложенное не так, как я думаю, как это есть. Впрочем, я и сама не могу понять, что со мной происходит. Вы знаете, бывает такое настроение, что мне кажется, будто я как-то не так живу, как другие. Как-то у других девушек получается все просто и хорошо. Устроились ли они работать или вообще не работают, но им это нравится, их все удовлетворяет, и их больше ничего не интересует. Мои сверстницы повыходили замуж сразу же после школы и удовлетворены. Я не знаю, может быть, в этом для них и заключается счастье, может быть, они и правы, считая себя счастливыми. Может быть, они и нашли свое место в жизни. Но мне почему-то кажется, что все это не то.

И я завидую всем тем, кто живет спокойно. А вот я не могу так жить. Мне все чего-то мало и мало что удовлетворяет. Мне двадцать лет, а я уже «разочаровалась в жизни», как говорят девчонки. Нет, просто меня не интересует однообразная жизнь. И я не могу сама внести в свою жизнь что-то новое.

Я не знаю, если бы я не работала, я, наверное, вообще бы умерла со скуки.

После окончания 10 классов мы с подругой уехали из родного поселка в южный город, чтобы поступить в педтехникум на музыкальное отделение, и не прошли по конкурсу. Уж, конечно, без слез не обошлось, но нас успокоила тетя Элла (знакомая подруги), пообещав устроить на работу в санаторий. Конечно, домой нам не хотелось ехать, не только потому, что нужно было бы жить в деревне, но стыдно показаться на глаза родным, друзьям, учителям. И мы решили остаться в городе. Поехали за вещами домой. Родители были против нашего отъезда, но мы заявили, что не собираемся жить в деревне. Это была отчасти и правда, но главная причина — не поступили в техникум. Девчонки, которые остались дома и даже не пытались куда-либо поступить, успокаивали (так как я снова разревелась): тебе, говорят, не так стыдно, потому что ты училась средне, а что говорить об отличниках? И те вернулись домой и уже повыходили замуж, решив больше не поступать в вуз. Я слушала и удивлялась, что девчонки так быстро и просто все решают.

Выйти замуж — это значит жить однообразно: работа — дом, дом — работа. А все мечты, все, к чему стремилась? Забросить? О, нет! Только не это! Может, я неправильно понимаю замужество. И вы, наверное, думаете, что я против этого. Нет, я не против, но выходить так рано, забросив учебу, спорт? И мне стало страшно от этой мысли. Мне не нравилась такая жизнь, и я решила во что бы то ни стало уехать в город. Не думайте, что я искала легкой жизни, нет! Я давно мечтала о заводе. Но в городе, куда мы приехали с подругой, нам говорили, чтобы мы пошли по медицинской части, а на заводы, говорят, и не думайте поступать: не устроитесь. Мы стали работать в санатории. Ну, думаю, может быть, я здесь добьюсь своей цели, может, и «повезет», сбудутся мои мечты. Но не тут-то было!

Мы работали, но я все время мучилась от стыда, что выполняю такую работу. Подруга (она старше меня на год) все успокаивала, но я видела, что и она чувствует себя не лучше. Но что поделаешь? Как говорится, «взялся за гуж, не говори, что не дюж». И мы все же работали два года, как говорится, зарабатывали стаж для поступления в техникум. Вечерами учились на курсах машинописи (я и сейчас работаю машинисткой), а потом на подготовительных курсах в учебные заведения. Мы решили поступить в фармацевтический техникум. Но у нас даже не приняли документы: не хватало 11 дней до двух лет стажа. Ну, что нам еще оставалось делать? Подали заявление в мединститут, это уже в другом городе. Конкурс был очень большой: 1 050 заявлений,— а приняли только 50 человек.

О, этого, думала, я уже не перенесу! Я перестала вообще верить в себя, в свои силы. Я была в отчаянии, что ни на что не способна, хотя некоторые девчонки и завидовали мне, что я рисую и «пишу» стихотворения. Они часто просили меня нарисовать что-нибудь смешное и подписать стихотворением. Я была редактором стенгазеты и, когда видела, что моим «художеством» удовлетворены, признаюсь, была счастлива в эти минуты. Я привыкла слышать, что бабушка, знакомые да и в общежитии говорили про меня: «Женя «таланта» полна». И подруги, бывало, говорили: «Как это здорово, что ты и рисуешь, и пишешь, и танцуешь, и поешь, и играешь на гитаре! Одно надоест — за второе возьмешься, и весело».

Но мне этого мало. И мне ни капельки не весело. Так что же это такое, скажите, пожалуйста? Что мне делать, как мне надо поступить в таком случае? Здесь меня только удовлетворяют книги и настольный теннис. Этот вид спорта мне очень нравится. Научилась играть еще в городе.

После провала в институте я с каким-то ожесточением начала тренироваться. (Говорят, и в институт принимают легче, если есть спортивный разряд.) Благодаря студентам-китайцам, научившим меня играть, я стала выигрывать у всех мальчишек, которым проигрывала раньше с большим счетом. Но пришлось покинуть город, так как мы ни за что не хотели оставаться на прежней работе. По просьбе родителей (побыть хоть зиму дома) вернулись в поселок. О, мы, молодежь, часто бываем несправедливы к родителям, пользуемся их любовью к нам и не платим им тем же! Разлука открывает очень многое.

В городе у нас было много друзей, и все, даже директор санатория, говорили, что, конечно, для нас лучше работать на заводе. Но тут же высказал сомнение: «Примут ли вас?». Неужели действительно завод такой недосягаемый, что туда нельзя попасть? Жаль было, конечно, расставаться с коллективом. Директор да и все в коллективе очень беспокоились о нас, желали нам, чтобы сбылись наши мечты. Коллектив мы любили, но работу, конечно, нет. И все же трудились добросовестно. В первый же год и мне и подруге подарили отрезы на платье, а потом вынесли благодарности, и еще горком комсомола вручил похвальные грамоты. Казалось бы, что еще надо? И все же мы уехали.

Я очень люблю спорт, а здесь, в родном поселке, даже нет районной женской команды. Интересуются почему-то только футболом. Я пыталась организовать волейбольную команду. Куда там! Только моя подруга и согласилась, а больше никто не хочет. Ну, просто ужас! Что же тогда делать здесь после работы: читать, потом кино, танцы, и все? Разве это может удовлетворить молодежь?!

Вот я уже второй месяц здесь и никак не могу «акклиматизироваться». Опять одна лишь мечта: о заводе, о вечернем институте при заводе, о спорте. А как начитаешься новостей о спорте, о коммунистических бригадах, то сразу становится и радостно и грустно. Конечно, сколько прекрасного вокруг, сколько интересного, и обидно, что где-то кто-то работает, кто-то занял первое место на спортивных соревнованиях, а ты здесь в стороне стоишь. Конечно, надо больше тренироваться, чтобы участвовать в таких соревнованиях. Будут хоть маленькие сдвиги какие-нибудь. Ведь это и интересно и полезно, но как к этому прийти, что для этого надо?

Вы, наверное, скажете, что все это можно организовать и здесь, в поселке. Да, можно, но ведь у нас не те условия, что в городе.

Нет, я больше не могу так! Что мне делать? Посоветуйте, пожалуйста. Неужели я действительно такая непутевая, что не могу приспособиться к нашей жизни? Неужели я не способна построить интересно свою жизнь? Конечно, сил у меня достаточно для этого, но как, с чего начать? Не знаю. Неужели я вот так буду все время мечтать, грустить и проклинать себя за такой характер? Все меня раздражает, и я все время дома говорю: уеду, уеду. А куда уеду?

Могу ли я быть удовлетворена своей жизнью, зная, что везде в городах так много нового, а здесь все не то?

О, как я была бы рада, если бы у меня был такой же характер, как у других, чтобы я могла жить спокойно! А тут иногда ночь промечешься, но так и не найдешь ответа на все свои «почему». Засыпая, думаешь, что завтра надо что-то сделать, чтобы жизнь стала както интереснее, а проснешься — и все по-прежнему.

Помогите же разобраться во всем этом. Как найти правильный путь в жизни? Может быть, я совсем не понимаю жизнь и поэтому вот так все неладно у меня получается? Я сейчас малость волнуюсь и поэтому, вероятно, не очень-то складно пишу. Но мне сейчас не до этого. Я только хочу, чтобы вы правильно меня поняли и посоветовали, как осуществить свои мечты. Я знаю, что только после этого буду счастлива по-настоящему.

Может быть, вы раскритикуете еще одну неудачницу? Пожалуйста, критикуйте, это мне будет полезно. Я теперь каждый день буду ждать вашего ответа...

С приветом

Женя N.

Что же делать Жене N.! Как ей быть? Мы ждем откликов читателей.

Первый электроплуг

Электрификация нашего сельского хозяйства началась в суровый и голодный 1919 год. Рабочие первой электростанции в Петрограде по инициативе профессора-агронома В. Д. Батюшкова решили применить электроэнергию для обработки своего огорода в Полюстрове площадью 60 гектаров. Они обратились ко мне с просьбой помочь. Я работал тогда на одной из гидроэлектростанций в Петрограде.

Над проектом электроплуга мы работали вместе с инженером Петроградского металлического завода И. В. Кармазиным и профессором К. И. Васильевым с машиноиспытательной станции Детскосельского агрономического института. К 1 мая 1920 года электроплуг был готов.

Как известно, в феврале 1920 года В. И. Ленин указывал Г. М. Кржижановскому, что в плане ГОЭЛРО должно обязательно найти отражение применение электричества при пахоте.

Так в Петрограде возникла инициативная группа — председатель Совета коммунального хозяйства Л. М. Михайлов, профессор В. Д. Батюшков, инженер И. В. Кармазин и я.

24 марта был объявлен Всероссийский конкурс на орудия для обработки почвы с применением электрической энергии. К осуществлению был принят электроплуг по нашему проекту, состоящий из двух самоходных тяговых электролебедок мощностью по 75 лошадиных сил.

По постановлению Президиума ВСНХ была создана специальная Чрезвычайная комиссия «Электроплуг», с отделениями в Петрограде и в Москве. Но шла гражданская война, и дело не двигалось, пока электропахотой опять не заинтересовался Владимир Ильич.

31 декабря 1920 г.

«Предлагаю приложить все усилия, чтобы заказ Наркомзема на 22 электропахотных орудия и их части был выполнен не позднее 1 апреля 1921 г. О состоянии работ по выполнению заказа телеграфируйте еженедельно в адрес Совнаркома, Горбунову.

Предсовнаркома Ленин».

Такие телеграммы были разосланы на заводы, принимавшие участие в изготовлении электроплугов.

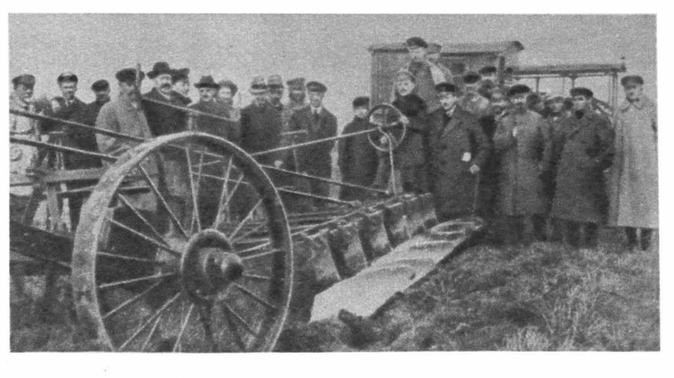
Эти работы были признаны ударными и военносрочными. ВСНХ и Петроградский совнархоз обязывались выполнить заказ на 22 агрегата во что бы то ни стало.

И вот наконец 23 сентября 1921 года под Петроградом, на Шушарской ферме Ученого комитета Наркомзема, была произведена первая электропахота.

Затем электроплуг был отправлен в Москву. На Бутырском хуторе, в учебно-опытном хозяйстве Московского зоотехнического института, на два часа дня 22 октября 1921 года было назначено его торжественное испытание. Присутствовали В. И. Ленин, М. И. Калинин, члены правительства, рабочие, крестьяне...

Это было началом большого пути электрификации сельского хозяйства.

Инженер В. КОЧУКОВ

Первое испытание электроплуга.

Короткие ответы

А. Плотников из Севастополя, Л. П. Нетреба из Магаданской области и многие другие читатели «Огонька» интересуются, где можно пройти курс лечения новокаином.

Как сообщили нам в Министерстве здравоохранения СССР, метод лечения новокаином может применяться в любой поликлинике при условии, если лечащий врач найдет его целесообразным для больного. Ученым советом Министерства здравоохранения СССР утверждена инструкция, которая разослана во все городские отделы здравоохранения.

Монтаж с колес.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Е. УМНОВА.

Идешь по широким пролетам Обуховского домостроительного комбината и диву даешься: все необычно и несравнимо. Посудите сами, как не удивляться: машины изготовляют жилые дома из железобетона! Вот с одной снимают готовые панели перекрытий, с другой — внутренние перегородки, третья выдает лестничные площадки, переборки с дверными проемами... Буквально на глазах по частям создается пятиэтажный жилой дом со всеми удобствами. Все — от подушек фундамента до последней детали пятого этажа — делается механизированным способом. И с такой точностью, что на монтажной площадке остается только приставлять одну панель к другой и сваривать их.

Но не станем забегать вперед. Вернемся туда, где делают каркасы конструкций будущих домов. В глубине пролета новенькие механизмы. Простым нажатием кнопок или педалей здесь нарезают стержни, заготавливают нужных размеров прутки, петли, вяжут металлические плоские сетки. Потоком движутся заготовки от одной машины к другой и постепенно превращаются в армированные каркасы.

С каждым часом растет стопа каркасов. По размерам и «рисунку» нетрудно догадаться, какие это будут части дома, когда каркасы заполнят бетоном.

Мостовой кран нависает то над стопой металлических сеток, то над кассетными машинами. Звеньевой Михаил Билусяк подводит повисший на стальном тросе каркас к кассете и вертикально опускает его в машину. Когда установлены все каркасы — а их вмещается шесть — восемь в каждую машину,— кран подает бункер, наполненный бетоном.

Звеньевой нажимает на рычаги, дно бункера раскрывается, и бетонная масса, устремляясь вниз, растекается по клеткам армированного скелета. Вибраторы уплотняют бетон, заполняющий «поры» металлического каркаса. Убедившись, что все сделано хорошо, Билусяк открывает вентиль паропровода. Пар, нагретый до ста — ста двадцати градусов, поступает в полости секций...

Мы наблюдаем за процессом формовки панелей. В то время как на одних машинах он еще продолжается, к другим подается бетон, а рядом уже извлекают из кассеты готовую панель перекрытия. Вот она еще излучает жар, как говорят здесь, «парует». Пройдет несколько минут, и кран бережно отнесет ее к стенду. Там она отлежится два-три часа, и мотовоз увезет ее из цеха. Отличный получился «кусок» дома: поверхность чистая, гладкая, будто искусный штукатур старательно отшлифовал его вручную.

По крутой лестнице, напоминающей трап, поднимаемся на верхний этаж бетоносмесительного цеха. У пульта дежурит оператор Галина Петунина. Это она в зависимости от требуемой марки бетона дозирует необходимые компоненты. Собственно, дозируют автоматы, которыми она управляет.

А теперь заглянем в пролет, где в горизонтальных формах делают стеновые панели. На поточных линиях, поблескивая белизной керамических плиток, стоят наружные стены. Если смонтировать их, получится красивый белоснежный фасад нового дома. Вставлены рамы, остеклены окна. Все это сделано в цехе. Маляр Екатерина Реброва, распахнув окно, точно у

ДОМ ДЕЛАЮ

У пульта дежурит оператор Галина Петунина.

себя дома, наводит лоск. Она недавно окончила строительное училище и очень довольна, что оказалась на Обуховском комбинате: пролеты здесь просторные, светлые, труд почти полностью механизирован.

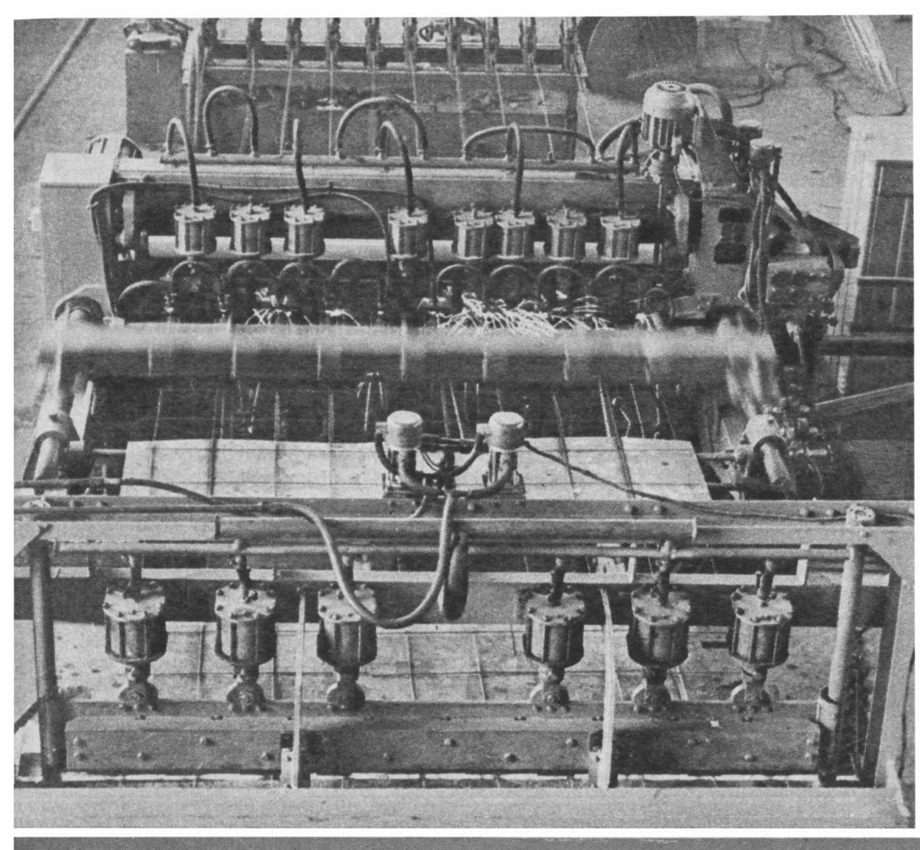
Есть еще один цех на комбинате, без которого невозможно было бы возводить жилые здания по новой технологии,— это цех санитарных кабин. Чтобы не поднимать на этажи отдельно ванны, души, раковины, трубы, все монтируется в цехе сразу в один узел, в одну кабину и в таком виде отправляется на строительную площадку.

Мы сказали «на строительную», но нас сразу поправили: на монтажную. Да, там, где дома возводит Обуховский ДСК, площадку не назовешь строительной. Здесь нет той картины, какую обычно наблюдаешь на других стройках: не видно строительных деталей, материалов, нет гор мусора. Тут тихо и безлюдно.

Вот мощные панелевозы доставили в прицепах партию панелей. Башенный кран тотчас снимает их и подает одну за другой наверх. Монтаж ведется прямо «с колес». Панель ставится на место, и сварщики приваривают ее к «соседке». Дом собирают из 1 270 «кусков». Панелевозы привозят их комплектно — по этажам, квартирам. Так вширь и вверх растет здание. В нем четыре секции, шестьдесят квартир, каждая для одной семьи.

Обуховский домостроительный комбинат не только изготавливает все элементы и детали жилых зданий, но и сам транспортирует их на площадку, сам монтирует. Его продукция — готовый жилой дом. Все сосредоточено в одних руках. И это заметно повысило качество, вдвое сократило сроки и удешевило стоимость сооружения домов. На пустыре за Невской заставой вырастает новый квартал. По фасадам легко узнать: дома изготовлены Обуховским ДСК. Он ежемесячно выпускает три пятиэтажных дома.

Обуховский комбинат не единственный в Ленинграде. Таких сейчас четыре, строится пятый. Все они налаживают массовое строительство домов индустриальным способом по типовым проектам. Но их дома не похожи друг на друга, каждый чем-либо отличается. За два года будет построено много домов общей жилой площадью почти в три четверти миллиона квадратных метров.

Эта машина вяжет сетку каркаса.

Бригадир комплексной бригады Валентин Белунов и звеньевой Михаил Билусяк.

Т МАШИНЫ

Академик В. В. Виноградов. Фото А. Новикова.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ

Ираклий АНДРОНИКОВ

1

В 1872 году в журнале «Русская старина» появились неизвестные отрывки и варианты первых глав второго тома «Мертвых душ» Гоголя, в которых идет речь о Тентетникове, о приезде Чичикова к Петру Петровичу Петуху и к генералу Бетрищеву.

Находка вызвала огромный общественный интерес. Появились статьи о значении опубликованных материалов, важных для понимания идейной позиции Гоголя. И вдруг редакция «Русской старины» узнает, что опубликованные ею отрывки не что иное, как подделка полковника Н. Ястржембского, который решил наконец публично сознаться в этом.

Оказалось, что, благоговея всю жизнь перед Гоголем, полковник вознегодовал на него за второй том «Мертвых душ» и за «Переписку с друзьями», в которых сказались реакционные взгляды писателя, и, побуждаемый самыми лучшими чувствами — желанием восстановить репутацию Гоголя, решил переделать начало второго тома «Мертвых душ» в духе идей Белинского, высказанных в его знаменитом письме. Копию этой подделки Ястржембский подарил одному из своих друзей, который, поверив в подлинность рукописи, ввел в заблуждение редакцию, а вместе с ней и читателей.

Саморазоблачение мистификатора послужило поводом для шумной полемики. Возникло предположение, что это не подделка, а плагиат, что Ястржембский приписал себе подлинный текст Гоголя. Анализируя теперь язык этих отрывков, замечательный советский филолог академик В. В. Виноградов подтверждает поддельность текста и показывает на этом примере, как тесно связаны стилистические изменения текста с его идейно-смысловым содержанием.

В полемике по поводу этой мистификации принял участие журнал «Гражданин». Автор редакционной и безымянной статей, помещенных на эту тему, не установлен. На основе стиля статей Виноградов доказывает: их писал редактор журнала Ф. М. Достоевский. «Но позвольте,— спросите вы,— из какой книги взяты эти примеры?» Отвечу. Но прежде хочу рассказать о самом авторе.

2

В 1923 году в научном сборнике «Русская речь» появилась статья молодого ученого Виктора Владимировича Виноградова о задачах стилистики. В статье рассматривался язык известного литературного памятника XVII столетия «Житие протопопа Аввакума». Уже здесь, в этой работе, автор, продолжатель школы талантливых русских лингвистов А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, высказал мысль, что лингвист должен видеть в художественном произведении прежде всего выражение индивидуального «языка» писателя — его стиля: стиль индивидуальный определяет иногда стиль целой литературной школы. Через несколько лет вышла книга Виноградова «О художественной прозе», построенная на сравнительном изучении речи знаменитого адвоката В. Д. Спасовича по делу Кронеберга (привлеченного к суду за истязание малолетней дочери) и откликов на это дело в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского и в «Недоконченных беседах» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь показывалась разница между публицистическим и художественным воплощением действительности и—одновременно — своеобразие приемов, характеризующих стиль Достоевского и стиль Щедрина.

В пору, когда Виноградов приступал к изучению языка художественных произведений, литературоведы, писатели высказывали немало суждений на эту тему. Однако их «стилистические» замечания носили субъективный характер, не были связаны с историей языка и потому научной ценности не имели. С иных позиций подходили к языку художественной литературы лингвисты: их, как правило, интересовали грамматические формы, отражение в языке писателей диалектов. Художественная литература служила им материалом для истории литературного языка. Но ведь язык художественной литературы и литературный язык совсем не одно и то же. Литературный язык — это норма и разговорной речи, и деловой, и публицистической. Виноградов считал, что язык художественного произведения — средство словесного искусства — надобно изучать иначе.

И вот прошло около сорока лет. Мы читаем монументальное исследование академика Виноградова «О языке художественной литературы», которое свидетельствует о том, что в Советской стране, на стыке языкознания и литературоведения, возникла новая отрасль филологии — наука о стилях художественной литературы. Как будет она называться, эта наука, пока неизвестно. Название придет. И, наверно, станет таким же привычным, какими стали для нас термины «агробиология», «астрофизика», «геохимия». В разработке основ этой новой науки академику Виноградову принадлежит огромная роль. Не только потому, что он первый подошел к изучению языка писателей с новых позиций. Но также и потому, что в его лице соединились крупнейший советский языковед— ученый с мировым именем — и выдающийся историк литературы.

Не только время пролегло между первой статьей и нынешним капитальным исследованием, представленным на соискание Ленинской премии. За эти годы академик Виноградов обогатил филологическую науку множеством ценнейших трудов — в области грамматики и стилистики, семасиологии и лексикологии (учения о значении слов и словарном составе языка), фразеологии, истории русского литературного языка, общих вопросов языкознания. Далеко за пределами нашей страны известны книги Виноградова «Русский язык» и «Современный русский язык». Не менее известны и не менее важны для науки такие его монографии, как «Язык Пушкина», «Стиль Пушкина», работы о языке и стиле Крылова, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского, Щедрина... Вот на какой основе возник историко-теоретический труд «О языке художественной литературы», который представляет собою итог сорокалетних трудов Виноградова, трудов его школы, результат жарких дискуссий и высокого научного мастерства.

3

Можно ли изучать язык писателя, не зная общественной жизни эпохи, не представляя себе его творческого метода, отношения его к языку народному и к литературному языку? Можно ли осмыслить стиль отдельно от формы произведения, от его композиции? От образа автора, каким он является в книге, от образов героев его? Или изучать язык вне связи с культурой эпохи, с господствующими в литературе стилями? С общей историей языка, наконец! Вот, например, слова: **родина и отчизна.** В нашем понимании они значат одно и то же. Не то было во времена Пушкина. «Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным,— говорит Пушкин о Дубровском, въехавшем во двор своей усадьбы.— Двенадцать лет не видал он своей родины». Между тем Дубровский не покидал России, а все двенадцать лет жил в Петербурге. Стало быть, **родина для него не отечество,** а только место, где он родился. Но уже Лермонтов, добавим мы от себя, употребил оба слова, как однозначные, — в стихотворении «Роди-

ИССЛЕДОВАНИЕ

на», которое начал словами: «Люблю отчизну я...»

Все эти многообразные аспекты изучения языка художественной литературы раскрываются в книге Виноградова на материале очень обширном, с большой обстоятельностью, последовательно и стройно. Для примера коснусь только одного из многих важных вопросов.

«Во всяком художественном произведении,— говорил Лев Толстой,— важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и все то в произведении, что написано на это отношение».

Этот «образ автора», воплощенный в языке произведений разных направлений и школ, составляет одну из центральных проблем исследования.

Остро ощущал свои взаимоотношения с читателем при построении образа автора советский писатель Михаил Пришвин. В подтверждение своих наблюдений Виноградов приводит его слова: «...газетный корреспондент, — говорит Пришвин, — начинает описание словами: «Рано утром, отправляясь на место побоища, мы сели в автомобиль...», хотя сел он один... Но я, — продолжает писатель, — до сих пор с трудом могу перейти от первого лица к третьему... Зато когда говорю **я**, то, конечно, это **я** уже сотворенное, это **мы**». Очень важное свидетельство того, что дело тут не в словах. Нет! В прозе, как и в стихах, авторское я не сам автор, а образ, который, как и другие, возникает вместе с замыслом вещи.

Анализ этого образа позволяет, скажем, отвергнуть приписываемые Пушкину заключительные строки стихотворения «Отрывок», «образ автора» там другой. Это частность. Гораздо важнее, что изучение «образа автора» помогает Виноградову установить важные закономерности развития реалистического стиля в русской литературе.

4

Попытки изучать стиль вне его конкретного воплощения в языке художественной литературы приводят к определениям расплывчатым и неточным. «Идейная близость к декабристскому движению, — пишет один из современных исследователей, — позволила Грибоедову дать действительно реалистическое произведение — гениальную комедию «Горе от ума». «А Рылееву почему не позволила?» — задает вопрос академик Виноградов. Действительно, поэт Кондратий Рылеев — один из руководителей декабристского движения. И, тем не менее, это не делает его романтические «думы» реалистическими.

В книге Виноградова проводится мысль, что реализм возникает и развивается «**после** того, как сформировался национальный литературный язык», после того, как язык художественной литературы сблизился с народно-разговорною речью. Только при этих условиях литература способна создать национальные типы и характеры. Доказывая, что образцом этого нового стиля является «Капитанская дочка» Пушкина, исследователь подчеркивает, что здесь «автор как бы сам становится персонажем своего романа, сливается со своими героями и иногда говорит их языком, а не своим собственным». Эта проблема — органической взаимосвязи стиля автора и речей действующих лиц — принадлежит к числу главных тезисов книги Виноградова, ибо в этой взаимосвязи он видит один из важнейших признаков утверждения реалистического стиля.

Великолепен разбор языковых средств русской исторической прозы в сопоставлении с прозою Пушкина, с гоголевским «Тарасом Бульбой», который назван в книге «романтико-реалистической народной эпопеей», анализ образа рассказчика в повестях Тургенева и Достоевского и «образа автора» в романе Толстого «Война и мир» — анализ убедительный, тонкий. Помимо нового понимания стиля этих вещей, он доставляет наслаждение эстетическое. Он показывает, как развивались, становясь все более емкими, все более гибкими, выразительные средства русской реалистической прозы. Вникая в словесную ткань, ученый прослеживает закономерности могучего развития русского реализма. Реализма, с которым он настоятельно связывает понятие **историзм**, — умение писателя постигать суть явлений в их историческом развитии. В том числе и развитие языка. Художественное произведение исследователь рассматривает теперь как бы с двух точек: «вблизи» и в исторической перспективе. Оно «может и должно изучаться, — пишет Виноградов,— с одной стороны, как процесс воплощения и становления идейно-творческого замысла автора, и — с другой — как конкретно-исторический факт, как закономерное звено в общем развитии словесно-художественного искусства народа».

Книга эта глубоко современна. И дело не только в том, что автор наряду с произведениями писателей прошлого широко привлекает материал советской литературы — суждения Горького, Фадеева, Исаковского, Паустовского, стилистические примеры из Шолохова, Твардовского, Коптяевой, Голубова, Яшина, Заславского, Нариньяни, вплоть до Карелина, прозаика нового поколения. Дело в пафосе этой книги — острой, талантливой, насыщенной новыми мыслями, призывающей перейти от случайных и субъективных оценок языка советской литературы к его глубокому изучению. Ибо, если применить приведенные в книге слова Константина Федина, язык — это «король на шахматной доске стиля... Нет языка — нет писателя».

Золотой початок

В одном из молодежных клубов Москвы был вечер. После концерта юноши и девушки собрались за праздничным столом и подняли бокалы, наполненные янтарным игристым напитком. По вкусу он напоминал шампанское, но сделан был не из винограда, а из кукурузы.

«Золотой початок», «Рубиновый», «Лучезарный» — так называются слабоалкогольные напитки. Технология их приготовления разработана группой специалистов Московского винодельческого завода № 1 под руководством инженера И. А. Бордукова.

Начальник отдела изобретательства инженер А. С. Вайнберг нам рассказал:

— Основные достоинства кукурузных напитков, помимо их приятного вкуса, — питательность и дешевизна. Бутылка «Золотого початка» стоит столько же, сколько бутылка пива.

Каковы наши планы на будущее?

В соответствии с решением ЦК КПСС и Совета Министров, специалисты нашего завода разрабатывают новые виды напитков из кукурузы. Для придания разного вкуса мы используем и натуральные соки из малины, клюквы, вишни, черной смородины, яблок. Технологи утверждают, что напитки с примесью кукурузы получаются более мягкими и гармоничными. А сколько сэкономится ценного пищевого сырья, шедшего на их изготовление! Только один наш завод отдаст москвичам благодаря кукурузе два миллиона килограммов — почти двести вагонов — свежих ягод и фруктов!

Широкое использование кукурузы в пищевой и винодельческой промышленности снизит себестоимость продукции, упростит транспортировку и хранение сырья и будет способствовать решению ряда других проблем.

В. БЕЛЕЦКАЯ

30.000.000 слов в минуту

Хороший радист может передавать в минуту до 200 слов. Применение буквопечатающих аппаратов — телетайпов — позволило увеличить скорость передачи сообщений по радиотелеграфу еще в несколько раз. В новейшие крупные электронные счетно-решающие машины информация подается с поразительной скоростью — 30 тысяч слов в минуту. Однако даже эти громадные скорости считаются недостаточными для нужд современной науки и техники, особенно в тех случаях, когда в течение очень краткого промежутка времени имеют место миллиарды событий, например, в ядерной физике.

Американская фирма «Сперри гироскоп» разрабатывает в настоящее время электронные устройства, которые смогут передавать информацию со скоростью 30 миллионов слов в минуту. При такой скорости весь материал, содержащийся в двух годовых комплектах ежедневной газеты, может быть передан менее чем за одну секунду!

В. НОВИКОВ, инженер

Новый антибиотик

Ребенку становилось все хуже. Диагноз: колиэнтерит — опасная болезнь, которая может привести к смерти. Вызывает колиэнтерит кишечная палочка.

В больнице, где лежала мать с младенцем, уже испробовали все средства, но ничто не помогало. Тогда малышу дали таблетку колимицина... Через несколько дней ребенок был здоров.

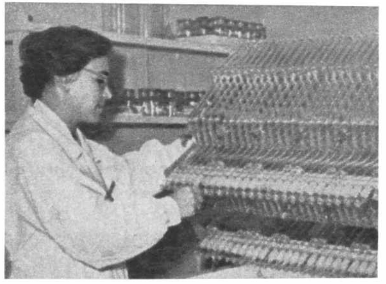
Заслуга в получении колимицина принадлежит группе сотрудников Научно-исследовательского института по изысканию новых антибиотиков Академии медицинских наук.

Каковы же свойства нового антибиотика?

Известно, что бактерии — коварный и изворотливый враг. Они ухитряются приспосабливаться, приобретают устойчивость ко многим антибиотикам, которых раньше боялись, например, к пенициллину или левомицетину. Но новый препарат бактериям не нравится. Они «привыкают» к нему трудно и медленно. Даже в очень слабом растворе колимицин убивает многие виды бактерий: стафилококки, кишечную палочку, дизентерийные микробы.

Сейчас после длительных испытаний препарат разрешен к внедрению.

Н. ПОСЫСАЕВ

Здесь антибиотик проходит очистку до 50 раз.

Дрезденские стальные птицы

В этом году самолетостроительный завод в Дрездене — один из наиболее оснащенных авиационных заводов Европы — начнет серийный выпуск четырехмоторных реактивных пассажирских лайнеров «152». Конструкция разработана большим коллективом под руководством профессора Бааде.

Продукция Дрезденского авиазавода уже и сейчас хорошо известна в мире. Выпускаемые им по лицензии, предоставленной ГДР бесплатно Советским Союзом, 26-местные двухмоторные самолеты конструкции Ильюшина экспортируются в Польшу, Венгрию и Болгарию; эти серебристые птицы можно встретить на аэродромах Москвы, Лондона, Праги, Парижа.

Построенный в Дрездене «152» может перевозить до 72 пассажиров. Могучая птица развивает скорость до 920 километров в час.

Серийные самолеты «152» будут оснащены реактивными двигателями «Пирна 014», которые также сконструированы и изготовляются в ГДР.

«152» сконструирован таким образом, что может успешно эксплуатироваться в условиях тропического климата и взлетать с полной полезной нагрузкой с аэродромов, расположенных на высоте до 3 тысяч метров над уровнем моря.

Лондонская консервативная газета «Таймс», комментируя сообщение о новом самолете, писала, что оно произведет в ФРГ, где выпускаются только легкие самолеты, впечатление, ненамного уступающее впечатлению от сообщения о запуске первого спутника.

Л. ГИЛЬБЕРГ

Обгоняющий время

В. ВИКТОРОВ

Четыре года — немалый срок для спортсмена, особенно если его стихией является спринт. Стремительно проносится время, и никто не в силах его обогнать, даже быстрейший из быстрых. В двадцать четыре года спортсмену кажется, что нет предела его возможностям, а в двадцать восемь лет он уже понимает, что такой предел есть. В человеке прежде всего притупляется чувство скорости.

Эти мысли невольно возникли у меня, когда я встретился в самолете, летящем в США, с Евгением Гришиным. Вместе со многими своими товарищами по спорту двукратный чемпион прошлых Олимпийских игр направлялся в Скво Вэлли, чтобы принять участие в «Белой олимпиаде».

Мы сидели с Гришиным рядом, я слушал его живую, энергичную речь и все больше убеждался в том, что он решительно отбрасывает в сторону пролетевшие годы, как отбрасывает чехлы своих беговых коньков, выходя на лед. Нет, Гришин, видимо, не собирался считаться с тем, что стал старше, что после успехов в Кортина д'Ампеццо его преследовали неудачи, вплоть до нынешней зимы. Правда, в олимпийскую зиму Евгению Гришину удалось вернуть себе былую форму, но не менее значительны были успехи его соперников — советских, норвежских, американских скороходов. Несмотря на это, Гришин был настроен очень решительно и не скрывал, что будет с полным напряжением сил бороться за победу на двух дистанциях, как и четыре года назад...

Четыре года!.. И мы стали вспоминать высокогорный каток на озере Мизурина в Доломитовых Альпах и ту удивительную удачу, которая сопутствовала там Гришину. На огромной льдине, словно смазанной солнцем, осуществлялись самые дерзновенные мечты. Когда Гришин, выступая на дистанции 500 метров в первой паре с англичанином Кроншеем, пролетел ее в рекордное время — 40,2 секунды, этот результат многим показался одновременно и фантастическим и вполне реальным. В самом деле, если скороход в первой же паре показывает время мирового рекорда, так почему бы этого не сделать и тем, кто возьмет старт после него? И действительно, результат, показанный Гришиным, тут же стал мишенью для обстрела таких снайперов скорости, как финн Салонен, норвежец Ествант, американец Макдермот, советский скороход Рафаэль Грач. Все они были близки к заветной цели, но никто все же не смог побить время Гришина. А сам он вскоре завоевал еще одну золотую медаль, в беге на 1 500 метров, разделив первое и второе места со своим товарищем по команде Юрием Михайловым. Так сложилась борьба в Кортина д'Ампеццо для Евгения Гришина.

Сможет ли произойти чудо? Сможет ли он спустя четыре года добиться снова «олимпийского дубля»?

Гришин вырос в рабочей Туле. Ему исполнилось всего лишь десять лет, когда фашистские войска оказались на подступах к его родному городу. Отец Гришина к тому времени был уже на фронте и вскоре погиб в боях под Великими Луками. Мальчик учился на гравера, работал на старом оружейном заводе, и эти трудные годы навсегда закалили его характер. На заводе Гришин стал заниматься спортом, впервые стал на коньки и вскоре смог испытать свои силы в спортивной борьбе. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, имя Евгения Гришина впервые промелькнуло в газетах. Молодой спортсмен завоевал первенство РСФСР и с тех пор стал непременным участником всех крупных соревнований.

Особенно удачно Гришин выступал на двух дистанциях — в 500 и 1 500 метров. Он был от природы спринтером, но это не мешало ему стремиться к победе и в многоборье. В 1954 году Евгений Гришин занял третье призовое место на первенстве мира, которое проводилось в Японии. А после своего удачного выступления в Кортина д'Ампеццо завоевал первенство Европы, оставив на втором месте норвежца К. Юханнесена. Но все это было четыре года назад. Эти успехи давно стали достоянием спортивной истории. И все же теперь, направляясь в Скво Вэлли, Гришин говорил о предстоящей ему борьбе с такой глубокой уверенностью в успехе, что нельзя было не проникнуться к нему уважением. Да, этот вспыльчивый, громогласный человек был словно заряжен огромной энергией, позволявшей ему и успешно заниматься в институте, и усиленно тренироваться, и нести свои обязанности офицера Советской Армии. Теперь он летел в Америку не для того, чтобы просто выступать на Олимпийских играх, а чтобы побеждать там.

И Гришин заявил о серьезности своих намерений еще до открытия «Белой олимпиады». Он выступил на предварительном соревновании скороходов, превысив свой же мировой рекорд, вызвав первую сенсацию среди многочисленных журналистов. А когда стало известно, что его результат не будет утвержден, Гришин даже не возмутился. Ведь это было только повторением событий, уже происходивших четыре года тому назад в Кортина д'Ампеццо. Тогда Гришин также установил новый мировой рекорд на дистанции в 500 метров еще до открытия Олимпийских игр, и его так же не засчитали, как и теперь в Скво Вэлли. Ну что же, он докажет свои возможности через несколько дней.

И вот 24 февраля он снова оказался перед нами. Затянутый в черное трико, Гришин, никого не замечая, катился по ледяной дорожке, разминаясь перед стартом. Он не видел в этот момент ни ослепительного солнца, сияющего над горами Сьерры-Невады, ни сверкания беговой дорожки, ни олимпийского пламени, вот уже седьмой день расстилавшего свой огненный стяг над искусственным катком.

Огромная пестрая толпа окаймляла беговую дорожку и с нетерпением ждала начала борьбы. Ветерок даже не шевелил флаги тридцати стран, воздух был чист и насыщен солнцем. Да, борьба предстоит исключительно интересная, и таково было мнение всех. И действительно, уже во второй паре норвежец Ествант пролетел 500 метров за 40,8 секунды, а вслед за ним американец Дисней показал еще более высокий результат — 40,3 секунды.

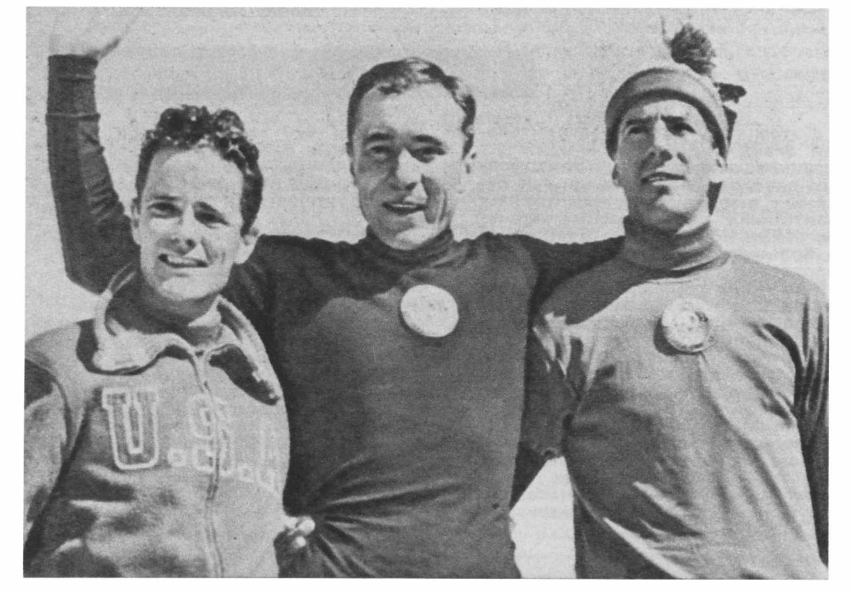
Наступила очередь Евгения Гришина. Вот он пригнулся на старте, раскинул в стороны руки и ждет команды судьи. Ждем ее и мы, затаив дыхание. Бег начался. Гришин несется по прямой, с каждым шагом наращивая скорость. Вот он проходит поворот. Сейчас перед нами на прямой все должно решиться. Именно здесь спортсмен должен развить максимальную скорость, удержаться на последнем вираже, а там уже дело техники, на последней прямой никто не удержит Гришина. «Не жмись к бровке! — кричит ему вдогонку тренер Константин Кудрявцев, а потом сообщает нам: — Идет на тридцать девять и пять». Но прежде чем эти слова дошли до нашего сознания, прежде чем мы поняли, что никто никогда не мчался с такой скоростью по ледяному кругу, Гришин вошел в поворот, далеко отбросив назад своего соперника, австрийца Офенбергера, и вдруг сбился, потерял равновесие, выпрямился и сбавил темп под оглушительный вздох всего стадиона. Тысячи людей разных национальностей, стоявших у дорожки, так горестно ахнули, будто все это происходило не в глубине Америки, а у нас, на московском стадионе «Динамо». И что делалось вокруг, когда Гришин все же, несмотря на неудачу, сумел преодолеть возникшую инерцию, продолжил бег и закончил его, повторив время своего мирового рекорда!

Только теперь можно было представить себе, какую же «реактивную» скорость развил советский спортсмен, если, потеряв все на повороте, он сумел показать столь высокий результат. Никто не смог побить его время. И хоть многие и сожалели, что новый мировой рекорд не увидел света, все радовались успеху человека, который умеет обгонять время. (Забегая вперед, нужно сказать, что после окончания официальной программы Гришин прошел свою коронную дистанцию с феноменальным результатом — 39,6 секунды.)

А через два дня имя Евгения Гришина снова прозвучало над Долиной Индианок. Гришин пробежал 1 500 метров за 2 минуты 10,4 секунды и разделил с норвежцем Р. Осом почетное первое место. Так снова повторился случай, который был в Кортина д'Ампеццо, когда Гришин разделил первое место на этой дистанции со своим товарищем по команде Ю. Михайловым.

И теперь он снова получил вторую золотую медаль...

Когда Гришин, норвежец Ос и Борис Стенин, завоевавший третье место, поднялись на трибуну почета, над катком бушевал тугой ветер. Он настолько усилился, что флаги, которые собирались поднять на флагшток, трепетали в руках у дюжих американских ребят и вздувались в воздухе, словно паруса. Олимпийский огонь стремительно уносился куда-то влево от колонны наций. Потом началась церемония. И Гришин стоял без шляпы, гордо подняв голову, и даже через все пространство ледяного круга было видно, что он улыбается. А потом ему и Осу вручили золотые медали одновременно, и спортсмены пожали друг другу руки. Над Долиной Индианок развевались три знамени: одно норвежское и два Страны Советов.

Призеры бега на 500 метров: Б. Дисней (США), Е. Гришин и Р. Грач.

ВЗЯТИЕ ГРОМОВИЦЫ

МЕЖДУ ЛЕТОМ И ЗИМОЙ. ПЕЩЕРА В ГОРАХ. ДОВГУН ДЕЙСТВУЕТ. МЫ СЛЫШИМ СЛАБЫЙ СТОН. «ЭТО ОН УБИЛ ОТЦА И МАМУ!» ЭПИЛОГ.

Повесть

Николай АСАНОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

7

В странном находимся мы месте. Здесь как бы спорят между собой зима и лето. И разделяет их узкая полоска, не шире полукилометра. Внизу все зелено, там на полях видны крестьяне, откапывающие и распрямляющие первые позеленевшие побеги виноградника, ходят тракторы по полям, оставляя за собой шлейфы темного дыма и густой пыли, там жаркое солнце, когда хочется скинуть рубашку или хоть воротник расстегнуть, а здесь, у границы зимы, зуб не попадает на зуб, плывет под ногами вода, скользя и звенькая по камням. А выше в гору дымятся легким туманцем снежные языки, сползающие в долины и постепенно истончающиеся, сходящие на нет, посверкивающие льдистыми, хрупкими закраинами. А еще выше снега и снега, среди которых редко проглянет выступ скалы, обдутый ветрами, камень-останец, торчащий, как одинокий зуб, среди выветренной и разрушенной породы. И зима, зима...

При взгляде на огромную, словно бы надвинувшуюся на нас белую зимнюю шапку горы я чувствую озноб, а вместе с ним и сожаление: что, собственно, понесло меня сюда? В городе ей-ей лучше!

Но Володя уже расставляет альпинистов в цепочку, оделяет их веревками; ребята разбирают ледорубы, послушно выстраиваются. Мы, трое самых неумелых, оказываемся разъединенными, каждого из нас «страхуют». Володя становится замыкающим, я оказываюсь между ним и Зиной, дальше, через человека,— Сиромаха, еще через двух — Зимовеев, а впереди — ведущий, Володин помощник по экспедиции, широкоплечий студент Гриднин. Наконец мы делаем первые шаги.

Если считается, что путь до скита и метеостанции легкий, то я не представляю, что же такое тяжелый путь? Уже на первых шагах я чувствую, как мое сердце, давно уже испорченное крепким чаем, кофе, ночными бдениями и предобеденными рюмками, начинает медленно опускаться куда-то вниз, чуть ли не в желудок. Дыхание, на которое я никогда не жаловался, становится коротким, прерывистым, словно мне все время недостает воздуха. А Володя терпеливо инструктирует меня:

— Свободнее шаг! Не наклоняйтесь так сильно вперед! Не отклоняйтесь назад, а то упадете на спину! Молодцом! Так держать! — И вдруг притворно восхищенно: — А вы хорошо идете, хорошо!

Но я-то знаю, что это только доброе притворство с его стороны, знаю, что в душе он клянет себя за то, что связался с неумелыми людьми, что при таком подъеме нам обеспечен ночлег в снегу, ни за что мы не доберемся до скита без привала...

В то же время он успевает наблюдать за своей группой, смотреть на небо, видеть там каких-то птиц, говорить о них. Я-то иду, уткнувшись почти самым носом в снег, согнувшись в три погибели, а ведь у меня нет груза, что волокут на себе настоящие альпинисты: у них и рюкзаки с едой, и палатки, и веревки, и кино-фотоаппараты. Но у меня еще есть гордость! И моя гордость не позволит мне остановиться первым, не даст мне заныть, просить пощады! И я иду, превратившись в вопросительный знак, чуть-чуть не процарапывая носом борозду в снегу,— так низко согнулся я под грузом моих лет и забот, моего решения выдержать этот крестный путь.

Тут я вспоминаю, что летом сюда и на самом деле прокладывают крестный путь. Сотни верующих, таща на себе тяжелые хоругви и иконы, бредут к скиту, чтобы побывать в святых пещерах, где прятались от врагов монахини, испить святой водицы, выбившейся, если верить преданию, из голой скалы по одному только слову святой Анны, одной из прежних настоятельниц монастыря, когда вверившиеся ей души возроптали от жажды и страха... Я вспоминаю об одинокой ропщущей душе послушницы Софьи, о том, что ее ждет, и вдруг чувствую, что мне становится легче идти, я уже не так сгибаюсь, мне даже хочется выпрямиться, хотя это еще пока трудно...

На первом привале я опускаюсь в снег без сил, без желаний. Даже неприязненные слова Зины о том, что новички измучают всех, хотя они и сказаны для меня, проходят словно бы мимо моего слуха.

Потом снова идем. И вдруг я чувствую, что со мной происходит что-то странное. Казалось бы, каждый следующий метр подъема должен даваться труднее, однако сердце как будто успокоилось и вернулось на положенное ему место. Правда, бьется оно все еще рывками, но я уже могу попасть в такт его прерывистому биению, дышать ровнее, и тогда идти легче. Но минут через пятнадцать это ощущение опять пропадает, я снова начинаю задыхаться, и тут удивительный знаток человеческого сердца Володя снова дает сигнал отдохнуть.

Так мы ползем — иного слова я не подберу по своему состоянию — час, два, три. Иногда я оглядываюсь назад, но равнина все еще ближе, чем первый отрог Громовицы, у подножия которого находится скит. И мне все еще трудно оторвать взгляд от ровного зеленого плато и вновь обратиться лицом к суровой снежной горе.

На очередном привале я вдруг замечаю, что шапка горы начинает куриться. Ощущение такое, словно бы на гору прилегло лохматое облако и дышит там трудно, прерывисто, нагоняя на нас этот пронизывающий холод. Я машинально говорю:

— А все-таки долговременный прогноз погоды был точнее...

— Какой долговременный? — настороженно спрашивает Володя.

— Да для сельскохозяйственного управления! — поясняю я, не понимая, что беспокоит Володю.

Володя надвигается на меня всем своим мощным телом. Мы сидим рядом на ледяном ропаке, но я — на нижнем уступе, он — на верхнем. Мне кажется, что он сейчас задавит меня: так близко придвигается.

— Что было в долгосрочном прогнозе? — тихо спрашивает Володя.

— Ну, как всегда для колхозов пишут! Где можно пахать, где будут заморозки. Громовица, я помню, была в зоне осадков и вечерних туманов с заморозками. Вы же видели: по всей долине колхозники откапывали виноград, а под Громовицей нет. Даже выпас скота у Громовицы запрещен. И о пахоте сказано, что будет затруднена из-за снегопада и последующего заморозка...

— Так что же вы молчали?! — вдруг вскрикивает Володя.

— Но Довгун...

— Эх вы, журналист! — И это слово звучит так презрительно, словно только журналисты и были всегда виноваты во всех непорядках мира.— А если Довгун не дошел до метеостанции? Если радиограмму дал не он?

Володя замечает, что его гневные, порывистые жесты и громкий голос привлекают внимание остальных альпинистов, и вдруг шепчет:

— Ни слова о ваших прогнозах! Никому!

Он встряхивается, встает и, словно ничего не произошло, командует:

— А ну, ноги в руки — и вперед!

Это его обычная манера уснащать свою речь всякими поговорками, и я успокаиваюсь. Очевидно, вспышка гнева уже окончилась.

Мы снова ползем в гору.

Но теперь идти становится труднее. Плотный, хотя и разорванный ветром на клочья туман все чаще загораживает нам путь. Поначалу мне даже смешно наблюдать, как человек вдруг исчезает в тумане. Вот был виден весь, а теперь уже только голова торчит из тумана, недоуменно поводя во все стороны глазами, а еще дальше впереди видны одни только длинные ноги Сиромахи, будто все его туловище вдруг съел туман. Очень напоминает фантастический роман Уэллса о человеке-невидимке.

Но когда я сам попадаю в полосу такого тумана, мне становится не по себе. Туман закрывает меня по грудь, но я не вижу, куда ставлю ноги, и все кажется, что под ногами пропасть.

Окончание. См. «Огонек» №№ 10, 11.

Выждав мгновение, когда туман сбрасывает вниз, а волна сверху еще не дошла, Володя останавливается и достает карту. Я и Зина ближе всех к нему, и мы слышим его бормотание.

— Где же тут пещеры? Ага, пик Палец влево, так, так!.. — бормочет он, поглядывая то на карту, то на показавшиеся меж двух волн тумана окрестные возвышенности и скалы. Потом кричит ведущему: — Гриднин, видишь пик? Это Палец. Двигай к нему!

— Вижу! Иду!

В это время приблизившаяся волна тумана достигает Пальца и накрывает его вместе с ногтем, если на этом чертовом пальце есть ноготь. Я успеваю только прикинуть, что по прямой до Пальца метров восемьсот, а вот сколько времени мы будем ползти эти восемьсот метров, мне знать не дано. Я просто подчиняюсь подергиваниям веревки, которой мы все связаны, и делаю шаг направо.

Больше разрывов в тумане нет.

Ощущение у меня тягостное и странное. Я не то чтобы ослеп, но на глаза надели серую, непроницаемую пелену из неосязаемо легкой ткани, а тело окутали словно бы мыльной пеной. Каждое движение в этой взболтанной вместе с воздухом воде дается с огромным напряжением. Я перестаю верить во все: в твердость почвы под ногами, в синее небо, которое где-то должно бы существовать, в ветер, который должен бы разгонять туманы. Я не верю уже и в то, что живу; мне кажется, что я умер и осужден вечно карабкаться в этой неосязаемой темноте, не видя ни друга, ни себя. Даже рук своих, веревки, которой я скреплен с другими, я не вижу. Только голоса доносятся громче, будто эта серая пелена обладает способностью отталкивать их и усиливать, но и от этого излишнего звучания мне не легче, так как теперь я не понимаю, откуда доносятся голоса...

Я двигаюсь в ту сторону, куда меня тянет веревка.

Почему-то приходят мысли о том, что я буду делать, если веревка оборвется...

Но впереди идет опытный альпинист, впереди Гриднин! Он взял пеленг на Палец и выведет нас на этот Палец даже в темноте. У него отличный компас, у него опыт, ему уже приходилось бывать и не в таких переделках. Так успокаиваю я себя.

Где-то впереди я слышу трудное дыхание и понимаю, что так может дышать только неопытный альпинист. Наверно, это Сиромаха или Зимовеев. Я перестаю думать об одном себе и начинаю жалеть за компанию и их. Но тут же вспоминаю, что летчикам, пожалуй, тоже приходилось переживать самые различные приключения, и мне опять становится жалко только себя самого. В конце концов могли бы они оставить меня в покое!

Но тут мне становится стыдно за свой эгоизм. Мне даже кажется, что я покраснел. Во всяком случае, у меня горят щеки и уши, и я почти доволен, что меня никто не видит.

Внезапно туман словно бы сдвигается в сторону, и мы все видим прямо перед собой Палец. Выше пика и совсем недалеко я вижу какие-то строения и догадываюсь: скит. Но Володя, которому я говорю о ските, как будто и не слышит меня; он глядит на темное пятно в скале перед нами, похожее на лаз медвежьей берлоги, также припорошенное по краям инеем, и облегченно говорит:

— Пещера!

В это время туман надвигается снова, но теперь он не влажный, а как бы подсушенный морозцем, покалывающий лицо, легкие, едва я вдыхаю его. И вдруг я отчетливо слышу высоко над нами три легких хлопка, похожие на отдаленное щелканье пастушьего бича.

— Что это такое? — спрашиваю я.

Володя вздергивает голову и становится похожим на прислушивающегося лося — такой же широкоплечий, с отогнутыми, похожими на рога ушами шапки,— потом он кричит:

— Смотрите!

Мы видим, как туман начинает клубиться, словно ему тесно в этой впадине; вот он отрывается, и между туманом и горой возникает щель; видно далеко вверх, но щель эта заполнена страшным гулом и движением. И то, что движется, уже не туман,— движется стена снега, а может, камня.

Володя кричит, и голос у него такой отчаянный, словно он увидел убийцу:

— В пещеру! Быстро!

Мы все бросаемся вперед, но я уже не бегу, меня волокут, как если бы две пристяжные волокли сопротивляющегося коренника. Слева от меня и впереди бежит Зина, оглядываясь с такой злобой, что мне кажется, вот сейчас она обрежет связывающую нас веревку, и я останусь один на один с катящейся на меня снежной, а может, и каменной тучей. Справа бежит Володя, он кричит: «Скорее! Скорее!»,— как будто этим может понудить не только меня, но и мое останавливающееся сердце. Я вижу, как Володя и Зина исчезают в пещере, и в то же время на меня с ревом накатывается нечто неудержимое, бессмысленное, страшное. Но тут меня выдергивают из снежной, уже обволокшей меня пучины, как рыбу из воды, и швыряют к стене, под ноги сгрудившимся и немотствующим людям.

Я лежу, не в силах вдохнуть воздух, только слабо разеваю рот. В глазах у меня красно от прилившей крови; мне кажется, что я умираю, и в то же время я рад, что умираю не от лавины, а на земле, на камнях, у ног товарищей.

Володя становится на колени, щупает мой пульс, расстегивает ворот куртки, потом начинает делать искусственное дыхание. И я хотя еще жив, все как будто бы вижу и слышу, все равно не могу вздохнуть, не могу сам шевельнуть рукой, подать голос.

— Гриднин, флягу!

Это голос Володи, но мне становится еще больнее. Вокруг все тихо, я уже не слышу даже рева лавины, не вижу света — значит, я действительно мертв. Но тут в рот попадает несколько капель спирта, я начинаю кашлять и вскрикиваю, совсем как новорожденный, которого пробудили к жизни шлепком под зад.

— Почему темно? — спрашиваю я, еще не веря, что жив.

— Завалило! — сухо отвечает Володя.

Но это меня уже не пугает. Самое страшное — умирание — позади. Все-таки я жив. Я приподнимаюсь и сажусь, приваливаясь спиной к стене. Я жив!

— Хотел бы я знать, кто сказал, что мы собираемся зайти в скит? — задумчиво говорит Володя.

— Я сказала... Довгуну... — всхлипывая, отвечает Зина.

— Так! — очень тяжело, будто звуки перекатываются во рту, как камни, произносит Володя.— Значит, он нарочно заманил нас в эту ловушку!

— Что ты говоришь?! — вскрикивает Зина.

— Молчи! — страстно, с сиплым присвистом произносит Володя. Остальные придвигаются к нему, загораживая Зину.— Да, он сделал это нарочно! — с огромным убеждением говорит Володя, и нам всем становится нечем дышать.— Он сделал это по приказу из монастыря! Через месяц нас откопают, и монастырь объявит о чуде: безбожники шли в скит, чтобы украсть монахиню, и бог покарал их. Вот что скажут о нас!

— Так вот зачем ты шел в скит! — вдруг кричит Зина.— Я говорила, чтобы ты не путался с этими подлецами! А теперь... а теперь...

— Молчи! — снова яростно говорит Володя, и в его голосе слышится скрип железа.— Если мы выберемся отсюда, можешь выходить замуж за своего Довгуна. Только тебе придется подождать лет пять, пока он освободится из тюрьмы!

— Он-то тут при чем? — взвизгивает, словно разъяренная кошка, Зина.— Он благородный человек! Он предупреждал, чтобы мы не вмешивались в монастырские дела!

— Вы слышите, ребята? — спрашивает Володя, и в голосе его звучат такие ноты, что Зина вдруг замолкает и отодвигается к самой стене.— И я, болван, сказал ей, что мы не могли выручить эту монахиню! А она все сказала Довгуну. Ну, если он попадется мне!..

— Но не Довгун же наслал на нас лавину! — рассудительно говорит Гриднин.— Ты что-то преувеличиваешь, Володя. Я разговаривал с этим Довгуном, он показался мне хорошим парнем...

— Вот слышишь, слышишь?! — снова кричит Зина с торжеством.

— Довгун — подлец! — убежденно и устало отвечает Володя.— Он знал, что на Громовицу идти нельзя, и дал нам неверную сводку погоды. Вот товарищ журналист видел в исполкоме настоящую сводку. В ней говорилось о туманах и заморозках, об осадках и обвалах...

— Да,— подтверждаю я, так как даже в темноте видно, как все поворачиваются ко мне.

— И что тут говорить о лавине! Вы все слышали выстрелы в горах? Достаточно было выстрелить один раз, чтобы обрушить какой-нибудь надув снега, а тут стреляли трижды! И если мы умрем здесь, тот же Довгун скажет, что стрелял в тумане, чтобы подать нам сигнал. Он не скажет, где он стрелял...

— Но как же я? — вдруг совсем по-бабьи вопит Зина.— Ведь он говорил...

— Довольно! — яростно кричит в темноту Володя.— Я сказал: если мы выкарабкаемся, ты будешь его женой! Только не сразу. Подождешь лет пять! За это время ты о многом подумаешь! И о том даже, почему это Довгун не предупредил тебя, что тебе не надо идти с нами! И ты, может, поймешь, что была для него только помощницей, от которой лучше избавиться!

Зина начинает рыдать, но грубый рывок веревки, которой она все еще связана через меня с Володей, бросает на пол и меня и ее. Она поднимается снова и теперь только всхлипывает, размазывая слезы по лицу. В темноте мне видно, как белеют, двигаясь, ее руки.

— Отдохнули? — спрашивает Володя совсем другим тоном.— Сейчас начнем разведку.

Он освобождается от веревки. Мы послушно развязываемся, сматываем веревку. Кто-то шуршит спичками. Володя разрешает закурить. По его мнению, воздуха здесь достаточно да и лавина снежная, не земляная, она пропустит воздух. Он только просит, прикурив, осмотреться при свете спичек и поискать что-нибудь горючее, у кого что есть: бумагу, записную книжку.

— У нас есть кусок провода, свет в палатку проводили,— примирительно бормочет Зина.

— Достаньте провод! — ни к кому не обращаясь, приказывает Володя.

Вот уж никогда не думал, что провод может служить осветительным материалом!

Однако в руках у Володи вспыхивает что-то вроде факела с ядовито-горьким дымом. Если доступ воздуха в пещеру закрыт, мы от этого дыма скоро задохнемся!

Гриднин пробует пробить ледорубом завалившую нас лавину. Наткнувшись на камень, стучит по нему, и мы слышим глухой звук, словно находимся в могиле. Я с трудом унимаю дрожь в руках.

Вдруг Володя останавливает Гриднина и указывает на пламя факела. Огонь изгибается в сторону пещеры, и дым, оторвавшись от факела, змейкой ускользает мимо нас куда-то в глубь черного мрака, будто жаждет соединиться с этой чернотой.

— А что, если пещера имеет второй выход? — спрашивает Володя.— Не все же в этих монастырских преданиях ложь! Куда-то монахини уходили, когда на скит нападали?

Мы нерешительно смотрим на нашего вожака.

Володя собирает все, что может гореть. Он берет и записные книжки, и носовые платки, и плитки сухого спирта, на котором мы собирались разогревать пищу во время привала. Один конец веревки, которой мы были связаны во время подъема, он прикрепляет к камню у входа в пещеру, и мы трогаемся в путь. Впереди идет Володя, замыкающим становится Гриднин. Только Зина теперь держится где-то в конце группы. Мне все время слышны ее вздохи. Но даже в эту не очень веселую минуту мне не хочется, чтобы она разжалобила Володю.

Мы поспешно идем за Володей. Во всяком случае, это какое-то действие. Хуже всего было бы для нас теперь покорное ничегонеделание. Мне даже кажется, что у меня прибавилось сил.

Внезапно Володя останавливается и освещает стену. Мы видим деревянную дверь, вделанную в стену. Володя толкает дверь и освещает факелом внутренность помещения. Это келья. Камера-одиночка с деревянным, проплесневевшим и прогнившим ложем, каменным столом, на котором лежат деревянная, полуистлевшая от старости чашка и деревянная же ложка.

Теперь мы примечаем, что стены пещеры обработаны человеком. Некоторые углы

K. 60

спрямлены, выступы отбиты. Во многих местах выбиты углубления, но ни дверей, ни косяков нет. Очевидно, это временные убежища на одного, на двух человек, а в запиравшейся келье-камере, может быть, доживала свой век какая-нибудь затворница...

Внезапно мы слышим слабый стон.

Это так страшно, что нас охватывает оторопь. И хотя никто из нас не верит в привидения, но так и кажется, что сейчас от стены отделится фигура какой-нибудь монахини в черном (или мертвые появляются в белом?) и двинется на нас, на наши приглушенные голоса, на робкий свет Володиного факела. Мы останавливаемся, словно у нас отнялись ноги, а Зина просто садится, вытянув руки вперед, будто отталкивая уже появившееся перед нею видение. Только Сиромаха внезапно выхватывает из рук Володи факел и бросается вперед.

Стон слышится снова.

Мы стоим в темноте, не успев сделать и шага вслед за исчезнувшим светом факела, как впереди слышится плачущий голос Сиромахи:

— Софьюшка, Софьюшка, что же они с тобой сделали?! — И вслед за этим плачущим зовом грубый, злой: — Да идите же сюда, помогите мне! — И треск дерева, будто он всем телом ломится в закрытую дверь.

Мы делаем несколько шагов в темноте и видим факел в руках Сиромахи, его самого, упершегося плечом в стену, опять слышим треск дерева. Володя подбегает с ледорубом, подсовывает его в щель между дверью и полом. Только теперь мы видим железные полосы на двери, тяжелый замок, с телячью голову величиной, и там, за дверью, слышится тяжкий стон, по-видимому, обеспамятевшего человека, потому что человек этот не слышит, как трещит дверь, не отвечает на горячий шепот Сиромахи: «Софьюшка, Софьюшка, потерпи! Мы здесь, Софьюшка!»

Дверь не поддается. Замок, вставленный в две грубо откованные петли, висит, как мертвый.

Теперь уже пять ледорубов подсунуто под дверь. Сиромаха решил правильно: не возиться с замком, который все равно сбить нечем, а попытаться сорвать дверь вместе с косяком. Дерево простояло в пещере долго, оно должно было истлеть, выветриться, надеется он, но толстые плахи двери только гудят от наших усилий. А стон за дверью все слабеет и слабеет...

— Надо поджечь дверь! — советует Гриднин.

— Ну да, чтобы дым заметили и нас всех замуровали тут! — настороженно отзывается Зимовеев.

— Дайте кирку! — говорит Володя.

Маленькая кирка у кого-то в руках.

— Долби здесь! — приказывает Володя и показывает на верхнюю часть двери, где в камень вделан деревянный косяк.— Товарищ Зимовеев, Гриднин, пройдите по пещере до конца, выясните, куда она выходит. Если пещера выходит к скиту, приглядитесь, что там делается, не слышен ли наш шум. Гриднина пошлите обратно, сами останьтесь там! — Володя говорит таким командирским голосом, словно всю жизнь занимался спасением людей, заключенных в пещерах, и предугадывает все, что еще должно произойти.

Зина просит:

— Я пойду с ними, Володечка! — Голос у нее смирный, тихий, даже нежный.

— Нет! — резко отвечает Володя.— Мы тебе не доверяем!

Это звучит, как пощечина. Зина снова садится, приваливаясь спиной к стене, и тихо плачет. Вероятно, это первые ее настоящие слезы. Раньше она просто устраивала истерики.

Зимовеев и Гриднин, оберегая слабенькое пламя спиртовки, уходят. Мы по очереди бьем киркой. Сиромаха все еще пытается расшатать хоть одну доску крепко сбитой двери. Он зовет и зовет, то громко, то тихо-тихо, как во сне: «Софья! Софья! Софьюшка!»,— и от этого отчаянного зова страшно ноет сердце. А стон за дверью умолк — то ли там беспамятство, то ли смерть...

Вдруг верхний козырек каменной дверной «пяты» отлетает, и дверь медленно ползет в сторону. В образовавшуюся щель веет таким затхлым запахом сырости и плесени, что мы невольно отшатываемся. Но Сиромаха, ухватившись за дверь, рывком отворачивает ее и бросается вперед. Володя с факелом ступает за ним.

Под ломким, срывающимся светом факела мы видим лежащую на каменном полу девуш-

ку в черной монашеской одежде. Белое лицо ее кажется мертвым. Сиромаха, упав на колени, припадает к ней, целует мертвое, как нам кажется, лицо, потом поднимает ее и говорит странно спокойным голосом:

— Помогите мне вынести ее. У нее обморок.

Но тут голос его срывается, зубы скрипят, он страшно вскрикивает:

— Ну, подождите, святоши!

Мы изо всех сил оттягиваем накренившуюся дверь, и Сиромаха протискивается в щель со своей неподвижной ношей. Я нечаянно прикасаюсь к руке Софьи. Рука холодна, как у мертвеца.

Мы срываем с себя куртки, раскладываем их на полу пещеры. Сиромаха опускает Софью на это ложе. Двумя куртками прикрывает девушку и усаживается рядом, безучастный ко всему, кроме той, что лежит перед ним, кроме ее неподвижной, холодной руки, которую он отогревает своим дыханием и, может быть, горячими слезами. Нам неловко смотреть на него, и мы делаем вид, что заняты сборами.

Володя, усевшись в сторонке, дает мне подержать факел и пишет что-то в дневнике экспедиции. Я вижу, как он морщится, будто ему трудно дышать, потом встает, подходит к двери, обмеряет ее, разглядывает металлические полосы, замок, проходит в камеру,— иначе помещение, в котором была заперта Софья, не назовешь,— измеряет и там что-то, сердито ворча:

— Да посветите же!

Потом он опять садится и пишет.

— Что вы пишете? — спрашиваю я.

— Акт! — сердито говорит он.— Подпишите!

Я читаю протянутый мне дневник. Это действительно составленный по всем правилам акт о преступлении против человечности. Мы по очереди подписываем этот документ. Только Зина сидит неподвижно, и мы не подзываем ее.

Появляется Гриднин. Он весь в грязи. Спиртовка догорает жалким, синим огоньком.

— Ну? — сурово спрашивает Володя, словно готов к самому плохому, но мы видим, как Гриднин улыбается во весь рот: он увидел спасенную. Потом лицо его мрачнеет:

— Что с ней?

— Обморок,— коротко отвечает Володя.— Говори! — приказывает он.

— Есть два выхода,— говорит Гриднин.— Один в скиту, под молельней. Но молельня на замке: мы подходили к дверям. Зимовеев там остался на всякий случай. Второй — прямо в гору, недалеко от лавины. Но...— он мнется,— видишь, как я там полз? Ее,— он кивает на Софью,— там не протащишь.

— Пошли через молельню! — все так же сердито говорит Володя.

Я понимаю: он боится за всех нас. Но Софья нуждается в неотложной помощи. От скита есть относительно ровная дорога. Есть в скиту и подводы. Наше появление всполошит всех скитских обитателей — это ясно, но они, вероятно, не осмелятся ни протестовать, ни вредить нам, когда мы окажемся на свободе. И потом там же могут оказаться посторонние свидетели, те же работники метеостанции! Хотя поступок Довгуна...

Володя прерывает мои размышления. Он просто говорит:

— Пошли! Гриднин, помоги товарищу Сиромахе...

— Я сам! — Сиромаха отстраняет Гриднина и легко поднимает недвижное тело девушки.

Володя идет впереди. Замыкает нашу печальную процессию Зина. Не знаю, что с нею творится, но она то и дело спотыкается, будто ослепла от слез.

Подземный ход все время поднимается в гору. Со стен каплет, сырость пронизывает до костей. Сиромаха закутал Софью в наши куртки, и мы все ждем, когда же она хоть застонет, хоть вздохнет в полную силу. А девушка недвижно лежит на сильных руках Сиромахи, даже голова отвисает, как у мертвой.

Гриднин показывает на расселину в стене. Мы понимаем: второй выход начинается здесь. Но при одном взгляде в эту узкую мокрую щель ясно, что с Софьей тут не пройти.

Но воздух незаметно становится все суше и теплее. Мы уже не поджимаемся, как побитые собаки, идем быстрее. Даже мрачный Сиромаха вдруг шепчет:

— Отогревается! Дышит!

Володя делает предостерегающий знак: быть тише воды, ниже травы. И проскальзывает вперед. Когда он исчезает в проходе, мы замечаем впереди свет, затемненный его гибкой фигурой.

Он возвращается, шепчет: «Тише!» — и ведет сначала Сиромаху с его ношей. Тем же порядком он выводит каждого из нас. Только Зина выходит из подземелья сама.

Мы находимся в молельне. Собственно, это маленькая часовня. Она недавно натоплена, в ней жарко, пахнет ладаном и воском. Сиромаха стоит среди молельни, освещенный сверху косыми полосами света, все еще держа Софью на руках. Но что-то изменилось в позе Софьи. Тут я замечаю, что она обняла одной рукой Сиромаху, и это уже живая рука. И дышит она спокойнее, сильнее, заметно, как волнуется ее грудь.

Зимовеев на страже у дверей. В руках у него тяжелая кочерга, и я не сомневаюсь, что он может убить каждого, кто сунется к нам с враждебными намерениями.

Я продолжаю осматривать молельню. Она убрана в двух церковных стилях: во всю стену иконостас, как полагается в православной церкви, а у подножия — статуи святых и Христа с богоматерью — дань унии.

И опять происходит что-то. Слышится слабый вскрик Софьи, и, когда я оглядываюсь, она пытается выскользнуть из рук Сиромахи, а он удерживает ее и шепчет одними губами:

— Это я, Софьюшка, я! Я пришел за тобой! — И девушка покорно замолкает, только прячет лицо на груди Сиромахи.

Зимовеев шепчет:

— Сюда идут! Все ко мне! Как только они откроют дверь, вырваться всем, стать кучно! По двору не рассыпаться! Слышите? — и умолкает.

Мы придвигаемся к нему, прислушиваясь, как стучат чьи-то каблуки по каменным плитам двора возле порога молельни, как гремит ключ в замке.

В тот миг, когда дверь начинает скрипеть, Зимовеев наваливается на нее плечом и резко распахивает. Мы вдруг все вываливаемся наружу, жмурясь от яркого солнца, бьющего прямо в глаза. Вопль испуга замирает медленно и протяжно. И мы видим перед собой группу монахинь и нескольких мужчин. Я узнаю среди этой потрясенной нашим появлением толпы настоятельницу монастыря и машинально вспоминаю: «Сегодня среда, она прибыла на обряд пострижения!»,— вижу господина Джаниса, Довгуна, двух или трех пастухов и перепуганную толпу монахинь.

Софья вдруг выскальзывает из рук Сиромахи и встает, опираясь на него. Она медленно переводит свой взгляд с лица на лицо, и все эти люди перед нею опускают головы, не в силах выдержать ее взгляда. Тут ее глаза встречаются с глазами Довгуна. Она кричит страстно, почти исступленно:

— Это он! Это он! Он убил и отца и маму! Он! Он! Бандеровец клятый! Он! Он!

Этот вопль потрясает, хочется закрыть уши руками, но мы видим, как Довгун меняется в лице, отшатывается и вдруг бросается бежать. Тут Зимовеев делает прыжок вперед, сбивая его с ног, падает на него и кричит:

— Что же вы стоите? Вяжите его! Это же убийца!

Пастухи, словно разбуженные этим приказом, суетливо бросаются к Зимовееву, но Володя отстраняет их. Он и Гриднин одним движением опутывают «метеоролога» веревкой, а Зимовеев ловко обыскивает беспомощного убийцу и с торжеством вытаскивает из его кармана плоский пистолет и длинный складной нож с пружиной, выбрасывающей клинок, какие когда-то доставались нам в трофеи от гитлеровских офицеров.

Потрясенная толпа все еще молчит; слышно только, как люди редко-редко, когда уже невмоготу терпеть, переводят дыхание.

Я вежливо спрашиваю у настоятельницы:

— Не разрешите ли вы, преподобная мать, воспользоваться вашим экипажем? Вашей бывшей послушнице требуется срочная медицинская помощь. Пытка голодом и холодом даже в монастырских условиях никогда еще не способствовала здоровью. Господин Джанис, вероятно, согласится подождать и разделить ваше огорчение?

Настоятельница, словно только что очнувшись, вдруг резко поворачивается и уходит. Ветер развевает ее рясу, шагает она так порывисто, что даже ноги ее видны: в тонких чулках-паутинке, в модных черных полубашмачках на меху. Джанис, словно подтолкнутый в спину, бежит за нею коротенькими, спотыкающимися шажками.

Сиромаха резко говорит:

— Ну, люди, вы видели? Если хотите, оставайтесь с этим богом, а нам помогите уехать отсюда...

Монахини, сбившись в кучу, смотрят на нас с жадным любопытством, и никто не гонит их от нас. Один из пастухов бежит к сараю и выводит оттуда лошадь с санками. Помогая Сиромахе устроить в санках Софью, он бормочет:

— Кто же знал? Кто же знал? Сказали: на увещевание! Кто же знал...— И обращается к Сиромахе: — У подножия стоит бричка, там перепрягите коня. Да нет, я сам, сам!..

— Еще подвода найдется? — спрашивает Зимовеев и кивает в сторону усаженного на приступок Довгуна.— Для него.

— Найдется, как не найтись для такого дела!..— бормочет тот же пастух и опять уходит в сарай. Оттуда он появляется с лошадью, запряженной в волокушу.

— Садитесь, господин Довгун! — сурово распоряжается Зимовеев.— Эх, жаль, не могу я посадить рядом с вами и мать-игуменью и этого иностранного господина! — Он взглядывает на окна чистого домика, в котором скрылись игуменья и Джанис, и там немедленно задергивается штора.

Лошади трогаются, и мы выходим плотной небольшой толпой. За нами из ворот скита выходят и монахини. Они стоят черной стайкой, похожие на бескрылых птиц.

Мы удаляемся все дальше, и тогда в этой стайке бескрылых птиц кто-то машет нам рукой. И кажется, что это у птиц отрастают крылья. Может быть, эти черные птицы так и не взлетят никогда, но у которой-то из них такое желание возникло.

Мы идем молча возле тех саней, на которых полулежит поддерживаемая Сиромахой Софья. Девушка снова в беспамятстве: слишком дорого стоила ей встреча с игуменьей и особенно с убийцей ее родителей.

На повороте в ущелье мы все, как по команде, оборачиваемся и смотрим на Громовицу. Володя громко говорит:

— Да, так и не взяли горушку! Но это от нас не уйдет...

Эпилог

Вскоре после описанных событий я выехал из этого отдаленного города в Москву. Сиромаха был счастлив. Софья довольно быстро поправилась и даже смогла свидетельствовать, когда судили Довгуна. На суде выяснилась оригинальная подробность. Игуменья, зная о причастности Довгуна к бандеровцам, нарочно свела этого «верующего» с Софьей, а когда послушница опознала Довгуна, пригрозила «метеорологу», что уход Софьи в «мир» грозит ему разоблачением. Довгун всячески старался помочь настоятельнице.

Он признался, что замыслил похоронить альпинистов под лавиной, когда узнал от жены начальника экспедиции о неудачной попытке проникнуть в монастырь. Это признание Довгуна окончательно сразило Зину. На другой день она уехала, не ища больше примирения с мужем.

Мне бы и в голову не пришло публиковать сделанные тогда по следам событий записки. Но этой зимой я получил, как уже писал в кратком предисловии, сообщение от старшего лейтенанта Сиромахи о том, что на него наложено взыскание за... «вмешательство в дела церкви...». Литературная дама, о которой шла речь в предисловии, очевидно, решила, что чужие страдания вполне могут стать поводом для ее рукоделия. Будучи решительной по характеру, она ринулась на розыски. Кто-то из авиаторов сообщил ей, что в Москве находится командир той части, в которой служит старший лейтенант Сиромаха. Так она добралась до подполковника Синицына и оказала своим пересказом неизвестных ей событий медвежью услугу и мне и Сиромахе.

Надеюсь, что опубликованием этих моих правдивых записей я сделаю по крайней мере два добрых дела: заставлю товарища Синицына снять незаслуженное взыскание со старшего лейтенанта Сиромахи и лишу мою случайную слушательницу возможности стряпать произведения искусства по слухам. Пусть попробует написать о себе и своих страданиях, если таковые у нее случались.

1960. Львов — Москва.

Владимирская земля

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

ЗИМНИЙ САД

Через окошко синее
В тонких узорах инея
Видится белая нежность —
Зимнего сада заснеженность.
Будто бы не метелью,
А голубой акварелью,
Легкой, почти прозрачной,
Веточки обозначены.
Знаешь ли, что́ ему снится,
Белому зимнему саду?
Может быть, отблеск зарницы?
Или соцветие радуг?
Может быть, птица райская
В сказочном опереньe?
Может, в нем зреет майское,
Светлое стихотворенье?

СУЗДАЛЬ

Мороз идет по городу,
Ворча в седую бороду.
Сухой поземкой стелется
Февральская метелица.
Заснеженная улица
Сугробами сутулится.
А на базарной площади
Заиндевели лошади...
Старинные обители
Как будто в шапках заячьих,
Кряхтят, что их обидели,
И дремлют, замерзаючи...
Так что же здесь? Морозная
Зима Ивана Грозного?
Иль праздник ветра дикого
Времен Петра Великого?..
Нет, и покров и троица
Отбыли век свой с дедами.
А здесь иное строится,
Дела иные ведомы.
И суздальские жители,
До новостей любители,
Сидят у телевизоров,
Экраны ярко вызорив.
И не тропинка узкая
С соломенными вёшками,
А вся равнина русская
Лежит за их окошками.
Растут мальчишки в Суздали,
Покамест незаметные,
Но им достанет удали
Рвануться в межпланетное,
Измерить Марс с Венерою
Своей, земною, мерою
И, оглянувшись издали,
Припомнить
Зиму в Суздали.

СТРУЖАНЬ

Называлась речка Стружа̀нью,
Начиналась она из трех ключиков
И струилась, взяв трех попутчиков:
Легкокрылые облака,
Запах сена и молока
Да пчелы-работяги жужжанье.
Спросят:
Где же река такая,
Где струится она, сверкая?
Это детство мое из замети
Обернулось Стружанью в памяти.
Как знакомы и как изучены
Все быстринки ее, все излучины!
Речка, речка,
Завей колечко,
Молви ласковое словечко,
Позови и меня с собой
В мир, от радости голубой,
Где вода ясна,
Где всегда весна.
И в ответ Стружань не молчит,
Слышу я, как вода журчит:
— Но ведь я отдохнуть не дам,
Потеряешь ты счет годам
И хлебнешь маяты земной...
Не боишься —
Иди за мной!
Я иду.
И солнце меня печет,
И метель беспощадно лицо сечет.
А вода в реке
Все течет,
Течет...

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БОКСОМ?

Пусть простит меня автор «Русского леса» Леонид Максимович Леонов, если я для начала припомню несколько слов из нашей совершенно частной беседы:

— Вы пойдете сегодня на бокс?

— Нет... Увольте, что-то не хочется...

— Что случилось? Вы всегда любили бокс, и вдруг...

— Любил... И разлюбил — не вдруг. Скучновато стало на ринге. Появилась, знаете, банальность в поединках, все можно предугадать заранее... Впрочем, я ведь не специалист. Может быть, ошибаюсь...

Л. М. Леонов был долгие годы непременным свидетелем всех крупных боксерских состязаний. Теперь один из самых верных поклонников спорта мужества и тонкого расчета перестал бывать на соревнованиях. Почему?

Разговоры о том, что на ринге стало скучно, часто слышатся на трибунах. Кто тому виной? Вероятно, не зрители.

Помню, как приняли москвичи первые шаги на столичном ринге студента училища имени Баумана, маленького, собранного, подвижного Веллингтона Баранникова. Они его не знали, не видели прежде. Но они знали, что такое спортивная культура в боксе. Ее черты они сразу сумели распознать в повадках молодого боксера. Да, наши зрители — любители бокса — отлично разбираются во всех его тонкостях и всегда умеют оценить и умный труд тренера и мастерство его воспитанников.

Мне нет нужды приводить в качестве примера историю Геннадия Шаткова или Владимира Енгибаряна. Их искусство оценено по достоинству многочисленными болельщиками, и уже не раз отмечалось, что при всей их несхожести друг с другом есть между ними и боксерами старшего поколения что-то общее. Наблюдая за действиями на ринге Геннадия Шаткова, всегда вспоминаешь лучшие бои нашего ветерана бокса Виктора Михайлова, его спокойную зоркость. И разве не напоминают мгновенные уклоны и столь же стремительные контратаки Владимира Енгибаряна открытый, смелый бой Николая Королева?

Да, есть что-то общее у лучших мастеров ринга. Это общее — отточенная техника. Только она позволяет человеку, взошедшему на ринг, чувствовать себя хозяином положения, позволяет во всей полноте раскрыть свою индивидуальность. Что пользы в самых тонких тактических замыслах, если ты ограничен в средствах их выражения в условиях напряженной обстановки боя! Что толку в твоей выносливости и силе, если ты расходуешь то и другое на пустые попытки сразить соперника ударом с двухметровым замахом!

Вот примерная схема, которую мы наблюдаем, с небольшими отклонениями, на многих соревнованиях.

Первый раунд. Боксеры маневрируют по рингу, используя всю немалую его площадь. Движения их, как правило, красивы, боксерская стойка классическая. Непринужденно меняя дистанции — дальняя, средняя, ближняя, — соперники демонстрируют, по обоюдному согласию, показательный бой, боксируют, так сказать, вхолостую...

Второй раунд. На ринге завязывается бой. Да еще какой! Тут уж не до техники... Соперники принимаются «молотить» друг друга... Идея очевидна — нанести как можно больше ударов. Любой ценой. Пусть даже собственная бедовая голова испытывает «нагрузку» тренировочной «груши». Бой идет по принципу: око за око, зуб за зуб... В буквальном смысле слова. Зал гудит, смешки, недоумения. Куда девалась причесанная красивость первого раунда?..

Третий раунд. Быстро наступает развязка. Она неизбежна. Бокс превращается в вольную борьбу.

А вот несколько конкретных примеров такой схемы.

В полуфинале чемпионата страны 1959 года встретились в наилегчайшем весе казахский боксер Максут Омаров и украинец Мирон Муха. Точно придерживаясь шаблонной схемы, оба мастера спорта, несмотря на резкую разницу в сложении (первый высок, сух; второй коренаст, мускулист), как встали с начала второго раунда друг против друга на расстоянии вытянутой руки, так и простояли, колотя друг друга, как попало, до середины третьего раунда, когда пришло время бессильных объятий...

Ленинградец Виктор Устинов тоже носит на пиджаке значок «Мастер спорта». Но этим, судя по его поведению на ринге, ограничиваются признаки его мастерства. В поединке с Михаилом Вайнштейном (Узбекистан) он просто махал руками, как ветряная мельница крыльями, в напрасной надежде, что авось-де хоть раз заденет соперника...

Стоит ли приводить другие примеры, вспоминать иные имена? Жаль, что в бесстрастных судейских записках, по которым определяется победитель, нет графы «качество боя». Цифры — 60 : 58 — формальная арифметика. За ними скрывается порой недобросовестность иных тренеров, которых почему-то никто не призывает к ответу за явный брак в работе.

К сожалению, бывают существенные «огрехи» и у крупных мастеров.

Не так давно потерпел поражение в поединке с молодым боксером ленинградцем Юрием Коноплевым дважды чемпион Европы Андрей Абрамов. Я видел эту встречу. Надо сказать, что тактика, которую применил ленинградец против своего именитого соперника, была довольно примитивной. Нет, здесь не было ни маневров, ни тонкого обыгрывания. Просто Коноплев, держась подальше от могучих рук чемпиона, наносил ему несильные, быстрые удары и отскакивал. И этого оказалось достаточно. Армейский боксер не нашел в арсенале своих боевых средств нужных технических приемов активной защиты с мгновенными контратаками. Ему не удалось «загнать» соперника в угол, где он, бесспорно, получил бы преимущество. Стало очевидным, что Абрамов просто плохо владеет искусством передвижения по рингу...

Я написал эти заметки для того, чтобы еще и еще раз мы подумали о главном в боксе — технике, спортивной культуре. Мы просто не имеем права допускать на нашем большом ринге драку. У нас есть все для того, чтобы каждая встреча наших мастеров радовала широкий круг зрителей подлинным спортивным творчеством, основанным на свободном владении всем арсеналом техники нападения и защиты. Есть ведь у нас отличные традиции, опыт старших. Есть в боксе свои кандидаты педагогических наук, ученые мужи, защитившие диссертации на важные, нужные темы. Есть большое количество тренеров и сотни тысяч молодых, смелых, крепких ребят, идущих с большой охотой в боксерские залы.

Что же нужно еще, чего не хватает для того, чтобы техника стала достоянием каждого, кто надевает сегодня кожаные боевые перчатки?

Прежде всего нельзя забывать о том, что бокс — сложный и опасный вид спорта. Но он становится опасным только тогда, когда боксер недостаточно подготовлен к бою. Я помню, как много лет назад появился на всесоюзном ринге юный Альгердас Шоцикас. Сенсацией показалось, что в бою с таким стойким мастером, как Андро Навасардов, молодой литовец сумел заставить соперника коснуться пола! Но Шоцикас был в ту пору почти беззащитен. Был очень ограничен запас его техники. Каждый матч с опытными тяжеловесами приносил ему множество травм. Да, он оказался на редкость упорным, трудолюбивым и стал вскоре настоящим большим мастером. Но ранние травмы, когда он по семь раз в одном бою бывал в нокдауне, сделали свое. Не в этом ли причина, что замечательный боксер страдал до конца своих выступлений неспособностью переносить даже несильные удары?.. Не надо спешить с выпуском боксеров на ринг. Тренер московского «Спартака» Виталий Островерхов говорил мне как-то в товарищеском разговоре, что просто не успевает как следует работать с воспитанниками: с него требуют выполнения плана подготовки разрядников и мастеров. План жесткий. Нужно ли это?.. Трудно представить себе, чтобы планировалась подготовка, например, гроссмейстеров по шахматам... Вероятно, тут надо полагаться на добрую совесть педагога, на его естественное желание дать как можно скорее, но вместе с тем как можно более квалифицированное пополнение советского ринга.

И тогда не будет возникать недоуменный вопрос: «Что случилось с боксом?»

Уж очень хочется атакующему боксеру провести удар в голову соперника!.. «А где же защита атакующего?» — спросите вы. Ее как не бывало.

Фото Н. Волкова.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ БРОНЕПОЕЗД

Это было давно, как гласит мемориальная доска: в ночь с 28 на 29 октября (с 10 на 11 ноября) 1917 года. И воскресить события той ночи может на Кировском заводе только старый большевик Михаил Гаврилович Алексеев, работавший тогда слесарем в пушечной мастерской.

— Ночью нас, группу рабочих, вызвали в завком, тут мы и встретились с Лениным,— рассказывает Алексеев.— Увидев нас, Владимир Ильич поздоровался с каждым, попросил сесть и стал расспрашивать, как идут дела с изготовлением пушек. Питеру угрожали белогвардейцы. Ленин приехал к путиловцам побеседовать, узнать, как куется оружие для отпора врагу. Мы сказали: работаем дружно и не пожалеем сил, чтобы снабдить фронт артиллерией.

Около часа разговаривал с нами Ленин. Мы предложили Ильичу закусить с нами: поспела печеная картошка, принесли кипяток. Он охотно согласился; съел несколько картофелин, выпил кружку кипятка, поблагодарил нас. Прощаясь, выразил уверенность, что путиловцы сдержат свое слово. Если бы вы знали,— заключил воспоминания Алексеев,— с каким рвением мы работали после этой беседы!

С той поры путиловцы непрерывно слали на фронт свои стальные дивизионы. За короткое время они отправили много железнодорожных, полевых, зенитных батарей, укомплектовали команды пулеметчиков, разведчиков, связи. Много сил и энергии в создание боевых частей Красной Армии вкладывал отважный путиловец — энергичный вожак рабочих, слесарь пушечной мастерской Иван Газа. Когда в августе восемнадцатого года была отправлена последняя батарея стального дивизиона, Газа вступил в Красную Армию и уехал на Волгу...

Красноармейцы избрали Газа, «как хорошо знающего военное дело, энергичного партийного организатора, агитатора и массовика», своим комиссаром. Горячо он взялся за дело: организовал политическую и военную учебу, создал вагон-клуб, библиотеку, театральную труппу, военный оркестр.

Когда бронепоезд был готов к боевым действиям, на панцире защитного цвета белой краской крупно вывели: «Бронепоезд № 6 имени В. И. Ленина. Вся власть Советам!».

1958 год. Н. С. Хрущев здоровается с П. Д. Никитиным.

Петр Дмитриевич Никитин, бывший заместитель командира бронепоезда, передал нам несколько сохранившихся фотографий тех лет.

— Наш бронепоезд,— рассказал Никитин,— был оснащен паровозом серии «ЯН», развивавшим скорость до девяноста километров. Весь экипаж состоял из путиловцев. И каждый носил нагрудный знак бронепоезда имени товарища Ленина.

Этот памятный знак Петр Дмитриевич бережно сохранил до наших дней.

Путиловцы сражались храбро, беззаветно совершали дерзкие налеты на врага, появлялись там, где их не ожидали. Первое боевое крещение бронепоезд принял в Гжатске. Вместе с частями Красной Армии он подавил белогвардейско-кулацкий мятеж. Громили полки Юденича, интервентов, Краснова, Врангеля, Колчака, банды Булак-Балаховича, Махно.

Однажды был дан приказ подойти к Ямбургу и во что бы то ни стало удержать станцию. Недалеко от намеченного пункта поезд остановился. В разведку послали двух красноармейцев — Ефремова и Чалова. Но они не вернулись. Белые по значкам узнали, что они с бронепоезда № 6 имени В. И. Ленина, зверски зарубили обоих. Расправившись с разведчиками, белобандиты решили преградить путь бронепоезду, пустив навстречу «шальной», без машиниста, паровоз. Иван Газа вовремя заметил это. Прозвучала команда:

— Полный назад!

Комиссар перебрался на орудийную площадку и корректировал огонь. Один снаряд сбил с мчавшегося паровоза трубу, другой разворотил котел, машинное отделение. Замысел врага был сорван.

Осенью девятнадцатого года путиловский бронепоезд перешел под Петроградом на Варшавскую линию. Детское село и Александровская были уже взяты белогвардейцами. Быстро пополнив запас снарядов, воды, дров, снова вступили в бой с белой армией, рвавшейся к революционному Петрограду.

— Положение донельзя серьезное,— сказал комиссар. И, вынув из кармана бумажку, стал читать воззвание В. И. Ленина к защитникам Петрограда.— Дальше отходить некуда,— взволнованно говорил Газа.— Отступать мимо Путиловского, Нарвской заставы не будем!

Ленинские слова глубоко запали в сердца путиловцев. Врага разбили наголову. За храбрость и геройство, проявленные в этих боях, красноармейцы и командиры удостоились ценных наград, а комиссар Иван Иванович Газа был награжден золотыми часами, на крышке которых выгравировано: «Честному воину Раб. Кр. Красной Армии Военкому И. И. Газа от ВЦИК 1919 г.».

В сражении под Двинском бронепоезд попал в засаду. Враг минировал полотно. Газа сам взялся очистить путь бронепоезду. Но вражеская пуля тяжело ранила храбреца. Комиссар успел выбросить динамитную шашку за полотно, но вернуться на паровоз уже не мог. Бойцы отправились на поиски комиссара и нашли его. Экипаж бронепоезда стремительно набрал скорость и прорвал засаду.

За отличие в этом бою И. И. Газа был награжден орденом Красного Знамени.

Не одну тысячу километров прошел по стальным путям бронепоезд. Закончив сражение в Сибири против Колчака, путиловцы сдали бронированный поезд железнодорожникам.

По-разному сложилась судьба воинов легендарного бронепоезда. Петр Дмитриевич Никитин работает на Кировском, не хочет расставаться с родным заводом. Летом 1958 года Никита Сергеевич Хрущев, побывав в гостях у кировцев, тепло жал ему руку.

Комиссар Иван Иванович Газа, секретарь Ленинградского горкома партии, умер в октябре 1933 года. Сказалась старая рана в легком. Осенью каждый год на Марсовом поле, у могилы Жертв Революции, где похоронен Газа, появляются свежие цветы. Их приносят рабочие Кировского завода.

К. ЧЕРЕВКОВ,
В. КАРПУЩЕНКО

1919 год. На орудийной башне бронепоезда № 6 имени В. И. Ленина сидит на стволе орудия И. И. Газа, лежит на башне П. Д. Никитин.

МУЗЕЙ СЕЛА УТЯТСКОГО

Каждый, кто приезжает в село Утятское, Курганской области, сразу обращает внимание на вывеску сельского музея. Пока музей невелик — он занимает две комнаты в здании клуба. Организатор и директор музея — учительница Варвара Степановна Иванова. Ее трудами собраны все экспонаты. Специальный стенд посвящен прошлому села Утятского, начиная с момента его основания в 1680 году. Здесь можно прочитать воспоминания стариков о том, каким «событием» в селе явилось приобретение первого самовара, о том, как впервые загорелась керосиновая лампа.

Вот одна из записей, относящихся к 1958 году: «С 21 по 26 января мы, утятцы, невооруженным глазом наблюдали движение по небосводу искусственного спутника Земли. Маленькая звездочка двигалась с северо-запада на юго-восток».

Сейчас Варвара Степановна готовит новый стенд, посвященный героям семилетки.

— Ухожу на пенсию,— говорит она,— теперь буду заниматься только музеем. Колхоз обещал помочь деньгами, в клубе для нас освободят еще одну комнату.

В. СМИРНОВ

Учительница В. С. Иванова готовит материалы для стенда «Герои семилетки».

Фото В. Устюжанина.

Дом на Архангельской (ныне улица Ленина).

Когда Ленин жил в Пскове...

26 февраля 1900 года Владимир Ильич Ленин приехал в Псков, где он решил поселиться после окончания трехлетней ссылки в Сибири. Расположенный вблизи Петербурга и недалеко от западной границы, Псков был удобен для Ильича тем, что давал возможность сноситься с русскими революционерами как в столице, так и за рубежом.

Пребывание В. И. Ленина в Пскове связано с важнейшим событием в истории большевистской партии — созданием газеты «Искра» и журнала «Заря».

Владимир Ильич несколько дней прожил на Великолукской улице в квартире врача Горошкова, затем переехал на Стенную улицу в квартиру Радченко и, наконец, поселился у провизора Лурьи, в доме купца Чернова по Архангельской (ныне улица Ленина). Здесь в небольшой комнате он прожил с начала марта по июнь 1900 года.

В одном из писем к матери, посланном из Пскова 19(6) апреля 1900 года, Владимир Ильич писал: «Беру уроки немецкого языка у одного здешнего немца, по 50 к. за урок. Переводим с русского, немного говорим — не очень-то хорошо идет дело, и я подумываю уже не бросить ли,— пока впрочем посмотрю еще».

ЖЕЛАЮТЪ БРАТЬ УРОКИ
нѣмецкаго языка (теор. и практ.) у образованнаго нѣмца. Преддож. письменно: Архангельская, д. Чернова, кв. Лурьи, для В. У.

Объявление в «Псковском Городском Листке».

Собирая исторические материалы о пребывании Ленина в Пскове, я пытался установить, с кем Владимир Ильич занимался немецким языком. И вот после многочисленных неудач решил просмотреть объявления местных газет за 1900 год. И тут мне посчастливилось. В 23-м номере газеты «Псковский Городской Листок» от 19 марта 1900 года напечатано следующее объявление: «**ЖЕЛАЮТ БРАТЬ УРОКИ** немецкого языка (теор. и прант.) у образованного немца. Предлож. письменно: Архангельская, д. Чернова, кв. Лурьи, для В. У.».

О том, что эта публикация принадлежит Владимиру Ильичу, говорят и адрес, и фамилии хозяев дома и квартиры, и, наконец, инициалы Ленина. В отличие от других объявлений, которые в этой газете обычно повторялись в нескольких номерах, объявление Ленина напечатано лишь в одном номере. Возможно, произошло это потому, что кто-то немедленно откликнулся и Владимиру Ильичу не было нужды повторять объявление. Более того, можно предположить, что учитель немецкого языка жил в одном из домов, уничтоженных в годы Отечественной войны, на бывшей Георгиевской улице. За это предположение говорит объявление в «Псковском Городском Листке» от 13 февраля: «Практические уроки немецкого языка: разговор, чтение и письмо. Занятия ежедневно по часу, с платою только по 2 рубля в месяц. Адрес: Георгиевская ул., дом и квартира Вериго 2—1».

Г. ДЕЙЧ,
доцент Псковского педагогического института

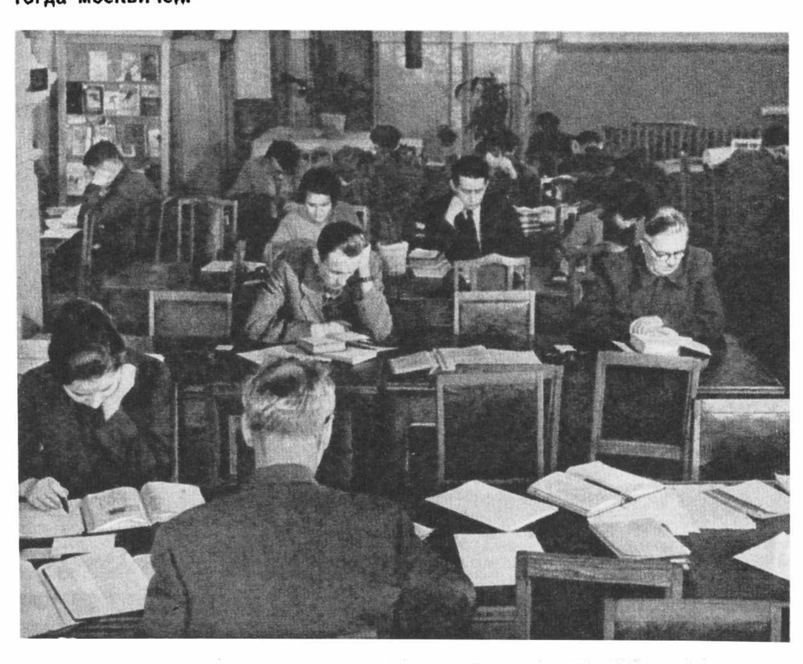
«ТУРГЕНЕВКЕ»—75 ЛЕТ

Многие москвичи знают это старинное двухэтажное здание у Кировских ворот. Здесь 75 лет назад, вскоре после смерти И. С. Тургенева, по инициативе либеральных профессоров университета была основана первая в Москве бесплатная читальня, названная именем великого русского писателя.

Ее завсегдатаями стали ремесленники, мастеровые, неимущий трудовой люд. Называли читальню в просторечии «Тургеневкой».

В ее стенах в 1905—1906 годах устраивались явки революционеров-подпольщиков, пропагандировалась нелегальная литература.

В канун Великого Октября студенты и учащиеся собирались в курилке библиотеки, чтобы, скрывшись от бдительного ока доносчиков, обменяться мнениями по поводу политических событий, волновавших тогда москвичей.

Всегда людно в залах «Тургеневки».
Фото Р. Лихач.

За три четверти века читателями «Тургеневки» было не одно поколение юношей и девушек. В полутемном зале с галереей подолгу засиживались энтузиасты книги, впоследствии видные деятели науки, искусства и литературы. Здесь часто можно было видеть старейшего советского писателя Телешова, известного театроведа профессора Дурылина...

Посетителям открыт свободный доступ к стеллажам. В читальне проводятся традиционные «вторники». Ежемесячно выпускается устный альманах «Наша жизнь». Пенсионеры и школьники, домохозяйки и врачи, сидя рядом в зале, слушают выступления популярных в столице лекторов, артистов, музыкантов, новаторов производства...

За годы Советской власти книжный фонд читальни увеличился в 25 раз. Ежегодно ее посещают не менее 13 тысяч человек. Старинное здание, построенное по проекту архитектора Чичагова, уже не вмещает всех собранных здесь книг, среди которых немало уникальных экземпляров.

Е. ФРИД

На очередном заседании творческого клуба «На огонек» со своими последними работами познакомили собравшихся заслуженная артистка РСФСР Рина Зеленая, артисты Александр Шуров и Николай Рыкунин, артист Малого театра Михаил Новохижин, композитор Э. Калмановский и лауреаты Всесоюзного конкурса артистов эстрады Юрий Филимонов, А. Лившиц, А. Левенбук.

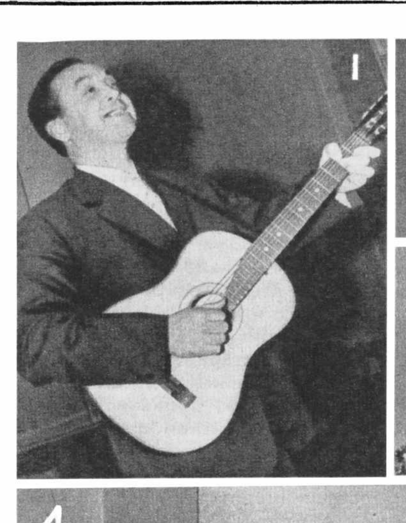
Рина Зеленая исполнила произведения С. Михалкова «Я и Павлик» и Б. Юдина «Живой уголок».

Основные исполнители и руководители эстрадного Маленького театра Александр Шуров и Николай Рыкунин показали отрывки из нового спектакля — «Подробности при встрече».

Михаил Новохижин исполнил шуточную песенку Рынди из спектакля Малого театра «Веселка», польскую народную песенку, записанную им во время гастролей театра в Польше, затем вместе с композитором Калмановским — его новые песни.

Юрий Филимонов пишет интересные литературно-музыкальные пародии и очень смешно, актерски остро их исполняет. Они пользуются большим успехом.

Самыми молодыми участниками встречи были комсомольцы Александр Лившиц и Александр Левенбук. Они второй год работают на эстраде, но за это время уже получили признание зрителей. В 1957 году, когда на Всесоюзном фестивале молодежи и студентов проводился конкурс эстрады, Лившиц и Левенбук — тогда еще участники самодеятельности — были награждены серебряной медалью, а в 1958 году им было присвоено звание лауреатов на Всесоюзном конкурсе эстрады.

На снимках: 1. Михаил Новохижин. 2. А. Лившиц и А. Левенбук. 3. Рина Зеленая. 4. Выступление эстрадного Маленького театра под руководством Александра Шурова и Николая Рыкунина. 5. Ю. Филимонов.

Фото А. Бочинина.

Энтомологические марки

На X Международном энтомологическом конгрессе, состоявшемся осенью 1956 года в Канаде, было заслушано сообщение индийского энтомолога А. С. Рао об изображении насекомых на почтовых марках. К этому времени во Франции была выпущена марка с портретом известного энтомолога Ж. Фабра, рассматривающего насекомое в лупу. По углам марки мы видим цикаду, богомола, копра, которых исследовал ученый.

Первая энтомологическая почтовая марка появилась уже через два года после установления оплаты писем марками. Марка вышла в США, на ней изображен пчелиный улей. Всего было выпущено свыше ста марок с изображением насекомых — бабочек, жуков, мух, пчел. На индийской марке можно видеть деревню с заболоченным прудом и комара — переносчика малярии. Эта марка входит в серию, пропагандирующую пятилетний план развития Индии, где уделяется большое внимание борьбе с малярией. На марках разных стран показаны вредные для сельскохозяйственных растений насекомые.

В. ЯХОНТОВ,
член-корреспондент АН Узбекской ССР

Знак соли

Марки земской почты не часто встретишь в коллекциях. Земства оформляли марки более разнообразно, чем государственная почта, что и привлекало филателистов, но печатались эти марки сравнительно небольшими тиражами. Чаще всего на них изображены гербы городов, важные исторические события, животные.

Вы видите марку Бахмутского уезда. Бахмут (ныне Артемовск) — один из наиболее старых городов на территории Донбасса. Здесь был опорный пункт охраны Московского государства от набегов крымских и ногайских татар и, кроме того, место солеварения. В 1870 году в Бахмуте была заложена первая соляная шахта, в дальнейшем город становится крупным центром соляной промышленности. Вот почему на марке был нарисован знак соли, принятый алхимиками еще со средневековья: разделенное на две части кольцо, которое помещено на двухцветном щите.

Е. ПАЛЬЧЕВСКИЙ

Луганск.

Похищение Венеры

Едва в западной прессе появилось сообщение о том, что цены на произведения искусства растут и спрос превышает предложение, как сразу участились кражи картин из музеев Парижа, Ганновера, Франкфурта-на-Майне и других городов, а также полицейские объявления о разыскиваемых преступниках. Похитителей картин интересует один-единственный вопрос: какой капиталец можно сколотить на этом деле? Совершить нападение на банковского кассира или взорвать сейф куда менее прибыльно, чем похитить полотно знаменитого художника. «Кривая на рынке искусства идет вверх»,— писала западногерманская газета «Цайт». И действительно, с аукционов поступают сведения о рекордных ценах. Картину кисти Рубенса продали в Лондоне за 3,3 миллиона долларов. За два полотна Сезанна и Гогена было уплачено свыше трех миллионов. А между тем Сезанн при жизни так нуждался, что отдавал свои работы за бутерброд; Гогена до самой смерти преследовали нищета и кредиторы.

Недавно из музея во Франкфурте-на-Майне была украдена «Венера» Луки Кранаха, а из музея в Далеме (район Западного Берлина) — этюд Рембрандта «Голова Христа». Воры воспользовались благоприятными обстоятельствами. Кража в Далемском музее произошла в тот день, когда один из вахтеров не вышел по болезни на работу. Освободив полотно от проволоки, гвоздей и скоб, похитители оставили музею на память раму. У ворот злоумышленников ждали две машины. «Венеру» Кранаха только что вернули во Франкфуртский музей и не успели еще соединить проводом с электрической сигнальной установкой.

«Воры продали картины до кражи, в этом можно не сомневаться»,— заявили в полиции репортеру. Несмотря на согласованность действий международной полиции и строжайший контроль в крупных аэропортах и пограничных пунктах, следы воров обнаружить не удалось.

Всплывут ли когда-нибудь эти картины на поверхность или они окончательно исчезли? На этот вопрос никто не может ответить. До сих пор, например, не обнаружен автопортрет Рембрандта, пропавший в 1919 году из музея в Веймаре.

Л. ЛЕЖНЕВА

— А почему это никто не крадет?

Рисунок из газеты «Берлинер моргенпост».

САТИРИЧЕСКИЕ

М. СЕМЕНОВ

«НИЧЕГО»

Длинная очередь у телефона-автомата. В ожидании, когда юный ремесленник закончит разговор с невидимым абонентом, собралась большая толпа. Среди других — девушка с лисой, в красном берете. Девушка куда-то торопится:

— Да гоните вы его из будки,— волнуется она,— не видите разве, что он попусту болтает!

Но очередь настроена миролюбиво и предоставляет парню возможность спокойно закончить разговор.

Наконец девушка дождалась своей очереди. Выхоленными пальцами, на которых ногти пылали кумачом, она опустила пятиалтынный в щель аппарата.

— Тетя Вера? Здравствуйте, тетя! Это я, Лиза. Узнали? Ну, я очень рада. Как мои дела? Ничего. И ваши ничего? Вот и хорошо. Как я себя чувствую? Ничего. Правда, думала, что горло заболело, но теперь ничего. Что? Ничего, говорю.

Пауза. Тема задушевного собеседования с тетей явно иссякает. Девушка с лисой и кумачовыми ногтями делает мучительные усилия, чтобы продолжать разговор:

— Ну, а как вообще, не скучаете? Некогда скучать? А я вот скучаю. Чего позвонила? Да так, ничего... ничего особенного... Вы спешите? Не можете больше говорить? Ну, ничего, я в другой раз еще позвоню.

Девушка вешает трубку. Ее проворные пальчики открывают металлическую коробочку автомата, куда обычно выпадают монеты, если абонент занят или не отвечает. Но там пусто. Этот телефон-автомат действует вполне исправно...

ПАСТ ИНДЕФИНИТ

Левычкины учат дочку английскому языку. Каждый вторник и пятницу в дом приходит Ревекка Габриеловна и занимается с Катенькой два часа. Катенька очень прилежна: забившись куда-нибудь в уголок, настойчиво зубрит уроки, аккуратно ведет тетради. Ревекка Габриеловна также не страдает рассеянностью, записи в ее дневнике отличаются четкостью и точностью.

«Паст индефинит (прошедшее время): 4 вт.+ 3 птн.= 140 рб».

Чтобы оплачивать уроки дочери, папа Левычкин берет дополнительную работу, приходит домой поздно и очень устает. Мама Левычкина утешает его:

— Ничего, Боря, ты уж потерпи. Зато наша Катенька будет блестяще знать язык. Теперь ведь без английского и не сунешься никуда.

Папа терпит и старается. Катенька тоже старается. Но странное дело: занимается она уже третий год, а не произнесла еще ни одной английской фразы.

Но вот как-то в воскресный день к Левычкиным приехала дальняя родственница, прожившая восемь лет в Англии. За обедом мама попросила:

— Катенька, скажи нам что-нибудь, пусть тетя послушает.

— Ну, а что сказать, мама?

Желая вознаградить папу Левычкина за его неустанные труды, мама потребовала:

— Скажи, Катенька, например, так: «Мой папа усердно работает».

Катенька пролепетала:

— My daddy works hardly.

— Ну, как? — спросила мама Левычкина у приезжей родственницы.—Ведь, правда, девочка чудно владеет языком?

— Да, несомненно,— ответила тетя.— Но мне кажется, что вы просили Катеньку о другом. А она сказала: «Мой папа работает еле-еле».

Услышав эти слова, папа Левычкин побагровел, отбросил в сторону салфетку и вышел из-за стола. Он с таким ожесточением отодвинул стул, что ваза, стоявшая на серванте, грохнулась вниз и разлетелась на сотни осколков. Катенька горько заплакала.

Но, как выяснилось, ребенок был тут ни при чем. Все дело в том, что Ревекка Габриеловна, будучи человеком рационально мыслящим, не придавала никакого значения окончаниям английских слов. Ей всегда казалось, что hard (усердно) и hardly (еле-еле) — одно и то же слово. И вообще она серьезно полагала, что окончания в словах эти чопорные англичане придумали лишь для пущей важности.

Когда буря в семье улеглась и гости разъехались, мама Левычкина с помощью старых табель-календарей за 1957, 1958 и 1959 годы легко подсчитала, что тяжкое оскорбление папы Левычкина унесло у нее из дома: холодильник «ЗИЛ», кухонный гарнитур немецкого производства, ковровую дорожку и два платья — одно выходное, из чистой шерсти, и второе — обыденное, штапельное, по 28 рублей 40 копеек за метр.

ЕДИНИЦА И ДРОБЬ

Г. РЫКЛИН

Рисунки Е. Ведерникова.

Хочу вам коротко рассказать о том, как в нашем тресте единица стала дробью.

Жила-была единица. По фамилии Звягин.

И вот Звягин что-то интересное придумал, что-то изобрел. Вручил он свой проект непосредственному начальнику. Прошел месяц, другой. Молчит начальник.

Бывалые товарищи посоветовали Звягину:

— Возьми его в соавторы, и дело пойдет.

Начальник согласился стать соавтором. И вот единица стала половиной.

— Но надо,— добавил начальник,— и Федора Матвеича привлечь к этому. Дело лучше пойдет.

Привлекли Федора Матвеича. И вот единица стала третью.

А Федор Матвеич сказал:

— Обязательно надо приспо-

Явный брак.
Рисунок В. Воеводина.

— Нажми! Опять мы отстали от жизни.
Рисунок А. Волкова.

Клюнула.

Рисунок Г. Андрианова.

СЦЕНКИ

собить сюда Карпушина. Все-таки он начальник отдела кадров. Может, пригодится.

Приспособили Карпушина. И вот единица стала четвертью.

А Карпушин, в свою очередь, мягко, но категорически посоветовал:

— Нельзя игнорировать председателя месткома. Нужно, чтоб и он участвовал в этом вопросе.

Под проектом появилась подпись председателя месткома. И вот единица стала пятой частью.

А пока мы пишем эти строки и время идет, можно быть уверенным, что единица все более и более дробится. Поголовье соавторов растет.

Кстати, я тоже хочу быть соавтором этого изобретения. Ведь я пишу о нем. Значит, участвую.

ОДИНОКАЯ БРОДИТ ГАРМОНЬ

Вдруг я узнаю, что некий редактор произвел Нетудыкина в заведующие отделом поэзии.

С таким же успехом его могли назначить заведующим нефтелавкой, танцплощадкой или парикмахерской. От поэзии он был так же далек, как топор от мадригала.

Ради Нетудыкина я принес в редакцию небольшое стихотворение. Это было произведение известного поэта, которое начинается строкой «Снова замерло все до рассвета». Шутки ради, я под этими стихами поставил другую фамилию.

Нетудыкин пробежал стихотворение, и ни один мускул не дрогнул на его мужественном лице. Бесстрастно и вместе с тем с большим чувством собственного достоинства он процедил сквозь зубы:

— Нет, дорогуша. Народ сейчас не приемлет таких стихов.

— Вам это известно?

— Мы для этого и сидим здесь, чтобы знать.

— А если он приемлет?

— Кто? Народ? Не приемлет! Вот возьмем наше стихотворение. Что это такое: «Снова замерло все до рассвета»?.. Где это? В колхозе? Что же там происходит? Спит руководство. Спит актив. Этой строчкой вы потакаете лодырям. Обождите, молодой человек, не прерывайте меня. Дальше у вас написано, что «на улице где-то одинокая бродит гармонь». Тут более серьезный идеологический вывих. Тема одинокой бродячей гармони характерна для всего стихотворения. Тема, скажу я вам, молодой человек, не новая. Те же индивидуалистические нотки, что и в вашем стихотворении, звучат в одном старом романсе, который я недавно случайно услышал по радио: «Выхожу один я на дорогу». Что? Вы хотите возражать? Потом. Не нарушайте хода моих мыслей. Я вас спрашиваю, почему одинокая гармонь? И это в то время, когда развитие сельской самодеятельности приняло у нас такие громадные размеры!

Дальше у вас говорится о том, что кто-то ищет в потемках кого-то. Что за мистика? Почему потемки? Почему он свои поиски не может оставить до утра? Упадничество еще более подчеркивается строчкой «с яблонь цвет облетает густой». Значит, все отцвело?

В заключение вы предъявляете такую претензию к гармонисту: «Что ты девушкам спать не даешь?..» Обидно для мужчин. Почему такая забота о девушках? А мужчина разве может уснуть, если всю ночь под окном будет наяривать гармонь?

Нет, дорогуша,— закончил Нетудыкин,— такие стихи нам не подходят. Вот на днях нам прислал стихи Михаил Исаковский. Вот это вещь! Не то, что ваша одинокая гармонь...

Этот разговор в редакции произошел несколько месяцев тому назад. А на днях я зашел в промтоварный магазин, что на окраине города. За прилавком я увидел Нетудыкина, того самого.

Он убеждал покупателя:

— Дорогуша, рекомендую вот эти подтяжки. Великолепные!

— А вы это точно знаете? — спросил покупатель.

— Голуба,— снисходительно ответил Нетудыкин,— мы для этого здесь сидим, чтобы знать...

СЛОНЫ И МИКРОБЫ

В заметке «Сколько съедает слон?», помещенной в последнем прошлогоднем номере «Огонька», сообщалось о меню слонов в Московском зоопарке. В Центральном государственном архиве древних актов СССР сохранился любопытный документ. В 1711 году персидский шах Хусейн прислал с послом в подарок Петру I индийского слона. Во время пребывания персидского посольства в Петербурге за слоном ухаживали два перса. После их отъезда в 1713 году для присмотра и ухода за слоном был определен отставной драгун Гаврила Бабаецов, хорошо знавший лошадей. Было решено, что это самый подходящий служитель при слоне. С 15 февраля 1714 по 1 января 1715 года, как свидетельствует запись, слону было выдано: «пшена сорочинского (риса) — 250 пуд, масла коровья — 48 пуд, патоки — тож, калачей — по 60 на день, сена 1 600 пуд, свеч—2 150, вина простого (водки) — 315 ведер, ренского—315 бутылок, соли — 8 пуд». Можно не сомневаться, что около слона неплохо кормился сам драгун Бабаецов с компанией своих приятелей. В этом он отчасти признался, заявив, что «только-де повинен вина простого 4 ведра с полуведром, понеже оное вино сам пил и солдатам давал за работу».

При таком рационе, почти не получая овощей и других растительных кормов, слон не протянул и трех лет. В расходной книге по Кабинету Петра I скорбная запись от 21 мая 1717 года сообщает: «На корм мясникам, 9-ти человекам, которые потрошили слона, 8 алтын».

Позднее для ухода за слонами в Россию приглашались индийцы. Из архивных документов известно, что за пятнадцатью слонами, находившимися в петербургском зверинце в 1742 году, ухаживало 40 индийцев-слоновщиков. Они охотно брались обучать русских юношей своему ремеслу.

В. ОВЧИННИКОВ,
старший научный сотрудник Центрального государственного архива древних актов СССР

◇

Может быть, читателям «Огонька», познакомившимся с кормлением слонов, будет интересно знать следующие сведения о микробах.

Пищевых веществ бактерии перерабатывают в течение суток в 25—30 раз больше их собственного веса. Если бы человек обладал такой способностью, то он съедал бы в сутки две-три тонны хлеба или мяса от ста голов овец. Размножаются бактерии путем поперечного деления. При хороших условиях оно протекает через каждые 20—30 минут. Следовательно, когда человек проживет сутки, у микробов за это время происходит смена 48—72 поколений. При непрерывном размножении «век» бактерийной клетки продолжается всего 20—30 минут, в течение которых она успевает прожить «детство», «отрочество», «юность» и оставить потомство.

При благоприятных условиях одна бактерия размером в 1—2 микрона через 48 часов способна создать 271 биллион клеток, через 36 часов — микробную массу в 400 тонн, а через 5 суток — такое количество, которое заполнило бы бассейны всех морей на земном шаре.

Теплолюбивые бактерии размножаются в 10 тысяч раз быстрее описанных. Поколения их мелькают, как кадры киноленты. Буквально в каждый миг здесь создается и заканчивается новая жизнь.

Многие микробы подвижны. Скорость их движения колоссальна: до 200 микронов в секунду. Это значит, что бактерия размером в один микрон пробегает расстояние в 200 раз большее, чем она сама.

Профессор М. ЗЕМСКОВ,
заведующий кафедрой микробиологии Воронежского медицинского института

2000 лет на дне болота

В королевском музее Копенгагена появился новый экспонат: голова человека, жившего в железном веке. Она была найдена на дне Толлундского торфяного болота в Дании. Датские ученые считают, что эта голова пролежала в болоте около двух тысяч лет. О ее сохранности можно судить по фотографии. Реставрирован был только нос.

А. РЕВИН

Тыква-кормилица

После опубликования в № 35 «Огонька» за 1959 год заметки «Огурцы на тыкве» в редакцию пришли письма со всех концов Советского Союза с просьбой подробнее рассказать о прививке огурцов на тыкве.

— Везде, где растет тыква, на ней можно выращивать огурцы разных сортов и получать ежегодно высокие урожаи,— сказала нашему корреспонденту кандидат сельскохозяйственных наук Серафима Петровна Лебедева.— Можно посеять семена огурца и тыквы в комнате, теплице, парнике с середины апреля до середины мая. Огурцы сеют в ящики, а тыкву — в гончарные, торфоперегнойные, бумажные и другие горшочки. Когда у огурца разовьется первый листочек, а у тыквы появится к этому времени второй листочек, приступают к прививке, обильно поливая перед этим растения теплой водой. Скальпелем или острым ножом сначала удаляют у тыквы второй листок. Потом между семядолями, по темной продольной полоске на стебле тыквы, делают разрез в полтора-два сантиметра. Затем срезают с корня огурец — привой, берут его большим и указательным пальцами левой руки за семядоли и осторожно снимают с двух сторон слой кожицы длиной в полтора-два сантиметра, не срезая конец стебля клином. Огурец вставляют в разрез тыквы. Семядоли огурца должны быть над семядолями тыквы, параллельно им. Место прививки перевязывают мягким мочалом. Растения снова обильно поливают теплой водой.

Чтобы привитые растения прижились, нужны тепло в 22—25 градусов и высокая влажность. В теплицах на дно стеллажей насыпают песок и сильно увлажняют его. Стеллажи закрывают парниковыми рамами. Стекла парниковых рам закрывают от солнечных лучей светлой бумагой. Утром и вечером рамы приподнимают на несколько минут для проветривания. В комнатах можно приспособить для рассады обычные ящики, накрыв их стеклом. Высота стеллажей и ящиков — 30 сантиметров.

На шестой — восьмой день у огурцов начинается рост. Растения приучают к свежему воздуху, поливают теплой водой и подкармливают два раза в неделю раствором селитры (одна столовая ложка на ведро воды) или раствором коровяка.

При высадке растений в грунт повязку не снимают и место срастания не засыпают землей, а прикрывают бумагой или травой. Плети растений пришпиливают к земле. Как только растения пойдут в рост, привои отводят на юг и пришпиливают, не засыпая их плети землей, а плети тыквы поворачивают на восток, пришпиливают и засыпают землей.

На тыкву прививают не только огурцы, но и дыни, арбузы, люфу. На ней могут расти сразу огурец и арбуз, дыня и люфа, арбуз и дыня в каких угодно сочетаниях. Сама тыква, вскормив питомцев, дает с гектара до сорока тонн плодов. В них много витаминов. Из тыквы можно приготовить разнообразные вкусные блюда, в том числе и повидло. Семена тыквы содержат до пятидесяти процентов жира. Сочную и насыщенную каротином ботву охотно поедают домашние животные и птица.

С. П. Лебедева.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж повести М. Горького «Мать». 7. Крученая нить большой прочности. 8. Зал. 9. Река в Бирме. 10. Литературный жанр. 13. Род загадки. 18. Птица семейства фазановых. 19. Автор цикла картин «Моя родина». 20. Синтетический каучукоподобный материал. 21. Плодовое дерево. 22. Часть станка. 25. Автор исторического романа «Навои». 27. Новый вид спорта. 28. Переносное жилище. 29. Советский гроссмейстер. 30. Товарищ по работе.

По вертикали:

1. Государство в Азии. 2. Приспособление у плуга. 3. Герой туркменских народных легенд. 4. Топливо. 6. Повесть А. Толстого. 11. Многолетняя трава, в корнях которой содержится краска. 12. Столица автономной республики. 14. Редкоземельный элемент. 15. Уговор, соглашение. 16. Танец. 17. Древнейшая форма славянского письма. 23. Роман И. Эренбурга. 24. Пенька, из которой изготовляются корабельные снасти. 25. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 26. Остров Индонезии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

5. Верещагин. 6. Систематика. 9. Пятигорск. 11. Хлор. 12. Алеш. 14. Фасад. 17. Коленкор. 18. Академия. 19. Демосфен. 20. Квартира. 21. Калка. 24. Визе. 25. Джут. 26. Варакушка. 29. Хронометраж. 30. Дефиниция.

По вертикали:

1. Сессия. 2. Березина. 3. Тарасова. 4. Сириус. 7. Фельетонист. 8. Стереотруба. 9. Прокофьев. 10. Караганда. 13. Сойер. 14. Франк. 15. Дамка. 16. Фибра. 22. Аналогия. 23. «Крушение». 27. Апогей. 28. Кармин.

Находка на заводском дворе

На шихтовый двор Кировского завода привозят металлолом для переплавки. Проходя по двору, рабочий И. Ракитянский заметил металлический диск. Это оказалось отлитое из чугуна блюдо. Его очистили от ржавчины. По краям блюда сделан орнамент из сложных узоров, на дне — барельеф: Петр I в мундире Преображенского полка с лентой через плечо берет лопатой грунт. Рядом с ним стоит человек с раскрытым чертежом в руках.

Находку кировцы передали в Русский музей, где блюдо и будет выставлено.

В. КАРПУЩЕНКО

Фото Ю. Жаренова.

Ленинград.

ДИРИЖИРУЕТ КУЛЯШ НУРБАЕВА

Едва дирижерская палочка оказывается в руках Куляш, как весь облик этой застенчивой и хрупкой девушки мгновенно преображается. Неизвестно даже, откуда берутся у нее такая решимость, такая властность... С первым же энергичным взмахом руки неотрывно устремляются на дирижера сорок пар глаз домбристов; в них светится глубокое внимание и сосредоточенность. Глаза же самой Куляш не черные, как у всех почти казашек, а янтарные, цвета гречишного меда,— горят в экстазе; девушка словно сама становится живым воплощением музыки.

Курмангазы — любимый композитор Куляш. Она увлеклась его сочинениями, еще когда занималась в Уральском музыкальном училище. Окончив училище в 1959 году, Нурбаева стала руководителем одного из крупных коллективов колхозной самодеятельности Джангалинского района (Западный Казахстан).

Сперва не очень-то слушались своего юного дирижера оркестранты: ведь некоторые из них были чуть не вдвое старше двадцатилетней Куляш, да и на домбре они играли не первый год... Зато знали бы вы, как слаженно, четко звучит оркестр теперь: будто единым дыханием он дышит и единое, безраздельное чувство им руководит. Послушные легчайшему мановению волшебной дирижерской палочки, домбристы искусно передают многообразную мелодию казахской степи; кажется, вся она напоена солнцем, светом, ветром, и то гудит, подобно большому золотому шмелю, то взрывается целым сполохом звуков. Будто слышишь щебет птиц в беспредельной синеве неба, шуршание зреющих трав и злаков, бешеный топот коня, мчащегося на всем скаку... Ритм своеобразной, неповторимой музыки все нарастает, все учащается... И только с последним аккордом Куляш, словно очнувшись, устало опускает руки, откидывает со лба русую прядку волос...

Большим и щедрым талантом наделена казахская девушка. Она не мыслит себе жизни без музыки. И самая заветная мечта ее — Консерватория...

Н. ТОЛЧЕНОВА

На последней странице обложки: Дирижирует Куляш Нурбаева.

Фото Д. Ухтомского.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

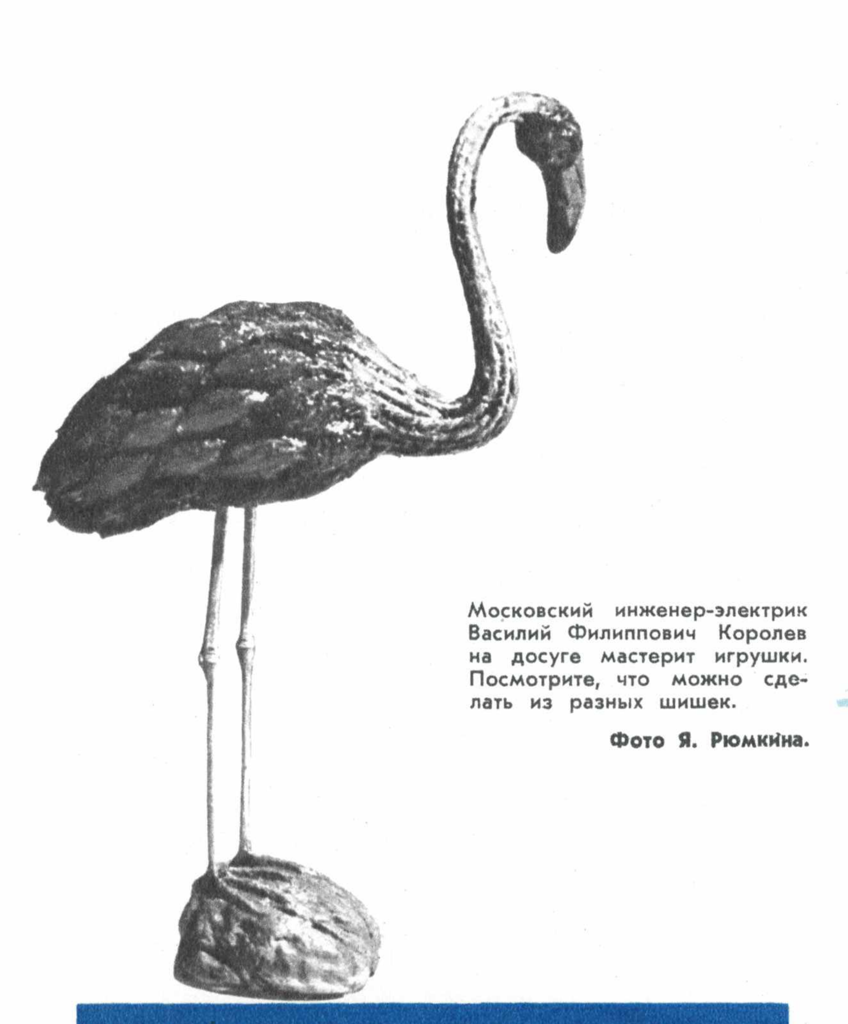
Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

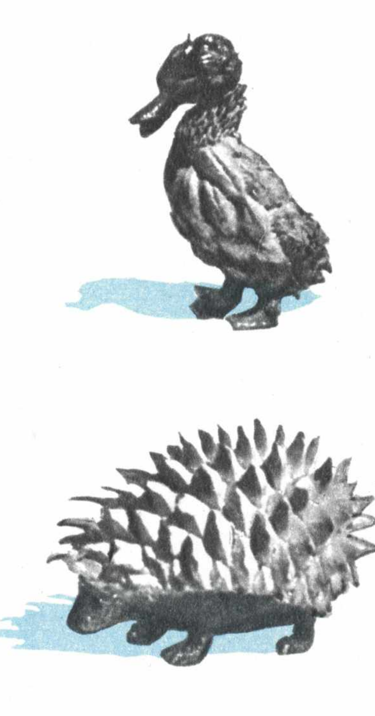
А 00862. Подписано к печати 16/III 1960 г. Формат бум. 70×108[1/8]. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 434. Заказ № 617.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

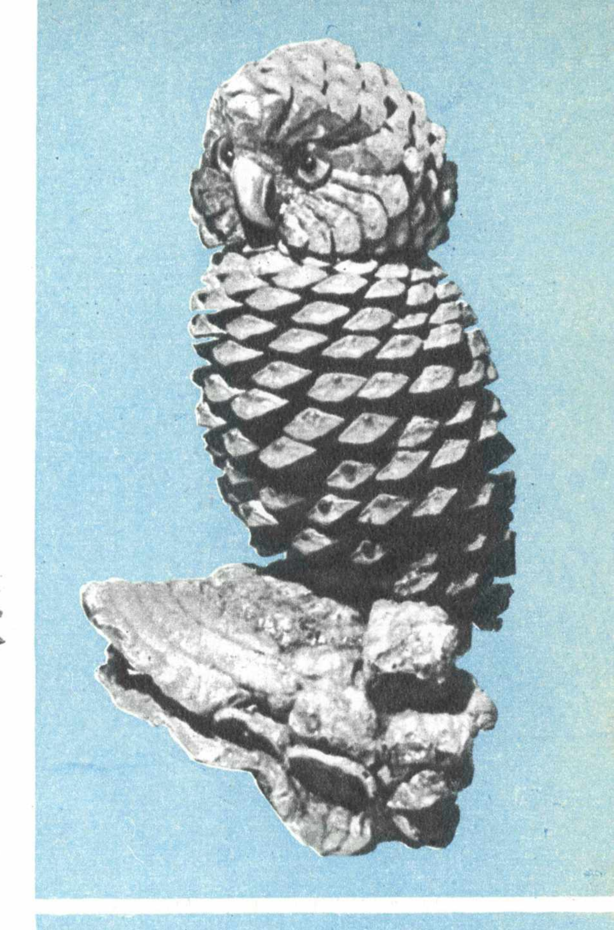
ВЕСЕЛЫЕ ИГРУШКИ

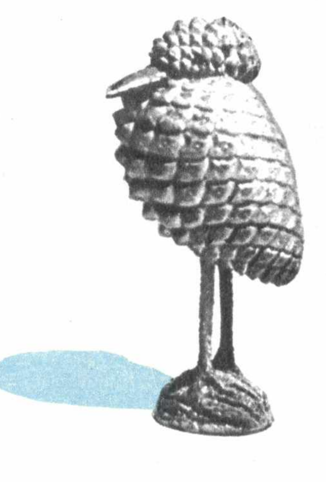

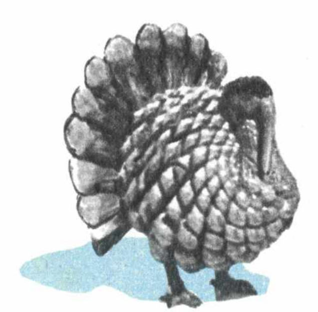

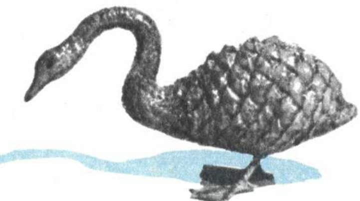
Московский инженер-электрик Василий Филиппович Королев на досуге мастерит игрушки. Посмотрите, что можно сделать из разных шишек.

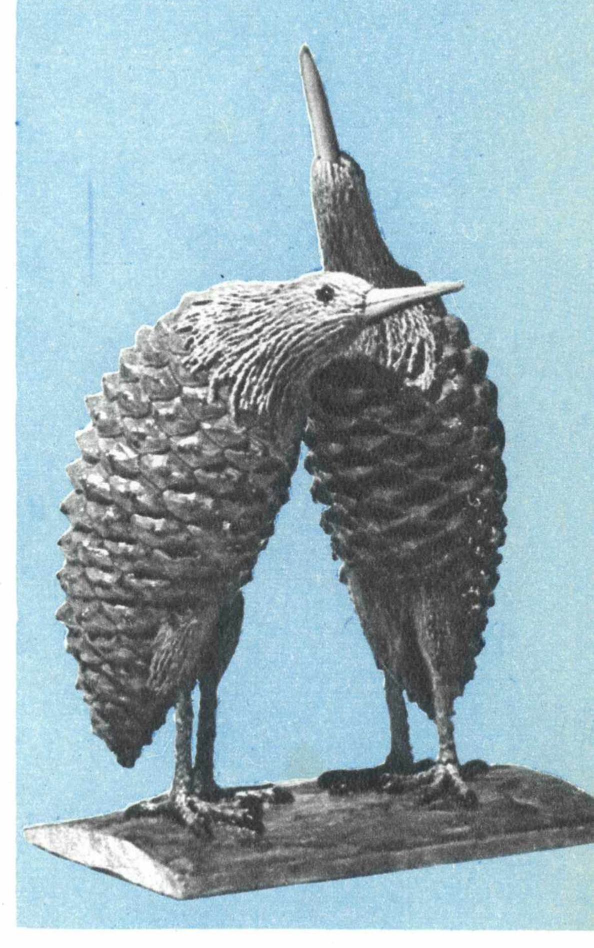
Фото Я. Рюмкина.

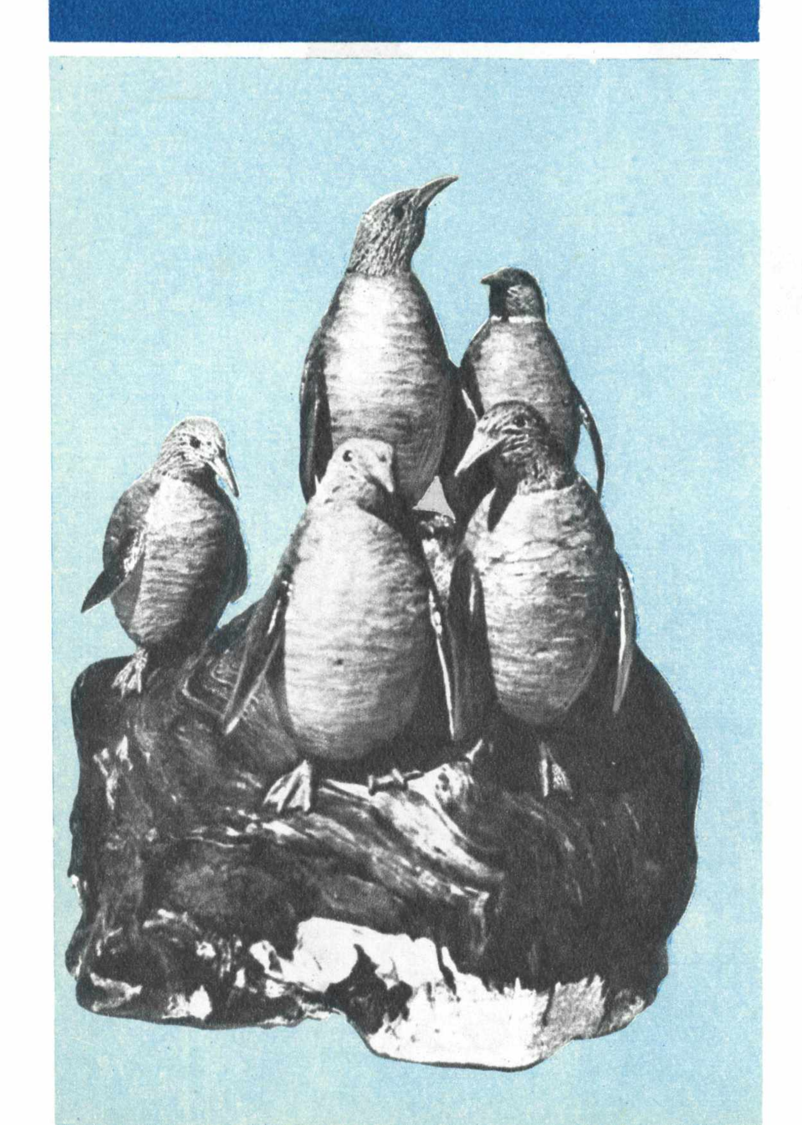

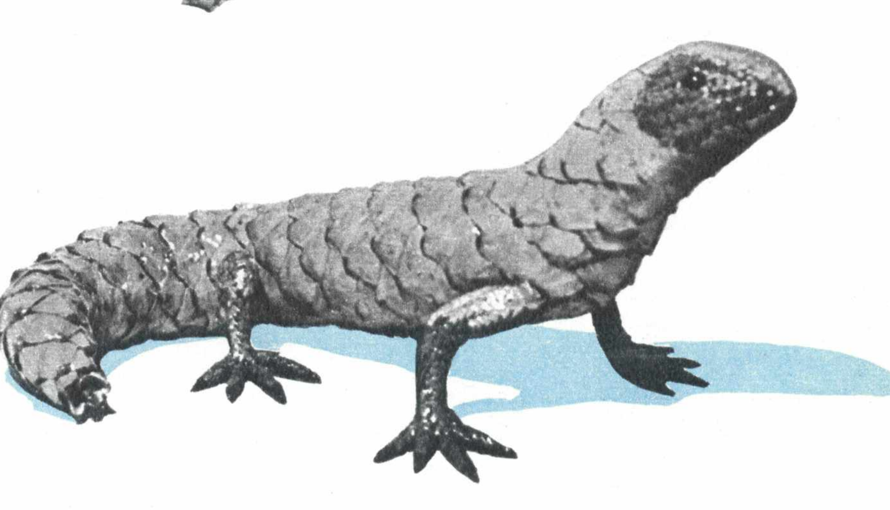

Цена номера 3 руб.